

КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ЭРАГОН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наследие

Кристофер Паолини
Эрагон. Возвращение

«РОСМЭН»

2005

УДК 21.111(73)-312.9-93
ББК 84(7Сое)

Паолини К.

Эрагон. Возвращение / К. Паолини — «Росмэн»,
2005 — (Наследие)

ISBN 978-5-353-04134-4

Продолжение мирового бестселлера «Эрагон» Кристофера Паолини! Враг сражен, но не повержен... Лишь счастливая случайность помогла Эрагону заставить армию темного короля Гальбаторикса отступить. Но чтобы одержать полную победу над имперскими войсками, одной удачи мало. Эрагон и его верный дракон Сапфира должны отправиться в столицу эльфийского королевства – загадочную Эллесмеру. Только здесь он сможет научиться управлять своей волшебной силой и усовершенствовать владение мечом. Юный драконий Всадник не знает, что легендарный город хранит не только секреты мастерства, но и тайну наследия Всадников – магический дар драконов...

УДК 21.111(73)-312.9-93

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-353-04134-4

© Паолини К., 2005

© Росмэн, 2005

Содержание

Краткое изложение первой книги тетралогии «Наследие»	6
Двойная беда	9
Совет Старейшин	15
Истина познается среди друзей	23
Роран	30
Охота на охотников	36
Обещание Сапфиры	41
Реквием	45
Клятва верности	49
Колдунья, змея и свиток	52
Дар Хротгара	62
Щипцы и молот	66
Возмездие	72
Слезы Ангуин	77
Кельбедиль	86
Бриллианты в ночи	95
Под темнеющими небесами	101
«Вниз по стремительной Мер-Уош»	105
На плотях	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Кристофер Паолини

Эрагон

Возвращение

Роман

*Эту книгу я, как и первую, посвящаю своим родителям.
А также фэнам, тем замечательным фэнам, благодаря которым
я и решился на эту авантюру написать продолжение предыдущей
истории.*

Se onr sverdar sitja hass!

Что на языке эльфов означает:

«Да будут остры ваши клинки!»

* * *

Christopher Paolini
Eldest

*This translation published by arrangement with Random House Children's
Books, a division of Random House, Inc.*

*Все права на книгу на русском языке принадлежат издательству
«РОСМЭН».*

*Ничто из нее не может быть перепечатано, заложено в компьютерную
память или скопировано в любой форме – электронной, механической,
фотокопии, магнитофонной записи или какой-то другой – без письменного
разрешения владельца.*

Наш адрес в Интернете: www.rosman.ru

Text copyright © 2005 by Christopher Paolini

Jacket art copyright © 2005 by John Jude Palencar

© Издание на русском языке. ЗАО «РОСМЭН», 2009

Краткое изложение первой книги тетралогии «Наследие»

Эрагон, пятнадцатилетний парнишка с небогатой фермы, к своему величайшему изумлению, находит в горном массиве Спайн прекрасно обработанный синий самоцвет необычайной величины и относит его домой. Он живет с дядей и двоюродным братом Рораном. Дядя Гэрроу и его рано умершая жена Мэриэн воспитывали Эрагона с рождения. Его мать, Селену, родную сестру Гэрроу, не видели с тех пор, как мальчик появился на свет, а об отце и вообще ничего не известно.

Через некоторое время на камне появляется трещина, и оказывается, что это не камень, а яйцо, из которого вылупляется крошечный дракончик. Когда Эрагон прикасается к нему, на ладони у него остается светящаяся серебристая метка. А чуть позже между мальчиком и драконом возникает прочная мысленная связь, благодаря которой Эрагон становится одним из легендарных Всадников.

Орден Всадников был создан несколько тысячелетий назад, сразу после великой войны между эльфами и драконами, чтобы впредь препятствовать возникновению враждебных отношений между этими народами. Всадники являлись не только хранителями мира в Алагейзии, но и просветителями, целителями, естествоиспытателями и величайшими магами, ибо тесная связь с драконом дает каждому из них власть над магическим искусством. Под руководством Всадников и под их защитой страна переживала свой золотой век.

Когда в Алагейзии появились первые люди, некоторые из них тоже стали членами этого благородного ордена, и миновало немало мирных десятилетий. Но однажды воинственные и страшные ургалы убили дракона у одного молодого Всадника. Этот человек по имени Гальбаторикс, обезумев от горя – а нового дракона Всадники ему дать отказались, – начинает вынашивать план уничтожения ордена.

Выкрыв другого дракона и назвав его Шрюкн, Гальбаторикс с помощью черной магии подчиняет его себе, а затем собирает отряд из тринадцати Всадников-предателей, которые получают в народе прозвище Проклятые. С их помощью Гальбаторикс подрывает основы ордена, убивает его предводителя, эльфа Врайля, и объявляет себя правителем Алагейзии. Однако его власти подчиняются далеко не все: эльфы и гномы остаются независимыми, предпочитая скрываться в своих тайных убежищах, а определенная группа людей создает на юге Алагейзии независимое государство Сурду. В течение восьмидесяти лет тянется открытое сопротивление власти Гальбаторикса, заканчивающееся полным разгромом Всадников, и наступает некая патовая ситуация, продолжающаяся вот уже двадцать лет.

В этот-то неустойчивый период и появляется на сцене Эрагон со своим драконом. Опасаясь, что ему грозит смертельная опасность – известно, что Гальбаторикс убил всех Всадников, отказавшихся принести ему клятву верности, – Эрагон прячет свою питомицу, ибо это оказывается дракониха, в лесу и называет ее Сапфирой в честь одного из драконов древности, о котором он слышал от деревенского сказителя Брома. Двоюродный брат Эрагона, Роран, вскоре покидает родную ферму, чтобы заработать денег и жениться на Катрине, дочери местного мясника.

Когда Сапфира подрастает и становится уже больше самого Эрагона, в селении появляются чужаки, похожие на двух жутких черных жуков. Это раззаки. Они ищут тот самый синий камень, который на самом деле был яйцом Сапфиры. Сапфира испугана; она уносит Эрагона далеко в горы Спайна, и ему лишь с трудом удается убедить ее вернуться. Однако к этому времени его родной дом уже сожжен раззаками, ферма уничтожена, а израненного Гэрроу он находит под обломками: раззаки явно пытали его.

Вскоре после этого Гэрроу умирает, и Эрагон дает клятву выследить и убить раззаков. К Эрагону присоединяется Бром, который знает о существовании Сапфиры и имеет свои личные причины отправиться с ним в это опасное путешествие. Получив согласие Эрагона, Бром дарит ему меч Заррок, который некогда принадлежал одному из Всадников, но отказывается рассказать, откуда у него этот меч.

За время долгих скитаний Эрагон многому учится у Брома, в том числе фехтованию и искусству владения магией. Вскоре след раззаков теряется, и Бром предлагает Эрагону посетить город Тирм, где живет его старый друг Джоад: он надеется, что Джоад сможет подсказать им, как обнаружить логово раззаков.

В Тирме Эрагон знакомится с весьма эксцентричной колдуньей и травницей Анжелой, которая предсказывает ему будущее. Она говорит, что великие силы будут соревноваться друг с другом за возможность управлять его, Эрагона, судьбой; что у него будет долгий роман с некоей высокорожденной дамой; что однажды ему придется покинуть Алагейзию, чтобы никогда уже не вернуться назад; что его предаст кто-то из ближайших родственников. Приятель Анжелы, кот-оборотень Солебум, тоже дает ему несколько советов. Затем Эрагон, Бром и Сапфира отправляются в Драс-Леону, где надеются отыскать раззаков.

Бром наконец признается Эрагону, что является агентом варденов – повстанческой группировки, борющейся за свержение Гальбаторикса, – и говорит, что скрывался в Карвахолле, родном селении Эрагона, ожидая, когда появится новый Всадник. Бром также объясняет, что двадцать лет назад он вместе с Джоадам выкрал у Гальбаторикса яйцо Сапфиры. Во время похищения Бром убил Морзана, первого и последнего из Проклятых. Теперь на свете осталось всего два драконьих яйца, и оба они хранятся у Гальбаторикса.

Неподалеку от Драс-Леоны раззаки устраивают Эрагону и его спутникам засаду, и Бром, защищая Эрагона, получает смертельное ранение. Раззаков отгоняет прочь загадочный молодой человек по имени Муртаг, который говорит, что тоже давно их преследует. На следующую ночь Бром умирает, но перед смертью признается Эрагону, что когда-то и он был Всадником, а его погибшего в бою дракона тоже звали Сапфира. Эрагон хоронит Брома, построив ему надгробие из простого песчаника, но Сапфира превращает это надгробие в алмазный саркофаг.

Лишившись Брома, Эрагон и Сапфира решают присоединиться к варденам. Однако в городе Гиллиде им страшно не везет: Эрагон попадает в плен к ужасному шейду Дурзе, который является правой рукой самого Гальбаторикса. С помощью Муртага Эрагону удается бежать из тюрьмы, прихватив с собой еще одну пленницу – эльфийку Арья, доведенную пытками до беспамятства. К этому времени Эрагон и Муртаг становятся настоящими друзьями.

Между Эрагоном и Арьей устанавливается мысленная связь, и эльфийка рассказывает, что именно она возила яйцо Сапфиры от эльфов к варденам и обратно в надежде, что дракон проклянется для кого-то из их детей. Однако во время последней такой поездки она попала в засаду, устроенную Дурзой, и была вынуждена с помощью магии отослать яйцо далеко в горы, где его и нашел Эрагон. Арья серьезно ранена и истерзана пытками, ей незамедлительно требуется помощь варденов, и она мысленно объясняет Эрагону, как отыскать тайное убежище повстанцев. Эрагон и его друзья в страшной спешке умудряются преодолеть за восемь дней почти четыре сотни миль, преследуемые отрядом ургалов, которые устраивают им засаду близ высоких Беорских гор.

Муртаг, который упорно не хочет присоединяться к варденам, вынужден рассказать Эрагону, что Морзан – его отец, однако же сам он осуждает деяния отца и даже отказался от покровительства Гальбаторикса и бежал из его дворца, желая самостоятельно выбирать свой жизненный путь. Он показывает Эрагону огромный шрам на спине – этот след оставил меч Морзана, когда сам Муртаг был еще ребенком. Итак, Эрагон узнает, что его меч некогда принадлежал отцу Муртага, который предал Всадников, выдал их Гальбаториксу и убил многих своих братьев по ордену.

В тот момент, когда ургалы, устроившие засаду Эрагону и его друзьям, уже готовы были напасть на них, неожиданно, будто прямо из скалы, появляются вардены и спасают их. Оказывается, тайный лагерь мятежников располагается внутри огромной полой горы Фартхен Дур – десять миль в высоту и десять в поперечнике. Там же, в горе, находится и столица гномов Тронжхайм. В Фартхен Дуре Эрагона отводят к предводителю варденов Аджихаду, а Муртага сажают в темницу, зная о его кровном родстве с Морзаном. Аджихад многое объясняет Эрагону, в том числе то, что вардены, эльфы и гномы договорились, что, когда появится новый Всадник, его (или ее) сперва будет воспитывать Бром, а затем – эльфы, ибо только они смогут дать ему необходимые знания и умения. И теперь Эрагону нужно решать, следовать ли этим путем.

Эрагон знакомится с королем гномов Хротгаром и дочерью Аджихада Насуадой; его подвергают особой, «мысленной», проверке Двойники, двое лысых и весьма неприятных колдунов, находящихся на службе у Аджихада; он тренируется в фехтовании с выздоровевшей Арьей и снова встречается с Анжелой и Солебумом, которые присоединились к варденам. Эрагон и Сапфира также благословляют одну девочку-сиротку из числа варденов.

Внезапно приходят вести о том, что по прорытым гномами тоннелям к городу приближается армия ургалов. Разгорается сражение, во время которого Эрагон разлучается с Сапфирой и вынужден в одиночку сражаться с шейдом Дурзой. Дурза, будучи гораздо сильнее любого из людей, легко берет верх над Эрагоном и наносит ему мечом страшную рану на спине – от плеча до бедра. И в это мгновение Арья и Сапфира проламывают крышу парадного зала Тронжхайма – гигантский Звездный Сапфир в шестьдесят футов в поперечнике – и отвлекают Дурзу настолько, что Эрагон успевает нанести шейду смертельный удар прямо в сердце. Освободившись от чар, которыми Дурза сдерживал их, ургалы тут же отступают назад, в подземные тоннели.

Лежа в бесспамятстве после битвы, Эрагон вступает в мысленную связь с неким существом, которое называет себя Тогира Иконока, «изувеченный, но целостный». Он предлагает Эрагону ответить на все его вопросы и говорит, что искать его нужно в Эллесмере, столице эльфийского королевства.

Когда Эрагон приходит в себя, он обнаруживает, что, несмотря на все старания Анжелы, на спине у него остался огромный безобразный шрам, почти такой же, как у Муртага. И в ужасе понимает, что ему удалось поразить Дурзу исключительно благодаря случайному везению. После чего он твердо решает ехать учиться у эльфов и непременно отыскать этого Тогиру Иконоку. Ибо суровая Судьба уже спешит ему навстречу – по всей земле слышны первые отзвуки грядущей войны; близится время, когда Эрагону придется сделать решительный шаг и встретиться лицом к лицу со своим единственным настоящим врагом – королем Гальбаториксом.

Двойная беда

«Песни мертвых – это плач живых» – так думал Эрагон, перешагивая через скрюченные, изрубленные тела ургалов и слушая причитания женщин, которые выносили убитых с обильно политой кровью земли Фартхен Дура. Сапфира шла рядом, стараясь не наступать на мертвецов; голубая сверкающая чешуя драконихи была, казалось, единственным, что испускало свет во мраке, царившем внутри полых горы.

Три дня миновало с тех пор, как вардены и гномы сразились с ургалами за обладание Тронжхаймом, невероятным городом, построенным гномами внутри горы, в самом сердце Фартхен Дура, но поле брани все еще хранило следы ужасного побоища. Мертвых оказалось так много, что не хватало сил похоронить их всех вовремя. В отдалении, за стеной Фартхен Дура, пылал огромный костер – там сжигали убитых ургалов. Ни посмертных почестей, ни места упокоения врагам жители города-крепости не предоставили.

С тех пор как Эрагон пришел в себя и обнаружил, что рана его заботливо перевязана Анжелой, он три раза пытался помочь себе с помощью магии. Но каждый раз его прямо-таки оглушала ужасная боль, которая взрывалась, похоже, где-то в позвоночнике. Целители поили его всякими отварами и снадобьями. Арья и Анжела говорили, что рана его почти затянулась, да и сам он порой чувствовал себя совершенно здоровым, хотя боли по-прежнему возникали регулярно. Ничем не сумела ему помочь и Сапфира; она лишь старалась разделить эту боль с ним благодаря их постоянной и прочной мысленной связи.

Эрагон провел ладонью по лицу и посмотрел на звезды, что виднелись в жерле старого гигантского вулкана. Свет их застилал жирный дым от погребального костра. Три дня. Целых три дня прошло с тех пор, как он убил Дурзу! И вот уже три дня люди называют его Губителем Шейдов – с тех пор, как гибнущее сознание колдуна перестало терзать его душу и его разум и плоть спас Тогира Иконока, таинственный мудрец, «изувеченный, но целостный». Эрагон никому, кроме Сапфиры, не рассказывал об их мысленной связи. После сражения с проклятым Дурзой и теми темными силами, которым подчинился шейд, Эрагон сильно изменился, но и сам еще не понял – к лучшему или к худшему. Сейчас же он чувствовал себя необычайно хрупким; ему казалось, что любое внезапное потрясение способно совершенно выбить его из колеи, замутнить сознание и ослабить плоть.

На поле брани он пришел, подчиняясь болезненному желанию собственными глазами увидеть последствия сражения. Но там царили лишь смерть и разложение, порождая в душе тревогу и ужас, а не ощущение славной победы, которое, как это представлял себе Эрагон, вспоминая старинные героические песни и легенды, он должен был бы испытывать.

Если бы несколько месяцев тому назад его дядя, Гэрроу не погиб страшной смертью от руки раззаков, та ненависть и жестокость, которую проявили сражавшиеся с ургалами люди и гномы – и Эрагон видел все это в бою собственными глазами, – могла бы свести его с ума. Он и сейчас прямо-таки онемел, когда его глазам представилась страшная картина: заваленное изуродованными трупами поле боя. Сапфира подсказала ему, что единственный способ не утратить разум, когда вокруг столько ужаса и боли, – это что-то делать. Ибо Эрагон уже начал сомневаться в том, что жизнь обладает неким неотъемлемым смыслом: слишком страшна была сейчас земля Фартхен Дура, заваленная оторванными конечностями и настолько пропитавшаяся кровью, что даже грубые башмаки промокли насквозь. Его охватывала дрожь, когда он вспоминал, как куллы – гигантские рогатые ургалы – разрывали людей и гномов на части. «Если в битве и есть некое благородство, – думал Эрагон, – то оно в том, чтобы защитить слабых от беды и смерти».

Он наклонился, поднял с земли огромный зуб кулла и взвесил его на ладони. Потом вместе с Сапфирой медленно обошел изуродованную долину по периметру и остановился, заметив

Джормундура, первого помощника руководителя варденов Аджихада, спешившего к ним со стороны Тронжхайма. Подойдя ближе, Джормундур низко поклонился, хотя Эрагон прекрасно знал, что еще несколько дней назад он ни за что не стал бы им кланяться.

– Хорошо, что я успел тебя разыскать, Эрагон. – В одной руке Джормундур сжимал какое-то послание, написанное на куске пергамента. – Аджихад возвращается. Он хочет, чтобы ты был у западных ворот Тронжхайма к его прибытию. Остальные уже там. Нам придется поспешить, чтобы успеть вовремя.

Эрагон кивнул и вместе с Джормундуром направился к воротам, не снимая руки с плеча Сапфиры. Все минувшие три дня Аджихад отсутствовал; он со своим отрядом гнал к подножию гор тех ургалов, которым удалось удрать по прорытым гномами тоннелям, пронизывавшим всю территорию под Беорскими горами. Да и во время основного сражения Эрагон видел Аджихада всего один раз – тот был в бешенстве, обнаружив, что его дочь Насуада не подчинилась приказу отца и не ушла вместе с остальными женщинами и детьми в укрытие, а, переодевшись, тайно проникла в ряды лучников и сражалась вместе с остальными варденами.

Сопровождали Аджихада Муртаг и колдуны-двойники, ибо задача перед ними стояла опасная и предводитель варденов нуждался в магической защите; Муртаг же мечтал лишний раз доказать, что не питает к варденам никаких злобных или мстительных чувств. Эрагона даже удивляло, сколь сильно изменилось отношение людей к Муртагу, особенно если учесть, что его отец, один из Проклятых, Морзан, и предал Всадников Гальбаториксу. Сперва, несмотря на то, что отца Муртаг ненавидел, а Эрагону служил верой и правдой, вардены ему не слишком доверяли. Но теперь никому не хотелось зря расходовать силы на жалкую ненависть к тому, что уже стало достоянием прошлого, ведь кругом было столько дел. А Эрагон искренне скучал без Муртага, ему очень хотелось обсудить с ним все случившееся и послушать, что он об этом думает.

Выйдя из-за поворота, Эрагон и Сапфира увидели перед мощными бревенчатыми воротами Тронжхайма небольшую группу людей, освещенных светом фонаря. Среди них были Орик – гном от нетерпения без конца переступал с одной короткой и крепкой ноги на другую – и Арья. Белая повязка у нее на руке, чуть повыше локтя, так и светилась в темноте; волосы эльфийки, казалось, тоже светились, отражая свет звезд, и странное пронзительное чувство вновь овладело Эрагоном – как и всегда при встрече с Арьей. Сверкнув зелеными глазами, она быстро глянула на них с Сапфирой и снова отвернулась. Все смотрели в ту сторону, откуда должен был появиться Аджихад.

Разбив Исидар Митрим – огромный Звездный Сапфир в форме розы, имевший шестьдесят футов в диаметре, – Арья дала Эрагону возможность убить шейда Дурзу, благодаря чему они в итоге и одержали победу. Но несмотря на это, гномы пришли в бешенство, когда она уничтожила самую большую их драгоценность. Они отказались убирать обломки сапфира, так и оставив их лежать огромным кольцом в центральном зале Тронжхайма. Эрагон не раз бывал там и, глядя на эти сверкающие осколки, от души сочувствовал гномам по поводу утраты этого дивной красоты камня.

Вместе с Сапфирой он подошел к Орику и остановился с ним рядом, глядя на пустынные земли, кольцом шириной в пять миль окружавшие Тронжхайм.

– Откуда должен появиться Аджихад? – спросил Эрагон.

Орик указал ему на светильники, установленные у входа в широкий тоннель, и сказал:

– Он должен прибыть с минуты на минуту.

Эрагон терпеливо ждал вместе со всеми, изредка отвечая на заданные ему вопросы, сам, однако же, предпочитая отмалчиваться или мысленно переговариваться с Сапфирой. Ему была даже приятна тишина, царившая в Фартхен Дуре.

Прошло еще с полчаса. Наконец у входа в тоннель стало заметно какое-то движение; на поверхность выбрались несколько человек, которые затем помогли подняться и нескольким

гномам. Эрагон увидел, что один из людей – ему показалось, что это Аджихад, – поднял руку, и все воины тут же построились в две колонны и с бравым видом зашагали к Тронжхайму.

Но не успели они сделать и десяти шагов, как в тоннеле у них за спиной замелькали бесчисленные темные тени. Казалось, воздух прямо-таки кипит – так быстро двигались те, что выскакивали из-под земли. Однако на таком расстоянии Эрагон, даже прищурившись, не мог как следует разглядеть, что там происходит.

«Это же ургалы!» – воскликнула Сапфира и вся напряглась, как туго натянутая тетива лука.

Эрагон без лишних вопросов вскочил ей на спину и с криком «Ургалы!» попытался выхватить меч и тут же выругался: свой Заррок он забыл в спальне. Никто сейчас не ожидал новой атаки, поскольку три дня назад ургалов удалось отогнать достаточно далеко от Фартхен Дура.

Резкий прыжок Сапфиры отозвался у Эрагона в спине пронзительной болью, а дракониха, взмахнув лазурными крыльями и с каждой секундой набирая скорость, взмыла ввысь. Эрагон успел заметить, что Арья стрелой мчится ко входу в тоннель, почти не уступая в скорости Сапфире, за ней следует Орик с небольшим отрядом воинов, а Джормундур бежит назад, к жилищам, видимо за подкреплением.

Сидя на спине Сапфиры, Эрагон мог лишь беспомощно смотреть, как ургалы, воспользовавшись внезапностью, пытаются уничтожить арьергард отряда Аджихада – на таком расстоянии магические заклинания не действовали. Им удалось отрезать и взять в кольцо четверых, но остальные воины, люди и гномы, сгруппировались вокруг Аджихада, явно намереваясь во что бы то ни стало защитить его. Звенели мечи, слышался грохот боевых топоров; Эрагон увидел, как один из Двойников выпустил тонкий луч света, и ближайший к нему ургал упал, зажимая точно мечом отсеченный обрубок руки.

Казалось, защитники Аджихада все же сумеют дать ургалам должный отпор, но вдруг в воздухе мелькнуло нечто странное, похожее на завиток легкого тумана. Туман быстро спустился, окутав сражавшихся, а когда рассеялся, оказалось, что биться с ургалами продолжают лишь четверо: Аджихад, оба колдуна и Муртаг. Рогатые монстры грозно сомкнулись вокруг них, заслоняя собой происходящее. Эрагон с ужасом смотрел вниз.

Нет! Нет! Нет!

Он резко направил Сапфиру вниз, но прежде чем она успела спикировать к месту схватки, скопление ургалов вдруг рассеялось, и они стали мгновенно исчезать в тоннеле, словно стекая туда. Через несколько минут на поверхности земли остались лишь изувеченные тела.

Сапфира не успела еще толком коснуться земли, а Эрагон уже вылетел из седла и бросился к погибшим. Душа его была настолько переполнена гневом и печалью, что он ничего не видел под ногами и несколько раз споткнулся. Невыносимая тяжесть сдавила сердце, как и тогда, когда он вернулся на ферму и нашел там умирающего Гэрроу. Преодолевая охвативший его ужас, он принялся разыскивать тех, кто сумел выжить.

Все здесь, в этом пустынном месте, напоминало сейчас то поле боя, по которому он бродил всего пару часов назад; только кровь была совсем свежей.

В самом центре побоища лежал Аджихад; в нагрудной пластине его лат виднелось несколько дыр. Вокруг валялись тела пяти убитых им ургалов. Аджихад еще дышал – дыхание вырывалось у него из груди неровными толчками, – и Эрагон опустился возле предводителя варденов на колени. Опустив голову, он глотал слезы, стараясь, чтобы ни одна капля соленой влаги не упала на израненную грудь Аджихада; он понимал, что исцелить такие раны никому не под силу. Первой к ним подбежала Арья и горестно застыла, сразу увидев, что спасти Аджихада невозможно.

– Эрагон. – Это слово слетело с губ Аджихада почти неслышно, точно шепот ветра.

– Да, я здесь, я слушаю...

– Эрагон... Это мой последний приказ тебе. – Эрагон наклонился ближе к умирающему, чтобы расслышать каждое его слово. – Ты должен кое-что пообещать мне. Обещай, что... не допустишь раскола в рядах варденов. Только они способны еще сопротивляться Империи, в них вся наша надежда. Они должны оставаться сильными. Обещай!..

– Я обещаю.

– Ну что ж, тогда прощай. Мир с тобой, Эрагон, Губитель Шейдов... – Аджихад в последний раз вздохнул, закрыл глаза, и по лицу его разлился мертвенный покой.

Эрагон низко склонил голову. Он не мог дышать: в горле застрял колючий комок. Арья благословила Аджихада звонкими певучими словами древнего языка и сказала Эрагону:

– Увы, его смерть принесет много горя и трудностей. Он прав: ты должен сделать все, что в твоих силах, чтобы предотвратить борьбу за власть в рядах варденов. И я, конечно, по мере возможностей постараюсь тебе помочь.

Говорить Эрагону не хотелось; он смотрел на распростертые тела и чувствовал, что готов сейчас на все, лишь бы оказаться в другом месте – где угодно, только не здесь. Сапфира, обняв одного из убитых ургалов, сказала: «Этого не должно было случиться. И злодеяние это тем более страшно, что все произошло, когда мы уже почувствовали себя победителями. – Она обняла еще одно тело и вдруг, резко повернув голову, спросила: – А где Двойники и Муртаг? Их среди мертвых нет!»

Эрагон кинулся осматривать тела. Сапфира оказалась права. Отчаяние охватило его, когда он подбежал ко входу в тоннель: лужицы густеющей крови заполнили каждую щербинку на старинных мраморных ступенях, поблескивая, точно множество крошечных черных зеркал. Видимо, по ступеням вниз волокли несколько израненных, окровавленных тел...

«Должно быть, – мысленно воскликнул Эрагон, – Муртага и обоих колдунов утащили ургалы! Но зачем? Они ведь, по-моему, никого не берут в плен и заложников тоже не держат? Впрочем, это неважно. Мы все равно не сможем их преследовать, не имея подкрепления. А ты даже и в тоннель не пролезешь!»

«Но они, возможно, еще живы! – возразила Сапфира. – Неужели вы бросите их на произвол судьбы?»

«А что ты предлагаешь? Эти тоннели – настоящий лабиринт! Я сразу там заблужусь. Да пешком мне ургалов ни за что и не догнать. А вот Арья, возможно, смогла бы».

«Так попроси ее».

Арья! Эрагон колебался: нужно было действовать, но подвергать Арию страшной опасности ему не хотелось. И все же если кто-то среди них и мог справиться с ургалами, так это только она. Эрагон тяжело вздохнул, вылез из тоннеля и рассказал Арье о кровавых следах на лестнице. Прекрасные брови Арьи сурово сдвинулись.

– Вряд ли это имеет смысл.

– Ты не станешь их преследовать? – в отчаянии спросил Эрагон.

Несколько мучительных мгновений она смотрела ему прямо в глаза, потом тихо сказала:

– Виол оно.

И он понял: «Ради тебя». А она, взмахнув своим сверкающим мечом, нырнула в чрево земли.

Горе жгло душу Эрагона. Скрестив ноги и бессильно понурившись, он сидел возле Аджихада, сторожа его тело. Мысль о том, что Аджихад мертв, а Муртаг пропал, никак не укладывалась у него в голове. Муртаг! Сын одного из Проклятых – из тех тринадцати, что помогли Гальбаториксу разрушить орден Всадников и взойти на трон Алагейзии, – он стал ему, Эрагону, другом. Порой Эрагону даже хотелось, чтобы Муртаг куда-нибудь исчез и оставил его

в покое, но теперь, когда его похитили ургалы, в душе Эрагона вдруг возникла невыносимая пустота. Он так и сидел без движения, когда к нему подошли Орик и другие гномы и люди.

Увидев мертвого Аджихада, Орик в гневе затопал ногами, выкрикивая на языке гномов самые страшные проклятия и кромсая топором тело уже убитого ургала. Люди стояли молча, глубоко потрясенные. Тщательно втирая щепотку земли в свои заскорузлые мозолистые ладони, гном рычал:

– Ну, теперь это осиное гнездо окончательно разворошили! Теперь не знать варденам ни мира, ни покоя. Вот проклятие! Барзул! И как же теперь быть? Он что-нибудь успел сказать тебе перед смертью?

Эрагон быстро глянул на Сапфиру и ответил:

– Да, успел. Но его слова подождут, пока не появится нужный человек. Только тогда я повторю их.

– Ясно. А куда подевалась Арья?

Эрагон молча указал на вход в тоннель.

Орик снова выругался, сердито тряхнул головой, отошел в сторону и присел на корточки, намереваясь ждать вместе с Эрагоном.

Вскоре прибыл Джормундур с двенадцатью шеренгами по шесть полностью вооруженных воинов в каждой. Он жестом остановил свое войско, а сам пересек заваленную телами погибших площадку перед входом в тоннель и, опустившись на колени возле Аджихада, коснулся его плеча.

– Как могла судьба так жестоко обойтись с тобой, дружище? – тихо промолвил он. – Если бы эта чертова гора не была так велика, я бы поспел раньше и, возможно, ты сумел бы спастись. Да, страшную рану нанесли нам и как раз тогда, когда мы уже праздновали победу!

Эрагон, тоже стараясь говорить как можно тише, рассказал ему об исчезновении Двойников и Муртага и о том, куда отправилась Арья.

– Ее нельзя было отпускать туда одну! – воскликнул Джормундур и резко выпрямился. – Ну, теперь уж ничего не поделаешь. Ладно, здесь мы, конечно, выставим стражу, вот только не меньше часа пройдет, пока среди гномов отыщутся проводники, способные провести нас по этим тоннелям.

– Я могу возглавить поиски! – тут же вызвался Орик.

Джормундур оглянулся и как-то странно посмотрел в сторону Тронжхайма.

– Нет, – ответил он гному. – Ты сейчас нужен Хротгару. Пойти придется кому-то другому. Прости, Эрагон, но все те, кто занимает сколько-нибудь ответственный пост, обязаны оставаться здесь до тех пор, пока не будет избран преемник Аджихада. Так что Арье придется самой о себе позаботиться. Впрочем, нам ее все равно уже не нагнать.

Эрагон кивнул, с тяжелым сердцем покоряясь неизбежному.

А Джормундур обвел взглядом собравшихся, удостоверился, что всем будет его слышно, и сказал:

– Аджихад погиб как настоящий воин! Посмотрите только: он сумел положить пятерых ургалов! А ведь любой менее мужественный человек не выдержал бы натиска и одного-единственного чудовища. Мы никогда не забудем его и похороним со всеми почестями! Будем надеяться, что душа его обретет покой на небесах. Поднимите же нашего вождя и его соратников на щиты и несите в Тронжхайм... Да не стесняйтесь, если кто-то увидит на глазах у вас слезы, ибо сегодня день столь великой печали, которую все мы будем помнить вечно. И я молю лишь об одном: пусть боги даруют нам милость и позволят вонзить наши острые клинки в тех тварей, что так подло убили нашего Аджихада!

Воины в едином порыве преклонили колена и обнажили головы, отдавая последнюю честь своему предводителю. Затем бережно возложили тело его на щиты, подняли и понесли. Многие вардены не скрывали слез, что текли по их бороатым лицам, но ни один из них не

пошатнулся и не дал телу Аджихада соскользнуть на землю. Медленной торжественной поступью двинулись они в Тронжхайм, и в центре этой скорбной процессии шли Эрагон и Сапфира.

Совет Старейшин

Эрагон приподнялся и перекатился на край кровати, оглядывая комнату, освещенную тусклым мерцанием светильника, заботливо кем-то прикрытого, чтобы свет не бил ему в глаза. Потом сел и увидел, что Сапфира спит. Ее мускулистые бока ритмично вздымались и опадали в такт дыханию; мощные легкие с глухим храпом гнали воздух сквозь чешуйчатые ноздри. Эрагон невольно вспомнил, какие страшные языки пламени она теперь способна выдыхать во гневе, мгновенно испепеляя любого врага. Его поистине потрясло это зрелище, одновременно ужасающее и прекрасное, когда жаркое пламя, от которого плавится металл, вырывалось у нее из пасти, не нанося ни малейшего вреда ни ее бледно-желтым клыкам, ни языку. С тех пор как Сапфира впервые выдохнула огонь во время их схватки с Дурзой, нырнув прямо на них с вершины Тронжхайма, она невообразимо задрала нос, гордясь своей новой способностью, и пользовалась любым предлогом, чтобы лишний раз ее продемонстрировать.

Поскольку Исидар Митрим разбился вдребезги, им уже нельзя было оставаться над ним в «убежище драконов», и гномы предоставили им помещение в бывших караульных помещениях на самом нижнем уровне Тронжхайма. Помещение оказалось вполне просторным, хотя и с довольно низким потолком и потемневшими от времени стенами.

Стоило Эрагону вспомнить события минувшего дня, и волна горечи снова затопила его душу, а глаза наполнились слезами. Пришлось даже смахнуть их рукой. Арья выбралась из тоннеля лишь поздней ночью, усталая, со сбитыми до крови ногами. Несмотря на все ее усилия и магические чары, ургалам удалось от нее уйти.

– Я нашла вот это, – сказала она и вытащила пурпурную рубаху, принадлежавшую одному из Двойников, разорванную и окровавленную; затем – рубаху Муртага и обе его кожаные латные перчатки. – Вещи были разбросаны на краю черного провала, на дно которого не ведет ни один из тоннелей. Ургалы, видимо, унесли с собой все их оружие и доспехи, а тела сбросили в этот колодец. Я искала и Муртага, и Двойников, но ничего не обнаружила на дне провала, только тьму. – Она посмотрела Эрагону прямо в глаза. – Прости, но они исчезли и, видимо, мертвы.

И теперь в глубине души Эрагон неустанно оплакивал Муртага, все сильнее чувствуя горечь утраты и страх. И страх этот усугублялся тем, что за последние месяцы он довольно близко успел с ним «познакомиться».

На руку ему упала слеза, и, глядя на эту маленькую блестящую каплю, Эрагон решил попробовать отыскать бесследно исчезнувших Двойников и Муртага с помощью магического кристалла. Он понимал, что это отчаянная и почти безнадежная затея, но ему хотелось хотя бы убедиться в их гибели. Впрочем, он все же не до конца был уверен, что сможет обрести успех там, где это не удалось Арье, и хочет – даже если после этого у него и станет немного легче на душе, – хоть на мгновение увидеть искалеченное тело Муртага где-то на дне бездонной пропасти в недрах Фартхен Дура.

– Драумр копа! – прошептал он, и слезинка превратилась в крошечную каплю тьмы на серебристом пятне, ярко сиявшему него на ладони. Внутри капли что-то мелькнуло – словно птица пролетела на фоне скрытой облаками луны, и... все исчезло.

К первой слезинке присоединилась вторая.

Эрагон судорожно вздохнул и откинулся назад, пытаясь успокоиться. Оправившись от нанесенной ему Дурзой страшной раны, он наконец осознал – хотя, возможно, и не до конца, – что до сих пор жив лишь благодаря чистому везению. «Столкнись я снова с шейдом, с раззаком или с самим Гальбаториксом, я должен быть сильнее их, если хочу победить». Он понимал, что Бром мог бы еще многому научить его, просто не успел. А теперь выбора не оставалось: нужные знания ему дадут только эльфы!

Дыхание Сапфиры участилось, она открыла глаза и широко зевнула.

«Доброе утро, маленький брат».

«Доброе ли? – Он посмотрел вниз и оперся на руки, пробуя на ощупь матрас. – Оно ужасное, Сапфира! Муртаг и Аджихад погибли... Но почему же часовые в тоннелях не предупредили нас о появлении ургалов? Неужели ургалы шли за Аджихадом по пятам, никем не замеченные? Нет, Арья права: все это не имеет смысла».

«Но мы, возможно, так никогда и не узнаем правды, – мягко сказала Сапфира. И встала, расправляя крылья и касаясь ими низкого потолка. – Для начала тебе надо поесть, а потом мы должны постараться выяснить, каковы дальнейшие планы варденов. Времени терять нельзя: новый предводитель может быть избран уже через несколько часов».

Эрагон понимал, что она права. Он вспомнил, как они вчера расстались с остальными: Орик опрометью бросился сообщать новости королю Хротгару; Джормундур и его люди понесли тело Аджихада туда, где оно будет покоиться до похорон, а Арья, стоя в сторонке, молча наблюдала за происходящим.

Эрагон быстро встал, опоясался мечом, взял лук и нагнулся, чтобы поднять валявшееся на полу седло Сноуфайра. И тут же острая боль пронзила всю верхнюю часть его туловища; он рухнул как подкошенный и, извиваясь, попытался достать рукой то место, что служило источником этой невыносимой боли. Ему казалось, будто его распиливают пополам. Сапфира заворчала, инстинктивно задрав хвост, словно собираясь с кем-то сражаться, и попыталась мысленно утешить его, но это ничуть не облегчило его боль.

Приступ длился, наверное, несколько минут. Когда стихли последние вспышки мучительной боли, Эрагон с трудом перевел дыхание. Лицо его было покрыто крупными каплями пота, даже волосы намокли; глаза щипало. Он осторожно завел руку за спину и коснулся верхней части свежего шрама. Шрам был горячим на ощупь, явно воспаленным и болезненным. Сапфира, опустив голову, коснулась носом его плеча.

«Ах, бедный малыш...»

«На этот раз действительно бедный», – мысленно сказал ей Эрагон, с трудом вставая на ноги.

Она поддержала его, пока он тряпичкой вытирал пот с лица, а потом они осторожно двинулись к двери. Эрагон все время опирался о плечо драконихи.

«У тебя сил-то хватит?» – спросила Сапфира.

«Должно хватить. Нам, дракону и Всаднику, необходимо сказать свое слово насчет того, кто сменит Аджихада на посту предводителя варденов. Возможно, мы сумеем даже повлиять на результат выборов. Ты и сама понимаешь: сейчас наши позиции довольно сильны; мы пользуемся авторитетом среди варденов. В ином случае Двойники точно все подгрести бы под себя. Может, оно и хорошо, что колдуны пропали. Пожалуй, нам это даже на руку».

«Ну что ж, – сказала Сапфира, – я с тобой согласна. И все-таки пусть этот Дурза тысячу лет мучится за то, что он с тобой сделал!»

«А ты постарайся все время быть со мной рядом», – невпопад откликнулся Эрагон.

Вместе они прошли через весь Тронжхайм, и каждый встречный непременно останавливался и низко кланялся им, шепча «Аретлам» или «Губитель Шейдов». Им порой почтительно кланялись даже гномы, хотя и не так часто. Эрагона потрясло мрачное, какое-то загнанное выражение на лицах людей, их темные траурные одежды. Многие женщины были в черном с головы до ног, даже лица закрыли черными кружевами.

Наконец они добрались до столовой; Эрагон принес из кухни полный поднос еды. Сапфира не сводила с него глаз, опасаясь повторения недавнего приступа. Несколько человек попытались подойти и заговорить с ним, но дракониха, чуть приподняв верхнюю губу, негромко рыкнула, и все испуганно кинулись врассыпную. Эрагон, сделав вид, что ничего не произошло, принялся за еду, тщетно пытаясь не думать о Муртаге. Наконец, не выдержав, он мысленно спросил Сапфиру:

«Как ты думаешь, кто сможет управлять варденами теперь, когда нет ни Аджихада, ни Двойников?»

Она колебалась:

«Вполне возможно, что Аджихад имел в виду тебя, если его последние слова рассматривать как благословение. Здесь тебе противостоять вряд ли кто-то сможет. Но мне кажется, это не самое мудрое решение. Я вижу, что на этом пути нас подстерегают одни неприятности».

«Я тоже так думаю, – согласился с ней Эрагон. – Да и Арья вряд ли одобрит подобное решение, а она может стать очень опасным врагом. Эльфы не могут лгать, пользуясь древним языком, но, когда они говорят по-нашему, этот запрет не действует. Арья, например, может заявить, что Аджихад никогда не произносил своих прощальных слов, если того потребуют ее собственные тайные цели. Нет, какой из меня руководитель... А насчет Джормундура что ты думаешь?»

«Аджихад называл его своей правой рукой. Но мы с тобой, к сожалению, очень мало знаем и о нем, и о других ближайших помощниках Аджихада. Мы здесь совсем недавно. Так что выводы делать нам придется, основываясь исключительно на поверхностных ощущениях и собственной проницательности».

Эрагон взял кусок рыбы по тарелке вокруг комка каких-то разваренных и размятых клубней.

«Не забудь Хротгара и гномов с их кланами, – сказал он. – Они в такой момент тоже тихо сидеть не будут. Если не считать Арьи, эльфы тут права слова не имеют, да и решение будет принято прежде, чем они успеют хотя бы весть получить о случившемся. А вот гномов нельзя сбрасывать со счетов, впрочем, они этого и не позволят. Хротгар благоволит варденам, но если ему будет противостоять значительное число кланов, он может дрогнуть и поддержать того, кто совершенно не годится на роль предводителя».

«Кого, например?»

«Да любого, кем легко управлять». – Эрагон отодвинул тарелку и, закрыв глаза, прислонился спиной к стене.

Оба довольно долго молчали, обдумывая названные варианты. Затем Сапфира сказала:

«Эрагон, тут кое-кто очень хочет говорить с тобой. Я никак не могу его отогнать».

Очнувшись от своих размышлений, Эрагон открыл глаза и, моргая от яркого света, увидел, что у их стола стоит какой-то бледнолицый юнец и смотрит на Сапфиру такими глазами, словно боится, что она вот-вот его съест.

– В чем дело? – дружелюбно спросил его Эрагон.

Мальчик вздрогнул, вспыхнул и поклонился.

– О, Аргетлам! Тебя призывают на Совет Старейшин.

– Кто призывает?

Этот вопрос еще больше смутил парнишку.

– Совет... то есть люди, которых мы... вардены... выбрали, чтобы от нашего имени говорить с Аджихадом. Они были его доверенными лицами, советниками, и теперь хотят тебя видеть. Это большая честь! – Слабая улыбка мелькнула у него на лице.

– И ты должен отвести меня к ним?

– Да.

Сапфира вопросительно посмотрела на Эрагона. Он пожал плечами и, оставив на столе недоеденный завтрак, жестом велел гонцу идти вперед, но тот все время оглядывался, не сводя с меча Заррока восхищенных глаз, потом, заметив взгляд Эрагона, смущенно потупился.

– Как тебя звать? – спросил Эрагон.

– Джарша, господин мой.

– Хорошее имя. Ты молодец, Джарша, и прекрасно выполнил данное тебе поручение.

Джарша просиял и быстрее зашагал вперед. Подойдя к толстенной каменной двери, он сильным толчком открыл ее, и перед ними предстало помещение округлой формы со сводчатым потолком небесно-голубого цвета, украшенным созвездиями из самоцветов. В центре стоял круглый мраморный стол с инкрустированным в столешнице символом Дургримст Ингитум – молотом в окружении двенадцати звезд, означавших двенадцать основных кланов. За столом сидели Джормундур, затем двое незнакомых Эрагону мужчин – один худой и высокий, а второй низенький и широкоплечий; затем какая-то женщина с поджатыми губами и близко поставленными глазами. Эрагон заметил, что глаза у нее искусно подведены, а щеки сильно нарумянены. Далее расположилась вторая женщина с невероятно густыми седыми волосами, обрамлявшими лицо вполне почтенной женщины; однако в вырезе ее корсажа меж пышных грудей виднелась рукоять кинжала, спрятанного в ножны.

– Ты можешь идти, – сказал Джормундур Джарше.

Тот быстро поклонился и вышел.

Сознавая, что за ним наблюдают, Эрагон поздоровался, осмотрелся и сел с той стороны стола, где был целый ряд пустых кресел. Теперь, чтобы посмотреть на него, членам Совета приходилось дружно поворачиваться. Сапфира, нахохлившись, пристроилась у него за спиной; он чувствовал на затылке ее горячее дыхание.

Джормундур привстал и слегка поклонился Эрагону; затем снова сел и сказал:

– Спасибо, что пришел, несмотря на полученное увечье. Это Умерт. – И он указал на высокого мужчину. – А это Фалберд. – Он указал на широкоплечего здоровяка. – А вот это Сабра и Элессари.

Эрагон поклонился и спросил:

– А как же Двойники? Разве они не были членами вашего Совета?

Сабра, сердито тряхнув головой, громко постучала по столу длинным ногтем и отчеканила:

– Эти слизняки не имели к нам ни малейшего отношения! Они действовали исключительно во благо собственных интересов. Служить варденам? Зачем это им? Таким в нашем Совете не место!

Эрагон, даже сидя довольно далеко от нее, чувствовал запах ее духов, густой, маслянистый, – так пахнут умирающие, даже слегка подгнившие цветы. Он с трудом сдержал улыбку, когда это сравнение пришло ему на ум.

– Довольно. Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать Двойников, – резко сказал Джормундур. – Мы попали в сложное положение, и разрешить создавшуюся проблему нужно как можно быстрее. Если мы сами не сможем выбрать преемника Аджихада, это сделает кто-то другой. Хротгар уже передал нам свои соболезнования и был в высшей степени учтив, но нет сомнений – и он строит определенные планы, пока мы тут заседаем. Нельзя также сбрасывать со счетов и колдунов из тайного общества Дю Врангр Гата с их магией. Да, они в большинстве своем оставались верны варденам, но невозможно предугадать, каковы будут их действия

теперь даже при самом благоприятном раскладе. Именно поэтому, Эрагон, нам нужна твоя помощь – дабы обеспечить законность власти того, кто будет избран предводителем варденов вместо Аджихада.

Фалберд грузно поднялся, опираясь мясистыми руками о столешницу.

– Мы пятеро уже знаем, кого нам поддерживать, и полагаем, что наш выбор верен. Однако, – он поднял толстый палец, – прежде чем мы назовем тебе имя этого человека, ты должен дать нам слово чести, что в любом случае, согласишься ты с нами или нет, ни одно слово, сказанное здесь, не выйдет за пределы этой комнаты.

«Зачем им это?» – мысленно спросил Эрагон у Сапфиры.

«Не знаю. – Она сердито всхрапнула. – Вполне возможно, это ловушка. Однако условия этой игры тебе так или иначе придется принять. Но помни: меня они не просили клясться им ни в чем. И, если будет необходимо, я с полным правом смогу рассказать обо всем Арье. Очень глупо с их стороны – они забыли, что драконы умнее многих людей!»

Ее слова успокоили Эрагона, и он сказал:

– Хорошо, я даю вам слово. Итак, кого вы видите во главе варденов?

– Насуаду.

Это решение страшно удивило Эрагона; он задумался. Кандидатура Насуады ему даже в голову не приходила – ведь она так молода, всего на несколько лет старше его самого. Разумеется, никакой реальной причины не согласиться с выбором Совета Старейшин он не находил, но все же не понимал, почему эти люди хотят поставить во главе варденов именно дочь Аджихада? Что сулит им подобный выбор? Вспомнив советы Брома, Эрагон попытался рассмотреть эту проблему со всех сторон, понимая, впрочем, что времени на раздумья у него очень мало.

«Насуада обладает твердым характером, – тут же услышал он голос Сапфиры. – У нее точно стальной стержень внутри. В этом она очень похожа на отца».

«Возможно, но неужели они выбрали ее только по этой причине?»

Желая выиграть время, Эрагон спросил вслух:

– А почему бы тебе, Джормундур, не стать предводителем варденов? Аджихад называл тебя своей правой рукой. Разве это не означает, что именно ты должен теперь занять его место?

За столом послышался шум; члены Совета явно были в замешательстве. Сабра, выпрямившись, как штырь, нервно стиснула перед собой руки; Умерт и Фалберд мрачно переглядывались, а Элессари ласково улыбнулась Эрагону, и рукоять кинжала закачалась у нее на полной груди.

– Аджихад называл меня так в тех случаях, – Джормундур говорил медленно, старательно подбирая слова, – когда речь шла исключительно о делах военных. Кроме того, я член Совета Старейшин, а он обладает силой лишь в том случае, когда мы поддерживаем друг друга. Глупо и опасно кому-то одному из его членов подниматься надо всеми остальными. – После этих слов все явно вздохнули с облегчением, а Элессари даже похлопала Джормундура по руке.

«Ха! – мысленно воскликнула Сапфира. – Он бы с удовольствием взял власть в свои руки, если б сумел заставить остальных поддержать его. Ты только посмотри, как они на него смотрят! Он точно волк среди бараньего стада».

«Точнее, волк в стае шакалов», – откликнулся Эрагон, а вслух спросил:

– И вы считаете, что у Насуады достаточно опыта?

Элессари налегла грудью на край столешницы, сильно и резко наклонившись вперед, и сказала:

– Я прожила в Фартхен Дуре уже семь лет, когда к нам присоединился Аджихад. На моих глазах Насуада из очаровательной девочки превратилась в ту молодую женщину какой мы ее знаем теперь. Порой она, правда, все еще бывает немного легкомысленной, но роль предводительницы варденов ей вполне по плечу. Да и люди ее будут любить. И мы, – Элессари любовно

погладила себя по груди, – всегда рядом; мы, конечно же, поможем ей в столь беспокойные времена. Она никогда не останется без подсказки, без доброго совета. Неопытность не должна стать для нее препятствием на пути к той власти, которая принадлежит ей по праву.

«Так им нужна марионетка!» – догадался Эрагон.

– Через два дня состоятся похороны Аджихада, – вступил в разговор Умерт. – Сразу же после этого мы собираемся назвать своим новым предводителем Насуаду. Сперва, конечно, нужно спросить у нее самой, но она наверняка согласится. Мы хотим, чтобы ты, Эрагон, присутствовал на церемонии ее назначения – тогда никто, даже Хротгар, не сможет это решение обжаловать! – и принес варденам клятву верности. Это вернет людям уверенность в своих силах, отчасти уничтоженное смертью Аджихада, и помешает тем, кто хотел бы внести раскол в наши ряды.

Клятва верности!

Сапфира тут же мысленно заметила:

«Обрати внимание: они хотят, чтобы ты принес клятву верности не Насуаде, а именно варденам!»

«Да, и хотят сами назначить ее на этот пост, а это будет означать, что их слово в данном случае решающее. Они могли бы попросить Арию или нас назвать ее имя, но тогда им пришлось бы признать, что мы как бы главнее их. Если же они объявят, что это решение было принято нами совместно, то не только достигнут превосходства над Насуадой, но и получают право командовать Всадником – благодаря данной мною клятве верности, – который публично поддержал Совет и Насуаду». Но вслух Эрагон продолжал задавать уклончивые вопросы, стараясь оттянуть время.

– А что будет, – спросил он, – если я не соглашусь с вашим предложением?

– Предложением? – переспросил Фалберд. Казалось, он был озадачен. – Ну, конечно же, ничего. Однако ты проявил бы неуважение ко всем, если б отказался присутствовать на церемонии избрания Насуады. Она может подумать, что герой битвы при Фартхен Дуре сознательно пренебрегает ею, а также, видимо, считает отныне служение варденам делом нестоящим. Вряд ли она будет способна пережить подобную обиду!

Вряд ли можно было высказаться яснее. Стараясь взять себя в руки, Эрагон незаметно стиснул рукоять меча; ему страшно хотелось вскочить и заорать во весь голос, что нет никакой необходимости силой принуждать его поддерживать варденов, что он и так полностью на их стороне. Но теперь получалось, что он же противится их воле, пытается избежать тех оков, которыми они хотят его сковать.

– Но раз вы полагаете, что мнение варденов обо мне столь высоко, – медленно промолвил он, – я, пожалуй, мог бы сказать, что наилучшим решением было бы мне, Всаднику, самому их и возглавить.

За столом воцарилась гнетущая тишина. Наконец Сабра решила возразить.

– Это было бы далеко не самым мудрым решением, – тихо сказала она.

Эрагон молчал. Он судорожно искал выход из сложившейся ситуации.

«После смерти Аджихада, – услышал он голос Сапфиры, – видимо, уже невозможно то, чего придерживался он сам: оставаться независимым ото всех и всяческих группировок. Не стоит сердить варденов – особенно если после назначения Насуады ими станет командовать этот Совет. Нет, Эрагон, нам придется до определенной степени им потакать. И учти: они до той же степени действуют в целях самосохранения, что и мы».

«Но что еще они потребуют от нас, – спросил ее Эрагон, – когда мы окажемся в их власти? Станут ли они уважать договор варденов с эльфами? Пошлют ли нас в Эллесмеру учиться или же решат совсем иначе? Джормундур кажется мне человеком вполне достойным, а вот остальные члены Совета... не знаю...»

Сапфира слегка коснулась нижней челюстью его макушки.

«Согласись, по крайней мере, присутствовать на церемонии назначения Насуады; уж это-то, мне кажется, мы сделать обязаны. Что же до клятвы верности, то посмотрим, нельзя ли как-то ее избежать. Возможно, что-то еще успеет перемениться... А может, решение нам подскажет Арья».

И Эрагон, согласившись с нею, громко сказал:

– Хорошо, как вам будет угодно. Я готов присутствовать на церемонии назначения Насуады.

Джормундур вздохнул с облегчением:

– Вот и прекрасно! В таком случае нам осталось обсудить еще только один вопрос, и ты можешь быть свободен: одобрение кандидатуры Насуады. Нет причин откладывать решение этого вопроса, раз уж все мы собрались здесь. Я немедленно пошлю за Насуадой и за Арьей – нам необходимо получить также и одобрение эльфов, прежде чем объявить народу о принятом решении. Впрочем, вряд ли это вызовет какие-то трудности: Арья не может пойти против нашего Совета и тем более против тебя, Эрагон. Ей придется согласиться с нашими доводами.

– погоди, – суровым тоном остановила Джормундура Элессари, и глаза ее блеснули сталью. – Скажи ты свое слово, Всадник! Принесешь ли ты клятву верности во время церемонии избрания?

– Да, ты, разумеется, должен это сделать, – сказал Фалберд. – Это же позор для варденов, если Всадник откажется поддержать их. Или мы не сможем обеспечить ему полную безопасность.

«Нет, до чего хитро они загнали меня в угол!» – мысленно воскликнул Эрагон.

«Они рисковали, но риск того стоил, – заметила Сапфира. – Боюсь, выбора теперь у тебя не осталось».

«Они не осмелятся причинить нам зло, если я откажусь!»

«Да, не осмелятся. Но горя они могут причинить нам предостаточно.

И я не ради себя самой, а ради тебя самого предлагаю: соглашайся. Есть множество опасностей, от которых я не в силах защитить тебя, Эрагон. А если Гальбаторикс выступит против нас, то тебе понадобятся союзники, а не враги. Тем более среди варденов. Начиная войну с Империей, мы не можем позволить себе вступать в противоречия с варденами».

Выслушав ее, Эрагон сказал, обращаясь к Джормундуру:

– Хорошо, я принесу клятву верности.

Члены Совета, даже тощий Умерт, не стали скрывать своей радости, и Эрагон подумал:

«Они же боятся нас, Сапфира!»

«Они и должны нас бояться», – сердито буркнула она.

Джормундур кликнул Джаршу и велел ему немедленно разыскать и привести на Совет Насуаду и Арию. Разговор за столом совершенно увял, и вскоре воцарилась весьма неуютная тишина. Но Эрагон почти не обращал внимания на примолкших членов Совета, он мучительно искал выход из создавшегося положения, но пока не находил.

Наконец дверь отворилась, и все выжидающе повернулись к ней. Первой вошла Насуада – голова высоко поднята, взгляд совершенно спокоен. Она была в черном платье, расшитом нитками еще более густого черного цвета – темнее даже, чем ее кожа. Эту сплошную черноту нарушала лишь тонкая полоска королевского пурпура, протянувшаяся от плеча до бедра. Следом за Насуадой вошла Арья – легкой и грациозной кошачьей походкой; за ними маячил исполненный глубочайшего восхищения Джарша, которого тут же отпустили.

Джормундур лично усадил Насуаду на отведенное ей место. Эрагон поспешил сделать то же для Арьи, однако она не обратила внимания на услужливо отодвинутый им стул и осталась стоять на некотором расстоянии от стола.

«Сапфира, – попросил Эрагон, – ты уж сама расскажи Арье обо всем, что здесь произошло. По-моему, Совет и не подумает сообщать ей, как они вынудили меня дать все эти обещания».

– Арья! – Джормундур почтительно поклонился эльфийке и тут же полностью переключил все свое внимание на Насуаду. – Насуада, тебе, дочери Аджихада, приносит Совет Старейшин свои глубочайшие сожаления по поводу столь горькой утраты, затронувшей тебя более, чем любого из нас... хотя все мы скорбим с тобою вместе.

– Благодарю вас, – потупившись, прошептала Насуада. Сейчас она казалась такой юной, уязвимой и незащищенной, что Эрагону вдруг стало ее безумно жаль. Она была совсем не похожа в эту минуту на ту чрезвычайно энергичную молодую женщину, что заходила к ним с Сапфирой перед самой битвой.

– Хотя сейчас ты, безусловно, оплакиваешь отца и тебе нет дела ни до чего другого, – продолжал Джормундур, – принять одно важное решение все же придется, ибо этого требует насущная необходимость. Совет Старейшин не может руководить варденами, это ясно всем. Кто-то должен стать заменой твоему отцу, причем сразу же после похорон. Мы просим тебя занять этот пост, ведь он по праву принадлежит тебе как его наследнице. Да и все вардены, по моему ожидают, что теперь их возглавишь именно ты.

Глаза Насуады вспыхнули и тут же налились слезами, но она сдержалась и, низко наклонив голову, сказала достаточно твердо, хотя горечь утраты так и звенела в ее голосе:

– Я никогда не думала, что именно мне придется занять место моего отца. К тому же я, по-моему, слишком молода... И все же, если вы настаиваете, я исполню свой долг перед отцом и перед варденами... Я приму на себя эту святую обязанность.

Истина познается среди друзей

На лицах членов Совета заиграли победоносные улыбки: Насуада поступила именно так, как они и хотели.

– Да, мы действительно настаиваем на этом, – подтвердил Джормундур, – причем ради твоего же собственного благополучия и благополучия всех варденов.

Все с готовностью его поддержали. Насуада с грустной улыбкой приняла их заверения в любви и преданности. А Эрагон успел заметить брошенный на него гневный взгляд Сабры, поскольку к общему хору он не присоединился.

Пока продолжался этот лицемерный обмен любезностями, Эрагон наблюдал за Арьей, ожидая, что она как-то проявит свою реакцию и на то, что успела сообщить ей Сапфира, и на заявление Насуады. Но лицо эльфийки оставалось по-прежнему спокойным и невозмутимым. Единственное, что несколько утешило Эрагона, это сообщение Сапфиры о том, что Арья хочет с ними поговорить после заседания Совета.

Эрагон не успел ей ответить: Фалберд, повернувшись к Арье, спросил, сочтут ли эльфы подобное решение приемлемым.

Она так долго и пристально смотрела на Фалберда, что тот под ее пронзительным взглядом стал извиваться как червяк; потом удивленно подняла бровь и сказала:

– Я не имею права говорить от имени нашей королевы, но лично я в данном решении не вижу ничего такого, что могло бы встретить ее возражения. И благословляю Насуаду, ибо это тяжкая ноша.

«Ну, еще бы! – сердито думал Эрагон. – Естественно, даже у Арьи нет возражений, хоть она теперь все уже знает. Нас всех просто в угол загнали!»

Слова Арьи явно порадовали членов Совета. Насуада поблагодарила ее и спросила Джормундура:

– Вы хотели еще что-то обсудить со мною? Я очень устала...

Джормундур покачал головой:

– Нет, нет. Мы все подготовим сами. Обещаю: до похорон никто тебя больше не потревожит.

– Спасибо. Но, раз мы все обсудили, вы, может быть, оставите меня? Мне нужно подумать, как отдать последние почести отцу, как служить варденам... Вы дали мне слишком богатую пищу для размышлений. – И Насуада выжидающе сплела тонкие пальцы на коленях, обтянутых темной тканью платья.

Умерт встрепенулся; судя по его виду, он хотел возразить против того, что юная «принцесса» отсылает прочь членов Совета Старейшин, но Фалберд жестом призвал его хранить молчание и покорно склонил перед Насуадой голову:

– Разумеется, как тебе будет угодно. Постарайся, оставшись в одиночестве, обрести хоть какое-то успокоение. Но если тебе понадобится помощь, мы всегда готовы служить тебе. – И, поманив за собой остальных, он быстро прошел мимо Арьи к двери.

– Эрагон, прошу тебя, останься, – вдруг сказала Насуада.

Озадаченный этим приглашением, Эрагон снова сел, не обращая внимания на встревоженные взгляды членов Совета. Фалберд даже помедлил в дверях, словно ему вдруг расхотелось уходить. Следом за ним, последней, вышла Арья. Прежде чем закрыть дверь, она посмотрела на Эрагона, и в глазах ее отчетливо читались беспокойство и сочувствие, которые прежде она столь успешно от него скрывала.

Насуада присела за стол чуть боком, отвернувшись от Эрагона и Сапфиры.

– Вот мы снова и встретились, Всадник, – сказала она. – Отчего ты не стал приветствовать меня вместе с остальными? Я тебя чем-то обидела?

– Нет, Насуада. Я просто не осмелился ничего сказать тебе – боялся показаться грубым или глупым. В нынешних обстоятельствах не стоит делать чересчур поспешных заявлений, а потому... – Эрагон умолк. Ему вдруг стало страшно при мысли о том, что их могут подслушать. Совершив над собой определенное усилие, он обратился к магии и нараспев произнес: – Атра нозу вайзе вардо фра элд хорнья... – что примерно означало: «Да защитят нас чары от излишне любопытных ушей». – Прости, но теперь я уверен, что можно говорить без опаски, ибо нас не сможет подслушать ни человек, ни гном, ни эльф.

Лицо Насуады несколько смягчилось.

– Спасибо, Эрагон! – воскликнула она. – Ты даже не представляешь, сколь ценен твой дар! – Теперь голос ее звучал куда более уверенно.

За спиной Эрагона шевельнулась Сапфира. Драконица встала, осторожно обошла вокруг стола и остановилась перед Насуадой, опустив голову так, что один ее сапфировый глаз уставился прямо в черные очи Насуады. С минуту Сапфира неотрывно смотрела на девушку, потом тихонько всхрипнула, выпрямилась и велела Эрагону:

«Скажи ей, что и я печалюсь из-за постигшей ее утраты и очень ей сочувствую. А еще скажи: пусть ее сила станет силой всех варденов, когда она наденет плащ Аджихада! Ее подданным нужна будет твердая рука».

Эрагон повторил ее слова Насуаде и прибавил:

– Аджихад был великим человеком! Его имя будут помнить вечно... А сейчас мне нужно кое в чем тебе признаться: перед смертью он приказал мне любой ценой не допустить раскола в рядах варденов. Это были его последние слова. Их слышала также и Арья.

Я хотел сохранить все в тайне из-за возникших сложностей, но ты, по-моему, имеешь право это знать. Я не уверен, что именно имел в виду Аджихад и чего именно он хотел от меня, но одно я знаю твердо: я всегда останусь на стороне варденов и буду изо всех сил защищать их. Я хотел, чтобы ты это поняла и знала: у меня нет ни малейшего желания самому командовать варденами.

Насуада горько рассмеялась:

– Так ведь и я вряд ли буду сама ими командовать, ты же должен понимать это! – Вся ее сдержанность куда-то исчезла, но остались самообладание и решимость. – Я знаю, почему ты оказался здесь раньше меня, и догадалась, чего добиваются члены Совета. Неужели ты думаешь, что за столько лет, пока я была рядом с отцом, мы с ним ни разу не обсуждали подобной возможности? Члены Совета ведут себя именно так, как я и ожидала. Зато теперь для меня все ясно, и я с чистой душой могу принять на себя командование варденами.

– Значит, ты не позволишь им сделать из тебя марионетку?

– Не имею ни малейшего желания! Но ты больше никому не говори о последних словах Аджихада. Глупо делать это предметом досужих обсуждений; к тому же люди могут воспринять его слова как пожелание того, чтобы ты заменил его на посту руководителя варденов; а это, безусловно, подорвет мой авторитет и внесет смуту в их ряды. Он сказал то, что тревожило его больше всего; он хотел во что бы то ни стало защитить своих подданных. Я бы сделала то же самое. Мой отец... – Голос ее дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – Я готова жизнь положить ради дела отца. И я хотела бы, чтоб ты это понял как Всадник. Все планы Аджихада, все его стратегические цели – все это теперь мое. И я постараюсь не подвести его! Империя непременно потерпит крах! И Гальбаторикс будет низвергнут!

Насуада умолкла. Эрагон заметил, что по щеке ее медленно ползет слеза. Он понимал, сколь сложным оказалось то положение, в которое она попала, и восхищался силой ее духа и воли, которых не сумел разглядеть раньше.

– А какую роль ты хочешь отвести мне, Насуада? Что мне делать среди твоего войска?

Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Ты можешь делать, что тебе будет угодно. Члены Совета – просто глупцы, если думают, что смогут управлять тобой. Для варденов и гномов – ты настоящий герой, и даже эльфы поклонятся тебе, узнав о твоей победе над Дурзой. Даже если ты вдруг решишь пойти против Совета или против меня, мы будем вынуждены уступить, ибо народ всей душой поддержит именно тебя. И в данный момент именно ты обладаешь самой большой властью над варденами. Впрочем, если ты действительно согласен с моим назначением, то могу тебя заверить: я ни на шаг не отступлю от планов своего отца, так что тебе придется вместе с Арьей отправиться к эльфам и завершить там свое обучение, а потом вернуться к нам.

«Почему она со мной так откровенна? – мысленно вопрошал Эрагон. – Если она права, то зачем же мы согласились с требованиями Совета?»

Сапфира ответила не сразу.

«Так или иначе, – сказала она, – теперь уже слишком поздно. Ты уже дал свое согласие. А Насуада говорит с тобой откровенно просто потому, что твоя магия наконец-то избавила ее от любопытных ушей. Ну, и еще потому, что она надеется отвоевать нашу преданность у Совета».

И Эрагон вдруг решился, но сперва все же спросил Сапфиру, можно ли полностью доверять Насуаде.

«Да, – мгновенно ответила дракониха. – Она говорила совершенно искренне».

Эрагон сказал ей, что собирается сделать. Сапфира одобрительно кивнула, и он, вытащив Заррок из ножен, медленно подошел к Насуаде. Он успел заметить, как в глазах ее промелькнул страх, взгляд невольно метнулся к двери, а рука, скользнув в складки платья, стиснула какое-то невидимое оружие. Остановившись прямо перед нею, Эрагон преклонил колени и положил Заррок плоскостью острия на вытянутые руки.

– Насуада! Мы с Сапфирой здесь недавно, но успели за это время проникнуться глубочайшим уважением к Аджихаду. И теперь нам кажется, ты будешь ему достойной заменой. Ты сражалась с нами вместе и не отступила, когда другие бежали с поля боя. Кстати, я ни разу не видел среди сражавшихся тех двух женщин, что входят в Совет. Кроме того, ты никогда не относилась к нам подозрительно, всегда была честной и искренней, и мы с Сапфирой решили: я, Всадник Эрагон, предлагаю тебе свой клинок, свою верность и преданность.

Эрагон произнес это торжественное обещание с чувством окончательной победы, но твердо знал, что ни за что не сумел бы изречь подобных слов перед битвой при Фартхен Дуре. Теперь же у него перед глазами стояли убитые и раненые в том бою. Теперь война с Империей стала не только его, Эрагона, личным делом. В ней участвовали все вардены, и он обязан был помочь им и всем тем, кто страдал под тягостной властью Гальбаторикса. И свержению этой власти – сколько бы времени на это ни потребовалось – он решил посвятить всю свою жизнь до конца.

И все же он страшно рисковал, принеся клятву верности Насуаде. Совет возражать не посмеет: ведь Эрагон пообещал принести клятву верности новому, избранному ими предводителю варденов. Но хватит ли у Насуады сил и умения выполнить свои обещания? «Что ж, лучше дать клятву честному глупцу, чем лживому мудрецу», – решил Эрагон.

А Насуада между тем молчала. В глазах ее застыло удивление. Потом она решительно сжала в руке рукоять Заррока, приподняла его – не сводя глаз с алого лезвия меча – и коснулась острием головы Эрагона.

– Я с благодарностью и уважением принимаю твою клятву верности, Всадник, – торжественно промолвила она, – как и ты примешь всю ответственность, связанную с этой клятвой. Встань же и как мой вассал прими от меня свой меч.

Эрагон встал, принял из ее рук меч и сказал:

– Теперь я могу честно тебе признаться: Совет заставил меня согласиться присягнуть на верность варденам – а точнее, членам Совета – во время церемонии назначения тебя на

пост, принадлежавший твоему отцу. То, что я сейчас сделал – единственный способ для нас с Сапфирой перехитрить их.

Насуада с искренним наслаждением рассмеялась:

– Ах вот как? Ты, я вижу, уже научился играть в наши игры! Отлично! Но, в таком случае, согласишься ли ты как мой самый первый и пока что единственный вассал еще разок принести мне клятву верности – только на этот раз прилюдно?

– Разумеется, смогу.

– Хорошо. И пусть члены уважаемого Совета на это полюбуются. А теперь прошу: оставь меня и постарайся до похорон не тревожить. Мне нужно многое обдумать и подготовиться к похоронам... Помни, Эрагон: договор, который мы с тобой только что заключили, возлагает на нас обоих одинаковые обязательства, и я должна отвечать перед тобой за свои действия точно так же, как и ты обязан служить мне. Не нанеси же урона моей чести, как и я не нанесу урона твоей!

Насуада помолчала, заглянула Эрагону в глаза и прибавила гораздо более ласково и мягко:

– Прими и ты мои соболезнования. Я ведь понимаю, что и другие, а не только я одна, имеют причины печалиться. В этом бою я потеряла отца, а ты – друга. Мне очень нравился Муртаг, и я страшно огорчена его исчезновением... А теперь прощай, Эрагон.

Эрагон поклонился ей и вышел, чувствуя во рту противную горечь, а в горле – комок. Коридор, где они с Сапфирой очутились, был совершенно пуст, в обе стороны тянулись бесконечные серые стены. Эрагон остановился, упер руки в бока, набрал полную грудь воздуха и с силой выдохнул. День еще только начинался, а он уже чувствовал себя страшно усталым – слишком много событий обрушилось на него за эти часы.

Сапфира, подтолкнув его носом, безмолвно сказала: «Сюда» – и без лишних слов повела его по коридору куда-то вправо. Ее сверкающие когти цокали по каменному полу.

Эрагон хмуро следовал за нею.

«Куда мы идем?»

Ответа не последовало.

«Сапфира, ответь, пожалуйста».

Она только хвостом дернула. Эрагон не стал ждать, когда она соизволит заговорить, и сменил тему:

«Понимаешь, все в нашей жизни теперь действительно будет иначе! Хотя порой мне кажется, что новый день способен принести лишь горе, печаль и новые кровопролития».

«Все не так плохо, – возразила Сапфира. – Мы одержали великую победу. Ее следует праздновать, а не оплакивать».

«Вот только любая радость гаснет, стоит столкнуться с подобной мышшиной возней!»

Сапфира сердито фыркнула. Тонкий язык пламени метнулся, осветив ее ноздри и осыпав плечо Эрагона искрами. Он так и взвился, прикусив язык, чтобы удержать рвущиеся изо рта проклятия.

«Тихо, тихо», – сказала Сапфира, качая головой и стараясь развеять повалившийся от одежды дым.

«Ничего себе „тихо“! Ты же мне чуть бок не поджарила!»

«Я сама не ожидала. Я все время забываю, что пламя может вырваться произвольно. Представь себе, что каждый раз, стоит тебе шевельнуть рукой,

в землю ударяет молния. И так легко, сделав лишь одно неосторожное движение, что-нибудь уничтожить».

«Ну да... наверное... Ты уж прости, что я так рассердился. Больно все-таки».

Сапфира подмигнула ему, слегка прищелкнув жестким шипастым веком.

«Ничего. И ты меня извини, я ведь не хотела. Мне просто стало смешно: ведь даже Насуада не сможет заставить нас что-либо сделать».

«Но ведь я поклялся, я дал ей слово Всадника!»

«Возможно. Но если мне придется это слово нарушить во имя твоей же безопасности, я колебаться не стану. И бремя вины перед Насуадой вынесу легко. Я неразрывно связана с тобой, и только поэтому твоя клятва верности Насуаде затрагивает и мою честь, но сама я этой клятвой не связана. Если придется, я тебя даже выкраду. Тогда уж точно никто не поставит тебе в вину нарушение данного слова!»

«Нет уж, Сапфира, до этого дело доводить не стоит. Если мы начнем пользоваться подобными уловками, то Насуада запросто власть потеряет, а вардены утратят свое единство».

Наконец Сапфира остановилась и распахнула резные двери библиотеки Тронжхайма. Огромное помещение казалось совершенно пустым, хотя за аккуратными шкапами и изящными колоннами запросто мог бы скрыться целый отряд. Из светильников лился мягкий свет; всюду виднелись корешки книг и свитки; в уютных нишах стояли мраморные столы и удобные кресла.

Сапфира, извиваясь всем телом, ловко пробиравась между шкапами и стеллажами, ведя его к одной из таких ниш. Там сидела Арья. Эрагон остановился, глядя на нее. Он никогда еще не видел ее в таком возбуждении, хотя это и проявлялось, пожалуй, лишь в некоторой скованности движений и в том, как судорожно сжимала ее рука рукоять меча с изящным перекрестьем гарды.

Эрагон присел у стола напротив нее. Сапфира устроилась между ними, не сводя с обоих пронизательного взгляда.

– Что же ты натворил?! – В голосе Арьи звучала неожиданная враждебность.

– А что такого?

Она резко вскинула голову.

– Что ты пообещал варденам? Что ты натворил?

Эрагон был потрясен; он видел, что Арья вот-вот потеряет контроль над собой. Ему даже стало немного не по себе.

– Мы сделали то единственное, что могли сделать в подобной ситуации, – сказал он, стараясь держать себя в руках. – Я не слишком хорошо знаком с обычаями эльфов и готов принести свои извинения, если мы чем-то тебя расстроили. Но сердиться на нас у тебя нет причин.

– Глупец! Что ты знаешь обо мне? Я провела здесь семьдесят лет в качестве посланницы нашей королевы. Пятнадцать лет из этих семидесяти я охраняла яйцо Сапфиры, носила его то к варденам, то к эльфам. За эти годы я столько сил положила на то, чтобы у варденов были мудрые и сильные вожди, способные противостоять Гальбаториксу и уважать желания тех, кто им помогает. Бром очень помог мне. Благодаря ему мы подписали договор насчет нового Всадника – тебя. Аджихад нес за тебя ответственность и явно испытывал к тебе симпатию, но по-прежнему старался не нарушать создавшегося равновесия сил. А теперь ты взял и перешел на сторону Совета – не знаю уж, по своей воле или нет, – чтобы вместе с ним управлять действи-

ями Насуады! Чтобы подчинить ее себе! Ты же превратил в ничто работу всей моей жизни! Что же ты натворил?!

Эрагон, видя ее отчаяние, мигом утратил всю свою заносчивость. Коротко и ясно он объяснил, почему согласился с требованиями Совета и как они с Сапфирой договорились пережить их.

Когда он умолк, Арья тоже некоторое время молчала, потом обронила:

– Значит, так?..

– Значит, так.

«Семьдесят лет! Ничего себе!» Эрагон знал, что эльфы живут необычайно долго, но ему и в голову не приходило, что Арья может оказаться такой... старой! Ведь на вид ей можно было дать лет двадцать или чуть больше. Единственное, что, пожалуй, выдавало ее истинный возраст, это изумрудные глаза на совершенно гладком, лишенном морщин лице: глаза глубокие, все понимающие и чаще всего мрачные.

Арья откинулась назад, не сводя с него глаз.

– Ты занял не совсем ту позицию, какую мне хотелось бы, но это все же лучше, чем я думала, – призналась она. – Прости, я вела себя отвратительно, невежливо...

И ты, Сапфира, тоже прости... Ведь на самом деле вы поняли куда больше, чем мне казалось. И эльфы наверняка согласятся с твоим компромиссным решением, но ты никогда не должен забывать о своем долге перед нами. Все-таки это мы спасли яйцо Сапфиры. Без наших усилий никаких Всадников больше вообще бы не появилось.

– Я знаю это. И мой долг выжжен в моей крови и на моей ладони, – сказал Эрагон. Они снова помолчали. Он судорожно выискивал какую-нибудь новую тему для разговора, мечтая продолжить беседу и узнать об Арье еще что-нибудь. – Ты, значит, давно не была на родине? Ты, наверное, тоскуешь по Эллесмере? Или ты жила в другом городе?

– Нет, мой родной дом – Эллесмера. – Арья смотрела куда-то мимо него. – Но я не жила там с тех пор, как получила приказ отправиться к варденам. Тогда стены и окна нашего дома были увиты первыми весенними цветами... А те мимолетные мгновения, когда я возвращалась туда... О, по нашим меркам, они так коротки, не длиннее снов!

И Эрагону снова показалось, что от нее исходит острый запах сосновой хвои – точно кто-то нечаянно сломал ветку и раздавил ее. Этот аромат, казалось, открывал его чувства, освежал мысли, все его существо тянулось к ней...

– Как это, должно быть, тяжело – жить среди гномов и людей в Фартхен Дуре, где нет никого из твоих сородичей, – сочувственно сказал он.

Она лукаво посмотрела на него, склонив голову набок:

– Ты так говоришь о людях, словно сам не человек.

– Возможно... Возможно, я и впрямь нечто другое – некая смесь двух рас. Или даже трех. Ведь Сапфира живет во мне точно так же, как и я в ней. Мы разделяем одни и те же чувства, ощущения, мысли. Порой мне кажется, что мы не два отдельных существа, а одно.

Сапфира закивала в знак согласия столь энергично, что чуть не разнесла огромной головой мраморный столик.

– Так и должно быть, – сказала Арья. – Вас связывает древний и обладающий великой силой договор. Ты даже вообразить себе не можешь, какова его власть, ибо еще не до конца понял, что значит быть Всадником. Ведь твое обучение не закончено. Но это все придет. Ты отправишься в Эллесмеру, продолжишь свои занятия. Но не сразу. Сперва состоятся походы. И пусть звезды хранят тебя!

С этими словами Арья встала и вдруг исчезла, скользя куда-то в затененные глубины библиотеки. Эрагон даже глазами захлопал.

«Это только со мной сегодня что-то не так или со всеми? Вот и Арья то сердилась на меня, то вдруг принялась благословлять...»

«Все в этом мире будет „не так“ до тех пор, пока не восстановится нормальный ход вещей, Эрагон», – откликнулась Сапфира.

Роран

Роран с трудом поднимался на холм.

Он остановился и, шурясь, посмотрел на солнце сквозь пряди спутанных волос, падавших на глаза. До захода солнца оставалось еще часов пять. Вряд ли он сможет пробыть тут долго. Вздохнув, Роран двинулся дальше вдоль ряда вязов, утопавших в нескошенной траве.

Он впервые пришел на ферму с того дня, как они с Хорстом и еще шестеро мужчин из Карвахолла пытались спасти все сколько-нибудь стоящее, вытаскивая вещи из разрушенного дома и сгоревшего амбара. Целых пять месяцев он не мог решиться вновь увидеть эти места.

На вершине холма Роран остановился, скрестив руки на груди, и долго смотрел на развалины дома, в котором прошло его детство. Один угол дома еще держался, осыпавшийся и обгоревший, но остальные стены рухнули и уже успели зарости сорной травой. От амбара, похоже, и следов почти не осталось. Те несколько акров земли, которые им удавалось возделывать каждый год, заросли одуванчиками, сурепкой и пыреем. Кое-где, правда, виднелись листья случайно выжившей свеклы или турнепса. За фермой среди густых деревьев по-прежнему пряталась река Анора.

Роран сжал кулаки, желваки заиграли у него на щеках. С трудом подавив приступ бешеного гнева и опустошающей душу тоски, он еще долго стоял на холме, словно вращая в эту землю корнями. Его била дрожь, в голове крутились мрачные мысли. Не только его прошлая жизнь была связана с этой фермой, но и его будущее. На нее он возлагал все свои надежды. Его отец, Гэрроу, как-то сказал: «Земля – штука особенная. Если о ней позаботиться, то и она станет заботиться о тебе. Разве есть еще что-либо подобное на свете?» Роран хорошо запомнил эти слова и всегда старался бережно относиться к земле, пока к нему в Теринсфорд не явился Балдор и тихим голосом не рассказал ему, что случилось с фермой и с его отцом.

Роран даже застонал – такой болью отозвались в душе эти воспоминания, потом резко повернулся и решительно зашагал обратно к дороге. В тот день он испытал страшное потрясение: в мгновение ока его лишили всех тех, кого он любил, и он до сих пор не мог оправиться от этого удара, разом переменявшего все его устремления и поступки.

Теперь Роран куда чаще задумывался о жизни, о будущем, и порой ему казалось, что прежде разум его был опутан некими узами, которые вдруг лопнули. Иногда ему в голову приходили такие идеи, которые раньше показались бы совершенно невообразимыми. Например, мысль о том, что он может и не быть фермером, или мысль о той высшей справедливости, которую часто воспевают в старинных преданиях, но в реальной жизни удается встретить крайне редко. Порой Роран был настолько поглощен подобными размышлениями, что с трудом мог подняться утром после бессонной ночи, чувствуя себя как бы придавленным их весом и значимостью.

Выйдя на дорогу, он решительно повернул на север, к Карвахоллу. На остроконечных вершинах гор все еще лежал снег, хотя в долине Паланкар уже недели две зеленела молодая травка. В небесах медленно плыло одинокое серое облако, направляясь к горам.

Роран провел рукой по подбородку, чувствуя ладонью отросшую щетину. «А все этот Эрагон – Эрагон и его чертово любопытство! Ведь это он притащил домой из Спайна тот камень!» Рорану понадобилось несколько недель, чтобы прийти к такому выводу, когда он выслушал все рассказы о том, что случилось на ферме, и заставил Гертруду, местную целительницу, вслух читать и перечитывать письмо, оставленное ему Бромом. Никакого иного объяснения случившемуся Роран не находил. Чем бы ни был тот камень, но именно он привлек в селение чужаков! Вот потому-то Роран и винил Эрагона в смерти Гэрроу, хотя, если честно, не слишком на него сердился, понимая, что Эрагон никому не хотел причинять зла. Нет, больше всего бесило Рорана то, что Эрагон даже не похоронил Гэрроу, а сбежал из долины Паланкар,

забыв о своих священных обязанностях! Все бросил и отправился со старым сказителем Бромом в какое-то дурацкое путешествие! Неужели ему настолько безразличны те, кого он оставил дома? Или, может, он сбежал, потому что чувствовал себя виноватым? Или боялся чего-то? Или это Бром заморочил ему голову своими историями о приключениях? «Господи, – думал Роран, – да с какой стати он вообще стал слушать подобные глупости, когда с Гэрроу случилось такое? И теперь я не знаю даже, жив мой брат или умер».

Роран нахмурился, расправил плечи и постарался взять себя в руки. А это письмо Брома... Да ему, Рорану, никогда в жизни не приходилось слышать столько странных и грозных намеков! Единственное, что он действительно смог уяснить из этого письма – это настойчивый совет всячески избегать встречи с теми чужаками. Но избегать любых чужаков для жителей Карвахолла было, вообще говоря, делом самым естественным. «Да этот старик просто спятил!» – сердился Роран.

Что-то мелькнуло в кустах, и Роран, обернувшись, успел заметить с дюжину оленей, в том числе и совсем молодого еще самца с небольшими мягкими рожками; олени тут же исчезли в лесу, но Роран на всякий случай приметил место, чтобы завтра легко его отыскать. Он жил сейчас у Хорста и очень гордился тем, что может вполне прилично обеспечить себя охотой, ведь раньше он, в отличие от Эрагона, особыми успехами в этом похвастаться не мог.

На ходу Роран пытался привести свои мысли в порядок. После смерти Гэрроу ему пришлось оставить работу на мельнице Демптона в Теринсфорде и вернуться в Карвахолл. Хорст согласился приютить его и взял помощником к себе на кузню. Неожиданно обрушившаяся беда заставила Рорана пока отложить все мысли о будущем, но два дня назад он все же пришел к определенным выводам о том, как ему следует действовать в дальнейшем.

Главной его мечтой по-прежнему был брак с Катриной, дочерью мясника Слоана. И в Теринсфорд он тогда отправился, чтобы денег заработать на свадьбу и на первые годы совместной жизни. Но теперь, когда он лишился фермы, а денег так заработать и не успел, он никак не мог, будучи в здравом уме, просить у Слоана руки Катрины. Да ему этого просто гордость не позволила бы! Впрочем, он хорошо понимал: и сам Слоан вряд ли пустит на порог такого «богатого» жениха. Даже если бы все складывалось так, как он когда-то задумал, убедить Слоана отдать за него Катрину было бы очень трудно – с мясником они всегда не слишком-то ладили. А жениться на Катрине без согласия ее отца Роран не хотел, ибо тогда они с Катриной настроили бы против себя всю деревню: в Карвахолле не любили, когда нарушались незыблемые традиции. Кроме того, это грозило началом настоящей войны со Слоаном.

Обдумав сложившуюся ситуацию, Роран пришел к выводу, что единственный возможный выход для него – это отстроить ферму заново, даже если придется в одиночку возводить и дом, и амбар. Тяжело, конечно, все начинать с нуля, зато, как только ему удастся снова встать на ноги, он сможет прийти к Слоану с гордо поднятой головой. Но это, конечно, не раньше следующей весны. От этих невеселых мыслей Роран опять помрачнел.

Впрочем, он знал, что Катрина будет ждать его. По крайней мере, пока.

Погруженный в свои мысли, Роран шел неторопливым размеренным шагом и до Карвахолла добрался лишь к вечеру. Между домами виднелось развешанное на просушку белье; с полей, где зеленела озимая пшеница, тянулись в деревню вереницы людей. А вдали, за деревней, сверкали в лучах заходящего солнца водопады Игвальды, где вода стеной падала со скал в реку Анору. Все здесь было таким родным и привычным, что у Рорана потеплело на душе.

Свернув с главной дороги, он по тропе поднялся на пригорок, где стоял дом Хорста, окнами смотревший на Спайн. Войдя в приветливо распахнутую дверь, Роран сразу прошел на кухню, откуда доносились оживленные голоса.

Хорст в расстегнутой рубаше с закатанными рукавами сидел за прочным грубоватым столом, опираясь о него локтями. Его жена, Илейн, стояла рядом; с ее лица не сходила легкая

улыбка затаенной радости: Илейн была на пятом месяце беременности. Их сыновья Олбрих и Балдор сидели напротив, и Роран успел услышать конец фразы, сказанной Олбрихом:

– ...Я еще и из кузни выйти не успел! Тэйн клянется, что видел меня, а мне еще через всю деревню нужно было пройти.

– Что случилось? – спросил Роран, сбрасывая заплечный мешок.

Илейн и Хорст переглянулись.

– Нет уж, сперва я тебя покормлю! – решительно сказала Илейн, ставя перед ним хлеб и тарелку с уже остывшим рагу. Она заботливо заглянула ему в глаза, словно желая что-то там прочесть, и спросила: – Ну, как там?

Роран пожал плечами.

– Все деревянные постройки, что не успели сгореть, почти полностью сгнили – в общем, использовать ничего нельзя. Колодец, правда, полон, хоть это хорошо. Но мне придется как можно скорее рубить лес и строить дом, если к посевной я хочу иметь крышу над головой. А теперь вы рассказывайте, что тут опять стряслось.

– Ха! – воскликнул Хорст. – Да уж, тут много чего стряслось! У Тэйна коса куда-то пропала, так он считает, что это Олбрих ее стащил.

– Он ее, небось, сам в траву где-нибудь положил да и забыл, – фыркнул Олбрих.

– А что, вполне возможно, – усмехнулся Хорст.

Роран с наслаждением впился зубами в свежий хлеб и пробормотал:

– Да и какой ему смысл тебя-то винить? Уж косу-то ты себе запросто можешь выковать.

– Это точно, – кивнул Олбрих. – Только Тэйн вместо того, чтобы поискать свою косу, начал вопить, что видел, как кто-то уходил с его поля, и вроде бы это был я, а раз в деревне больше похожих на меня людей нет, то получается, что это я у него косу украл!

Чистая правда, подумал Роран: в деревне действительно не сыщешь другого такого парня. Олбрих унаследовал от отца могучую статью, а от матери – светлые волосы, и все вместе делало его совершенно непохожим на прочих жителей Карвахолла, по большей части темноволосых и не слишком крупных. Кстати, даже Балдор был темноволосым и значительно мельче и слабее брата.

– Я уверен, что коса найдется, – тихо сказал Балдор. – А ты постарайся не очень сердиться, пока она еще не нашлась.

– Тебе легко говорить!

Роран, сжевав кусок свежего хлеба, принялся за рагу.

– Я тебе завтра зачем-нибудь нужен? – спросил он Хорста.

– Не особенно. Мне придется с тележкой Квимби возиться. Проклятая рама никак выпрямляться не желает!

Роран кивнул, явно довольный:

– Хорошо, тогда я завтра на целый день уйду. Поохотиться хочу. Я в долине приметил стадо оленей, и, похоже, вполне упитанных. Во всяком случае, ребра у них не торчали.

– А мне с тобой можно? – встрепенулся Балдор.

– Конечно. Прямо на рассвете и выйдем.

Поев, Роран тщательно вымылся, переоделся и вышел пройтись. Ему хотелось привести мысли в порядок. Он лениво брел к центральной площади, когда его внимание привлек громкий гул голосов, доносившийся из таверны «Семь снопов». Заинтересованный, он свернул туда, и глазам его предстало странное зрелище. На крыльце сидел мужчина средних лет, одетый в куртку, сшитую из кусочков кожи разного цвета. Рядом с ним лежал заплечный мешок, из которого торчали приспособления, какими обычно пользуются охотники-трапперы. Местных собралось несколько десятков; все внимательно слушали незнакомца, а тот, возбужденно жестикулируя, рассказывал:

– ...Так что, придя в Теринсфорд, я первым делом отправился к тому человеку, Нилу. Хороший человек, порядочный. Я ему всю весну и лето в поле помогал.

Роран знал, что трапперы часто проводят всю зиму далеко в горах, а весной возвращаются, продают добытые шкурки дубильщикам вроде Гедрика, а потом обычно нанимаются на работу к кому-нибудь из фермеров. Поскольку Карвахолл – самое северное селение у подножия Спайна, то через него всегда проходит немало трапперов, именно поэтому там имелись и своя таверна, и свой кузнец, и свой дубильщик кож.

– В общем, выпил я несколько кружек пивка – надо ж смочить горло после того, как я, можно сказать, за полгода ни с кем и словом не обмолвился, хоть и богохульствовал, каюсь, когда мне не удавалось медведя затравить, – да и пришел к Нилу. У меня еще и пена пивная на бороде высохнуть не успела, а я уже принялся у него выспрашивать, что да как, каковы новости об Империи и о нашем «дорогом» правителе – чтоб он от гангрены сгнил, чтоб его, проклятого, скоротило! – кто тут без меня родился да кто умер, кто без вести пропал, я ведь тут многих хорошо знаю, и тут Нил – представляете? – наклоняется ко мне, а сам такой серьезный и улыбаться совсем перестал, и говорит: слух, мол, идет от самой Драс-Леоны и Гиллида, будто творится там что-то странное, да и не только там, а по всей Алагейзии. Вроде бы ургалы совсем исчезли из тех мест, где много людей проживает. И слава богу, конечно, но никто не может сказать, ни почему это произошло, ни куда они ушли. Торговля в Империи наполовину прекратилась из-за бандитских налетов, и, насколько я понял, это не простые грабители, потому что банды эти уж больно хорошо организованы и многочисленны. Да и товары они не себе забирают, а просто сжигают или портят. Но и это еще не все, клянусь усами любимой бабушки! – Охотник покачал головой, сделал добрый глоток вина из бурдюка и продолжил: – Говорят, в северных краях какой-то шейд появился. Его видели близ леса Дю Вельденварден и неподалеку от Гиллида. Говорят, зубы у него острые-преострые, а глаза красные, как вино, и волосы рыжие, даже красные, как кровь, которую он пьет. Мало того, вроде бы что-то страшно рассердило нашего безумного Гальбаторикса. Дней пять назад я с одним жонглером с юга разговорился, он в Теринсфорде останавливался по пути в Кевнон. Так он сказал, что король собирает войска, а с какой целью, неизвестно. – Траппер пожал плечами и прибавил: – А мой папаша с детства мне внушал, что дыма без огня не бывает! Возможно, Гальбаториксу вардены покоя не дают; они его войску, в латы закованному, не раз хорошего пинка давали в былые-то годы. А может, он решил, что слишком долго существование Сурды терпел. Уж, по крайней мере, где Сурда-то находится, он знает наверняка, а за варденами ему еще охотиться надо. Да он Сурду одной лапой раздавит, как медведь – муравья. Точно вам говорю!

Рорану все это показалось очень интересным, но он помалкивал, хотя на траппера со всех сторон так и сыпались вопросы. Сведения о появлении в их краях шейда казались Рорану особенно сомнительными – уж больно они смахивали на рассказы какого-нибудь подвыпившего лесоруба, – но все остальное звучало достаточно правдоподобно и крайне неприятно. Сурда... Сведений об этой далекой стране до Карвахолла доходило крайне мало, но Роран, во всяком случае, знал, что сейчас Сурда и Империя пребывают в состоянии так называемого мира, однако жителей Сурды не оставляют опасения, что их куда более могущественный северный сосед запросто может вторгнуться в их земли. По этой причине, если верить слухам, Оррин, правитель Сурды, и поддерживает варденов.

Если траппер прав насчет планов Гальбаторикса, то это вполне может означать, что в ближайшем будущем разразится война, которая повлечет за собой повышение налогов, людей снова начнут насильно рекрутировать в армию... «Эх, – думал Роран, – лучше б я жил в такие времена, когда события происходят не так быстро! А все эти мятежи только делают нашу и без того трудную жизнь и вовсе невыносимой».

– Но самое главное, – снова заговорил охотник, – ходят слухи... – Он умолк, погрозил собравшимся пальцем и с глубокомысленным видом почесал нос. – Поговаривают, будто в

Алагейзии объявился новый Всадник! – И траппер громко рассмеялся, от избытка чувств хлопая себя по животу.

Роран тоже засмеялся. Истории о Всадниках появлялись регулярно каждые несколько лет. Сперва истории эти страшно интересовали Рорана, но вскоре он научился не доверять молве, ибо все это оказывалось пустой болтовней, тщетными надеждами тех, кому очень хотелось изменить убогую, опостылевшую жизнь.

Уже собравшись идти дальше, Роран вдруг заметил Катрину, стоявшую за углом таверны. На ней было светло-коричневое платье, отделанное зеленой лентой. Катрина не сводила с него глаз – как, впрочем, и он с нее, – но здесь разговаривать не стоило, и Роран, проходя мимо девушки, как бы невзначай коснулся ее плеча и исчез за таверной. Катрина вскоре присоединилась к нему, и они направились за околицу.

Некоторое время оба молчали, любуясь небесами, которые в тот вечер так и сверкали тысячами мерцающих звезд. А с севера на юг над ними протянулась широкая жемчужного цвета полоса Млечного Пути, похожая на усыпанную алмазной пылью вуаль.

По-прежнему не глядя на Рорана, Катрина положила голову ему на плечо и спросила:

– Как прошел день?

– Я домой ходил. – Он почувствовал, как она напряглась.

– И как там?

– Ужасно!.. – Голос у него сорвался, и он умолк, крепко прижимая ее к себе. Запах ее душистых медных волос у него на щеке пьянил и возбуждал его, точно некий живительный эликсир, проникая в самую душу и согревая ее. – Дом, амбар, поля – все пропало... Я б, наверное, ничего и не нашел, если бы не знал, где искать.

Катрина встревоженно заглянула ему в лицо; в ее влажных, исполненных сочувствия и грусти глазах плясали огоньки звезд.

– Ох, Роран! – Она легонько поцеловала его в губы. – Ты у меня молодец! Пережил столько утрат, а все-таки силы ни разу не изменили тебе. Ты теперь, наверное, хочешь на свою ферму вернуться, да?

– Да. Я ведь только и умею, что землю возделывать.

– А что же будет со мной?

Роран колебался. С тех пор, как он начал за ней ухаживать, между ними существовал некий негласный договор: оба знали, что непременно поженятся, так что вряд ли стоило обсуждать его намерения на сей счет, они и так были ясны как день. И все же вопрос Катрины тревожил его. Хотя бы потому, что он считал недопустимым касаться столь деликатной темы, раз прямо сейчас не готов еще сделать ей предложение. Ведь именно он должен первым совершить все предварительные действия – во всяком случае, попросить у Слоана ее руки. Однако она задала ему прямой вопрос, она встревожена, и он должен ей что-то ответить.

– Понимаешь, Катрина... Я не могу теперь пойти к твоему отцу, как хотел. Да он меня просто высмеет и будет иметь на это полное право! Нам придется подождать. Как только я построю хоть какой-то дом и соберу свой первый урожай, я сразу же пойду к нему – может, тогда он согласится меня выслушать.

Катрина на него не смотрела. Глядя в звездное небо, она что-то прошептала, но так тихо, что он не расслышал и спросил:

– Что?

– Я сказала, что ты просто его боишься.

– Да нет, я...

– Тогда пойди к нему и добейся разрешения на наш брак. Завтра же! И назначь помолвку. Заставь его понять, что хотя сейчас ты лишился всего, но со временем ты непременно построишь для меня хороший дом, а для него станешь таким зятем, которым он будет гордиться. Пойми, нам незачем тратить свою молодость, живя врозь, раз мы так любим друг друга!

– Я не могу! – с отчаянием сказал Роран, тщетно пытаясь заставить Катрину понять его. – Не могу обеспечить тебе достойную жизнь, не могу...

– Неужели ты не понимаешь? – Чуть отступив от него, она заговорила настойчиво и напряженно. – Я люблю тебя, Роран, и я хочу быть с тобой, но у отца на мой счет иные планы. Существует ведь множество и куда более подходящих, с его точки зрения, женихов. Чем дольше ты будешь откладывать разговор с ним, тем сильнее он будет давить на меня и в итоге заставит выйти за того, кого выберет он сам. Он боится, что я останусь старой девой, да и я, если честно, тоже начинаю этого бояться. У меня ведь в Карвахолле не такой уж большой выбор... И время идет. Если мне все же придется выйти за другого, я выйду. – Слезы блеснули у нее на глазах. Она сперва умоляюще смотрела на Рорана, ожидая ответа, но не дождалась и, подобрав подол платья, резко повернулась и побежала назад, в деревню.

А Роран стоял как оглушенный, не в силах сдвинуться с места и догнать ее. Он был потрясен. Угроза потерять Катрину стала реальной, и это терзало его сильнее, чем утрата фермы. Мир вокруг вдруг показался ему холодным и враждебным, сердце разрывалось от горя.

Прошло несколько часов, прежде чем Роран смог вернуться в дом Хорста. Он тихонько проскользнул к себе и лег в постель.

ОХОТА НА ОХОТНИКОВ

Земля после ночного заморозка слегка похрустывала под башмаками, когда Роран и Балдор поднимались из долины, окутанной холодным утренним туманом, в предгорья. Оба держали наготове луки, молча озираясь в поисках оленей.

– Туда? – шепнул Балдор, указывая на цепочку следов, ведущих к зарослям на берегу Аноры.

Роран кивнул, и они пошли по следу. Но след оказался вчерашним, и Роран, не в силах больше молчать, заговорил первым:

– Могу я попросить твоего совета, Балдор? Ты, похоже, неплохо в людях разбираешься.

– Да вроде бы... А что?

Роран помолчал. Какое-то время в тишине слышались только их шаги.

– Слоан хочет выдать замуж Катрину, но совсем не за меня! – выпалил он наконец. – И я понимаю: с каждым днем все ближе тот день, когда он выберет ей мужа по своему вкусу.

– А как к этому сама Катрина относится?

Роран пожал плечами:

– Он же ее отец. Она не может без конца сопротивляться его воле, тем более что тот, за кого она действительно хочет выйти, никак не решится сделать последний шаг и попросить ее руки.

– Это ты о себе?

– Естественно.

– Так ты поэтому вскочил ни свет ни заря?

Честно говоря, Роран и вовсе не смог уснуть и всю ночь думал о Катрине, пытаясь найти выход из столь трудного положения.

– Понимаешь, Балдор, мне не жить, если я ее потеряю! Но я почти уверен: Слоан не отдаст ее за меня, тем более теперь.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Балдор. Потом искоса глянул на Рорана и спросил:

– Так насчет чего ты хотел со мной посоветоваться?

Роран горестно рассмеялся:

– Скажи, как мне убедить Слоана? Как разрешить эту задачу, не настроив против себя и Слоана, и всю деревню?

– А у тебя самого никакого плана нет?

– Есть, но он мне не особенно нравится. Я думал, что можно просто взять и объявить Слоану, что мы с Катриной помолвлены – хотя на самом деле это и не так, – а дальше уж разбираться с последствиями. Может, тогда Слоан согласится, чтобы мы обвенчались.

Балдор нахмурился и осторожно заметил:

– Может быть. Только учти: по Карвахоллу непременно поползут всякие гнусные сплетни. Да и твой поступок мало кто одобрит. Кроме того, ты поставишь Катрину перед выбором: ты или ее отец. По-моему, это не слишком хорошо; и со временем она из-за этого может тебя просто возненавидеть.

– Я понимаю, но разве у меня есть выбор?

– Погоди. Прежде чем решиться на столь опасный шаг, надо, мне кажется, все-таки попробовать завоевать расположение Слоана. А вдруг тебе повезет? Вдруг через некоторое время он поймет, что никто больше не хочет свататься к его сердитой дочери, раз она всех женихов разогнала? Вот тут-то ты и окажешься под рукой!

Роран поморщился и уставился в землю. Балдор рассмеялся:

– Да ладно! Если это не удастся, можно, конечно, и твой план задействовать – только уж наверняка зная, что все прочие способы ты уже исчерпал. Да и люди тогда вряд ли станут так

уж тебя осуждать, даже если вы с Катриной и нарушите традицию – всем ведь будет известно об идиотском упрямстве Слоана.

– Этот способ тоже довольно рискованный.

– Ничего, ты же с самого начала знал, что вопрос со Слоаном так просто не решить. – Балдор слегка помрачнел. – Хотя, конечно, в деревне будет много разговоров, если ты бросишь вызов не только Слоану, но и традиции. Впрочем, в конце концов все непременно уляжется! Какое-то время вам придется нелегко, но, по-моему, ради такого дела стоит потерпеть. И вообще – кого ты можешь так уж особенно оскорбить, если не считать Слоана? Разве что таких «блюстителей нравственности», как Квимби. Вот ведь чего я понять не могу: как это Квимби умудряется варить такой крепкий эль, оставаясь таким кислым и чопорным?

Роран уныло кивнул. Он знал, что ворчать по тому или иному поводу в Карвахолле могут годами.

– А хорошо все-таки, что мы смогли поговорить. – Он с благодарностью посмотрел на Балдора. – Почти как... – Он запнулся. «Почти как с Эрагоном», – хотел он сказать. О чем только они с Эрагоном не говорили! Они, как однажды сказал Эрагон, родные братья во всем, только родители у них разные. И он был замечательным братом, с которым всегда можно посоветоваться, что-то вместе придумать... И Роран твердо знал: Эрагон придет ему на помощь, чего бы это ни стоило!

Теперь ему страшно не хватало брата, его верной дружбы, и он постоянно чувствовал в душе гнетущую пустоту.

Балдор, впрочем, не стал ни о чем его спрашивать и, сделав вид, что очень хочет пить, достал флягу с водой. Роран прошел немного вперед и вдруг остановился как вкопанный, почуяв запах, разом прервавший все его мысли.

Пахло подгоревшим мясом и дымом от сосновых шишек. Кто же может тут быть еще? Затаив дыхание, Роран осторожно поворачивался в разные стороны, пытаясь определить источник запаха. Вскоре легкий ветерок принес новую волну запахов, и аромат готовящейся пищи был на этот раз столь силен, что рот у Рорана моментально наполнился слюной.

Он жестом подозвал к себе Балдора:

– Чуешь?

Балдор кивнул. Вместе они вернулись на дорогу и двинулись дальше на юг. Примерно через сотню шагов дорога делала поворот, огибая тополиную рощу, и стоило им приблизиться к повороту, как они услышали голоса большого количества людей, чуть приглушенные висевшим над долиной туманом.

Осторожно подойдя к роще, Роран остановился. Может, это просто охотники? Тогда не стоит им мешать. Но отчего-то ему казалось, что «охотников» там слишком много – ни в одной деревне столько не найдется. Не особенно раздумывая, Роран сошел с дороги и нырнул в густой подлесок.

– Ты куда? – шепотом спросил Балдор.

Роран прижал палец к губам и стал осторожно пробираться вдоль дороги, прячась за кустами и стараясь ступать как можно тише. Но, выйдя за поворот дороги, вдруг прямо-таки замер на месте.

На опушке рощи был разбит настоящий военный лагерь! Десятка три шлемов поблескивали в лучах едва проглядывавшего сквозь туман утреннего солнца, а их владельцы, собравшись у костров, поглощали жареную дичь. На их латах, запыленных и перепачканных дорожной грязью, и красных рубахах Роран отчетливо разглядел символ Гальбаторикса – извиляющиеся языки пламени, вышитые золотой нитью. Под рубахами у воинов виднелись легкие кожаные доспехи с железными заклепками, а поверх рубах были надеты металлические кольчуги. У большей части воинов имелись широкие мечи, у некоторых – тяжелые луки, а еще с полдюжины опирались об алебарды весьма угрожающего вида.

А среди прочих воинов устроились на земле те, кого так хорошо описали Рорану односельчане, когда он вернулся из Теринсфорда, – те двое чужаков в черном, которые сожгли ферму и убили Гэрроу. Роран похолодел от ужаса и ненависти: «Так они – слуги Империи!» Он уже шагнул вперед, машинально нащупывая стрелу, когда Балдор схватил его и потянул на землю.

– Ты что? Не надо! Они же убьют нас обоих!

Роран вырвался и, гневно сверкнул глазами, прорычал:

– Но это же... те самые ублюдки!.. – И умолк, видя, как сильно дрожат у него руки. – Значит, они вернулись!

– Роран, – настойчиво зашептал Балдор, – сейчас ты ничего сделать не сможешь. Видишь: они служат Гальбаториксу. Даже если убьешь кого-то из них, а потом тебе удастся удрать, то на тебя наверняка объявят охоту, а на Карвахолл обрушатся страшные беды.

– Что им тут надо? – лихорадочно шептал Роран, словно не слыша Балдора. – Что они тут могут найти? И почему Гальбаторикс приказал пытаться моего отца?

– Подумай, – взывал к его рассудку Балдор. – Если они ничего не смогли узнать от Гэрроу, а Эрагон сбежал вместе с Бромом, то теперь они почти наверняка ищут тебя. – Балдор помолчал, ожидая, пока до Рорана дойдет смысл его слов. – Нам надо поскорее вернуться и предупредить всех. А потом тебе лучше где-нибудь скрыться на время. Лошади, похоже, есть только у этих, в черном, остальные все пешие. И мы, если поспешим, вполне сумеем добраться домой раньше них.

Но Роран все смотрел сквозь ветви на ничего не подозревавших солдат, и сердце тяжело билось у него в груди – жаждало мести, звало на бой. Он уже видел в мечтах, как оба убийцы падут, пронзенные его стрелами, и предстанут перед Высшим Судом. И пусть сам он погибнет, но за мгновение до этого успеет все же смыть со своей души невыносимую боль и печаль – нужно всего лишь выскочить из укрытия, вложить стрелу, выстрелить, и остальное решится само собой...

Всего лишь несколько шагов...

Глухое рыдание вырвалось у Рорана из груди, когда он, сжав кулаки, заставил себя отвести взгляд от воинов в черном. «Я не могу оставить Катрину!» Некоторое время он еще постоял там, крепко зажмурившись, потом, мучительно переставляя ноги, отошел к дороге.

– Хорошо, идем домой, – буркнул он, не глядя на Балдора. И, не ожидая его ответа, снова нырнул в кусты.

Как только лагерь скрылся из виду, он выскочил на дорогу и бросился бежать, изливая отчаяние, гнев и страх в бешеном беге.

Балдор с трудом поспедал за ним. Наконец Роран несколько замедлил бег и, дождавшись, когда Балдор поравняется с ним, сказал:

– Ты сообщи всем. А я поговорю с Хорстом.

Балдор кивнул, и они снова бросились бежать.

Мили через две они остановились, чтобы напиться и чуточку перевести дух, а потом опять побежали, преодолевая бесконечные подъемы и спуски в невысоких холмах, окружавших Карвахолл. Наконец показалась деревня.

Роран тут же бросился к кузне, а Балдор свернул в сторону центральной площади. Задышавшись, Роран пробирался среди домов и лихорадочно пытался решить, что лучше: скрыться или все же убить этих чужаков, постаравшись при этом не навлечь на деревню гнев Гальбаторикса.

Он ворвался в кузницу и налетел прямо на Хорста; тот вбивал очередной металлический колышек в повозку Квимби, напевая вполголоса:

Эге-гей! Бей не жалея по железке старой!

Ох, она и хитра, только я хитрее!

Хоть крепка, я ее победить сумею!
Пусть мой стук достанет всех!
Расколю я, как орех...

Увидев Рорана, Хорст замер, замахнувшись молотом, да так и не опустив его на наковальню.

– Что случилось? Балдор ранен?

Роран молча помотал головой и согнулся пополам, пытаясь отдышаться. А потом, все еще задыхаясь, выложил Хорсту все: кого они видели, к чему это может привести и, самое главное, что те чужаки, убийцы его отца, – слуги Империи.

Хорст запустил пальцы в бороду.

– Надо тебе поскорее скрыться отсюда, парень. Возьми в доме еды, сколько найдешь, да сходи за моей кобылой – на ней Айвор пни корчует. А потом скачи в предгорья. Как только станет ясно, чего этим солдатам надо, я пришлю к тебе Олбриха или Балдора.

– А если станут спрашивать, где я?

– Скажу, что ты ушел на охоту, а когда вернешься – неизвестно. Это ведь почти правда, и вряд ли они станут по лесу рыскать – побоятся тебя пропустить. Если, конечно, это за тобой они охотятся.

Роран кивнул и бросился к дому Хорста. Там он снял со стены конскую упряжь и седельные сумки, в которые принялся совать все подряд: турнепс, свеклу, вяленое мясо, каравай хлеба в тряпице, одеяла, оловянный котелок... Он лишь на минуту задержался в дверях, чтобы объяснить Илейн, что случилось, и поспешил к ферме Айвора, находившейся в стороне от Карвахолла.

Битком набитые сумки сильно мешали бежать, и Роран порядком запыхался, когда наконец показалась ферма. Айвор расчищал участок земли за домом. Стегая кобылу ивовым прутком, он пытался заставить ее вытащить из земли здоровенный бородатый корень вяза. Кобыла старалась вовсю.

– Ну же, давай! – кричал фермер. – Уж постарайся! – Лошадь дрожала от напряжения, кусала удила и, наконец, в последней усилении вытащила-таки проклятый пень из земли; его длиннющие корни торчали, словно растопыренные узловатые пальцы. Айвор остановил ее, чуть дернув за повод, и ласково потрепал по шее. – Молодец... Хорошо...

Роран издали помахал ему рукой и, подойдя ближе, указал на лошадь.

– Придется мне ее у тебя на время забрать. – Он объяснил причину такой поспешности.

Айвор выругался и принялся распрягать кобылу, ворча:

– Вот всегда так: только начнешь – сразу на тебе! Если б знал, так и не начинал бы! –

Скрестив руки на груди, он хмуро смотрел, как Роран прилаживает сумки к седлу.

Вскочив на кобылу и на всякий случай держа лук наготове, Роран извинился:

– Ты уж прости, что помешал, так уж получилось.

– Да ладно, насчет этого не тревожься. Лучше постарайся, чтоб тебя не поймали.

– Постараюсь.

Уже ударив пятками в бока кобылы, Роран услышал, как Айвор крикнул:

– Только в верховьях моего ручья прятаться не вздумай!

Роран усмехнулся, покачал головой и, низко пригнувшись к шее лошади, погнал ее в предгорья, в те холмы, что высились на северном краю долины Паланкар, а оттуда поднялся еще выше, выбрав место, где весь Карвахолл был как на ладони. Самого же его совершенно скрывали темные сосны. Привязав лошадь, Роран стал ждать, с неприязнью поглядывая на поросшие лесом склоны гор. Он не любил подолгу находиться в такой близости от Спайна, да и почти никто в Карвахолле не осмеливался подниматься туда – слишком часто забравшиеся в горы смельчаки не возвращались обратно.

Вскоре Роран увидел солдат. Строем по двое они шли по дороге, а впереди маячили черные фигуры раззаков, внушавшие ужас даже на расстоянии. Но в сам Карвахолл отряд войти не смог: у околицы их остановила большая группа вооруженных крестьян; у некоторых в руках были даже пики. Противники о чем-то быстро переговорили и разошлись, заняв позиции друг напротив друга с видом рычащих, готовых подраться псов, каждый из которых лишь выживает, кто нападет первым. Так они стояли довольно долго, потом жители Карвахолла все же постороились и позволили воинам войти в селение.

Что же теперь будет? Роран от волнения просто места себе не находил.

К вечеру солдаты разбили лагерь на прилегающем к селению поле. Их палатки расположились низким серым прямоугольником, по периметру которого мелькали неясные тени – часовые. В центре прямоугольника горел большой костер, и над ним поднимались в воздух клубы дыма.

Устроив себе убежище, Роран теперь просто наблюдал за происходящим внизу и размышлял. Он всегда считал, что, разрушив его дом и отыскав тот камень, который Эрагон принес из Спайна, чужаки получили то, что хотели. Но теперь он был почти уверен: камня они не нашли. Видимо, Эрагон унес его с собой. Возможно, он чувствовал, что должен спасти этот камень, потому и бежал... Роран нахмурился. Подобные рассуждения могут далеко его завести. К тому же почти любое из объяснений тех причин, которые побудили Эрагона покинуть Карвахолл, все равно казалось ему притянутым за уши. Было ясно лишь одно: этот проклятый камень наверняка представляет для Гальбаторикса огромную ценность, раз он послал за ним целый вооруженный отряд. Впрочем, Роран никак не мог понять, чем же синий камень так уж особенно ценен. Если, конечно, он не волшебный!

Он вдохнул холодный горный воздух, прислушиваясь к уханью совы. Вдруг какое-то мимолетное движение привлекло его внимание: на опушку леса чуть ниже того места, где он сидел, вышел человек, осторожно озираясь по сторонам. Присев за валун, Роран вложил в лук стрелу и стал ждать. Вскоре ему стало ясно, что это Олбрих. Роран тихонько свистнул, и Олбрих в два счета поднялся к нему и тоже присел за валуном. Сбросив на землю тяжелый заплечный мешок, он проворчал:

– Я уж думал, что никогда тебя не найду! Между прочим, невелика радость – таскаться тут после захода солнца! Того гляди, медведь навстречу попадетсЯ или еще кто похуже. Нет, Спайн для людей – все-таки не место!

Роран не ответил, глядя в сторону Карвахолла.

– Ну, и зачем они сюда явились? – спросил он.

– Чтоб тебя арестовать! И готовы ждать сколько угодно, пока ты «с охоты» не вернешься.

Роран от злости даже кулаком по земле пристукнул; внутри у него все похолодело от отвращения.

– А почему они меня арестовать хотят, они не сказали? А про тот камень они упоминали?

Олбрих покачал головой:

– Нет, сказали только, что это приказ короля. И весь день по деревне шныряли и всех опрашивали насчет вас с Эрагоном. – Олбрих подумал и прибавил: – Знаешь, я бы остался с тобой, да только они сразу заметят, если меня завтра в деревне не будет. Я тут тебе целую кучу еды притащил и одеял, а Гертруда кое-какие снадобья тебе прислала – на тот случай, если ты случайно поранишьсЯ. Но я думаю, с тобой тут ничего не случится.

Собрав все свое мужество, Роран улыбнулся:

– Спасибо.

– Не за что. Любой бы на моем месте то же самое сделал. – Олбрих уже собрался уходить, но вдруг остановился. – Между прочим, этим отрядом командуют те же двое чужаков-раззаков.

Обещание Сапфиры

После посещения Совета Старейшин Эрагон несколько часов неторопливо возился с Сапфириным седлом – чистил его и смазывал. За этим занятием его и застал Орик. Гном подождал, когда Эрагон закончит смазывать крепежные ремни, а потом спросил:

– Ну, как ты сегодня себя чувствуешь? Получше тебе?

– Да, немного получше.

– Это хорошо. Силы нам всем нужны. Знаешь, а я ведь к тебе не просто так зашел, не только о твоём здоровье узнать. Наш король Хротгар просил передать, что он хотел бы поговорить с тобой, если ты свободен, конечно.

Эрагон сухо улыбнулся:

– Для него я всегда свободен. И он наверняка это понимает.

Орик рассмеялся:

– Ну и что? А все ж таки лучше соблюсти приличия, верно?

Эрагон отложил седло, а Сапфира, до того дремавшая в углу, свернувшись клубком, выползла на середину комнаты и приветствовала Орика дружелюбным ворчанием.

– И тебе тоже доброго утречка, – поклонился ей гном.

Они пошли по одному из четырех главных тоннелей Тронжхайма к центральному залу и двум зеркально расположенным лестницам, которые вели в тронный зал короля гномов. Но в центральный зал они так и не вошли; Орик свернул на небольшую лесенку, и Эрагон, хоть и не сразу, догадался: гном выбрал боковой вход, чтобы избежать страшного зрелища – вдребезги разбитого Исидар Митрима.

Наконец они остановились перед гранитными дверями тронного зала; на них была высечена корона с семью зубцами. Семеро вооруженных гномов в доспехах, стоявшие по обе стороны двери, одновременно стукнули об пол древками своих секир. И не успело смолкнуть гулкое эхо, как двери распахнулись.

Эрагон кивнул Орику и вместе с Сапфирой вошел в мрачноватый зал, направляясь прямо к стоявшему в отдалении трону мимо многочисленных статуй давно почивших правителей. У подножия тяжелого черного трона Эрагон остановился и почтительно склонил голову. Король гномов тоже поклонился в ответ; блеснуло серебро его густых волос, сумрачно сверкнули вделанные в золотой шлем рубины, похожие на брызги раскаленного металла. Волунд, боевой топор Хротгара, лежал у него на коленях, укрытых металлической кольчугой.

– Приветствую тебя, Губитель Шейдов, – сказал король. – Ты успел немало совершить с тех пор, как мы виделись в последний раз. И я, похоже, получил доказательства того, что ошибался относительно Заррока. Ну что ж, мы в Тронжхайме рады, что клинок Морзана до поры до времени в твоих руках.

Эрагон поблагодарил его и поднялся с колен, а Хротгар продолжал:

– Мы бы также хотели, чтобы ты оставил себе те латы, что носил во время сражения при Фартхен Дуре. Сейчас самые искусные наши мастера заняты их починкой. То же самое касается и лат твоего дракона; их тоже вскоре полностью приведут в порядок, Сапфира может пользоваться ими так долго, как только пожелает, или до тех пор, пока они не станут ей малы. Лишь этим мы можем сейчас выразить вам свою благодарность. Если бы не война с Гальбаториксом, мы, конечно, устроили бы пир в вашу честь... и не один... Но пока с пирами придется подождать.

– Ты щедр сверх всяких ожиданий, – снова поклонился ему Эрагон. – Нам с Сапфирой очень дороги эти благородные латы.

Явно довольный, Хротгар тем не менее нахмурился, отчего его кустистые брови совсем сдвинулись на переносице, и сказал:

– Ну, довольно любезностей. Мои подданные замучили меня требованиями назвать того, кто станет наследником Аджихада, ибо когда Совет Старейшин объявил, что выдвигает на этот пост Насуаду, это вызвало бурное возмущение среди гномов. И все-таки главы наших кланов должны решить, принять ли им кандидатуру Насуады или же поискать другую. Большинство, правда, склоняется в ее пользу. Но мне очень хотелось бы знать, какова твоя позиция по этому вопросу, Эрагон, прежде чем я поддержу тех или других. Мне, королю, хуже всего было бы попасть впросак.

«Много ли можно сказать ему?» – быстро спросил Эрагон у Сапфиры.

«С нами он всегда был честен и справедлив, но откуда нам знать, что он мог пообещать своим подданным? Лучше проявить осторожность. Пусть Насуада сперва действительно возьмет власть в свои руки».

И Эрагон, внутренне согласившись с нею, сказал Хротгару:

– Мы с Сапфирой согласились помочь Насуаде и не станем противодействовать ее избранию. («Интересно, – подумал Эрагон, – не слишком ли много я уже сказал?») И я очень прошу тебя, господин мой, тоже поддержать ее; нельзя допустить, чтобы среди варденов возникли распри; сейчас единство необходимо им, как никогда.

– Да, ты прав, – промолвил Хротгар, откидываясь на спинку трона. – И в твоих словах мне слышатся новая мудрость и новое достоинство. Я согласен с тобой, однако твоя просьба вызывает у меня один вопрос: как ты думаешь, достаточно ли Насуада мудра для того, чтобы стать предводительницей варденов, или же для подобного выбора существуют иные мотивы?

«Это проверка, – предупредила Сапфира. – Он хочет знать, почему мы поддержали ее».

Эрагон невольно улыбнулся:

– Да, по-моему, она мудра не по годам и весьма отважна. Она станет хорошей предводительницей.

– Так вы по этой причине ее поддерживаете?

– Да, именно по этой.

Хротгар, с облегчением вздохнув, тряхнул своей длинной белоснежной бородой и сказал:

– Меня радуют твои слова. В последнее время слишком мало ценится то, что хорошо и правильно, и слишком высоко то, что дает власть над другими. Трудно видеть, как это глупо порой, и не прийти от этого в ярость.

Некоторое время в тронном зале царила полная тишина; все вокруг точно застыло, и, чтобы нарушить столь неприятную паузу, Эрагон спросил:

– А что будет с «убежищем драконов»? Его восстановят?

Глаза Хротгара стали столь печальными, что Эрагон испугался: он еще никогда не видел ни одного гнома на грани слез. Морщины разом проступили на лице короля.

– Нам придется многое обсудить, прежде чем решиться что-либо предпринимать там. Сапфира и Арья совершили страшное деяние. Возможно, необходимое, но поистине ужасное! Ах, порой мне кажется, что лучше бы нас захватили ургалы, только бы уцелел Исидар Митрим! Ведь разбито самое сердце Тронжхайма, да и наши сердца тоже разбиты. – Хротгар прижал стиснутый кулак к груди, потом медленно опустил руку и стиснул обтянутую кожей рукоять Волунда.

Сапфира осторожно коснулась мыслей Эрагона, и он почувствовал, что ею владеют одновременно весьма различные чувства, но более всего его удивило то, что ее терзают угрызения совести и мучительное чувство вины. Она искренне сожалела об уничтожении прекрасной Звездной Розы, понимая всю необходимость своего поступка.

«Маленький брат, – сказала она, – помоги мне; я должна поговорить с Хротгаром. Спроси его: способны ли гномы восстановить Исидар Митрим из осколков?»

Когда Эрагон повторил ее вопрос вслух, Хротгар пробормотал что-то непонятное на языке гномов, помолчал и посмотрел на них.

– Мастерства у нас, конечно, хватит, но что с того? Чтобы восстановить Исидар Митрим потребуется много месяцев или даже лет, и все равно конечный результат будет лишь жалким подобием той красоты, что некогда сияла над Тронжхаймом! Нет, это стало бы поистине оскорблением нашей святыни! И я никогда не дам на это согласия.

Сапфира, не сводя глаз с короля, сказала:

«А теперь передай ему вот что: если Исидар Митрим действительно можно вновь собрать – да так, чтобы ни один осколок не пропал, – то я, скорее всего, смогла бы сделать его целым, как прежде».

Эрагона ее заявление настолько потрясло, что он совсем позабыл о своей роли переводчика:

«Сапфира! Сколько же на это потребуется сил! И ты сама мне говорила, что не можешь пользоваться магией по собственному желанию, отчего же ты так уверена, что сможешь восстановить Звездную Розу?»

«Да, смогу – но только если необходимость в этом будет достаточно велика. Вспомни могилу Брома и забудь все свои сомнения. И закрой рот – это неприлично, да и король на тебя смотрит».

Когда Эрагон передал Хротгару слова Сапфиры, король выпрямился и воскликнул:

– Неужели это возможно? Вряд ли даже эльфы решились бы восстановить целостность Исидар Митрима с помощью магии!

– Сапфира говорит, что она уверена в своих силах.

– Хорошо. Мы восстановим Исидар Митрим, даже если на это уйдет сто лет! Гномы по чертежам создадут для него рамку, и каждый кусочек будет вставлен на прежнее место. Каждый! Даже самый крошечный! Наши мастера умеют работать с камнем, так что не пропадет ни пылинки, ни крупинки. А когда мы закончим свою работу, ты, Сапфира, придешь и исцелишь нашу Звездную Розу!

– Да, мы придем, – подтвердил Эрагон и поклонился.

Хротгар улыбнулся; улыбка эта больше всего напоминала трещину в гранитной скале.

– Ты доставила мне великую радость, Сапфира! – воскликнул он. – Я снова чувствую, что стоит жить и править моим народом. Знай: если Исидар Митрим обретет новую жизнь, все гномы повсюду и на протяжении бесчисленных поколений будут славить твое имя! А теперь я благословляю вас обоих. Ступайте. А я поспешу дать поручения главам наших Домов. Но я отнюдь не требую, чтобы вы сохранили это обещание в тайне. Напротив, сообщайте об этом каждому, кого встретите. Я и сам незамедлительно объявлю своему народу, что мы начинаем великое дело. И пусть наши подземные залы звенят от гулкого эха, сопровождающего ликующие крики гномов!

Эрагон в последний раз поклонился Хротгару – тот все еще счастливо улыбался, – и они с Сапфирой удалились. За дверями Эрагон сообщил Орику о решении восстанавливать Исидар Митрим, и гном тут же поклонился Сапфире, поцеловал пол перед нею и с улыбкой схватил Эрагона за руку, говоря:

– Вот уж действительно чудо! Вы дали нам именно ту надежду, что была так необходима! Эх, и выпьют же сегодня гномы на радостях!

– Но ведь завтра похороны! – напомнил ему Эрагон.

Орик на мгновение стал серьезен:

– Завтра – да. Но до завтра мы не позволим горьким мыслям тревожить наши души! Идемте!

И, схватив Эрагона за руку, гном потащил его за собой – в один из залов, где за каменными столами собралось множество гномов. Орик шлепнулся за один из столов, смел с него все блюда прямо на пол и громогласно объявил новость о восстановлении Звездной Розы. Эрагон чуть не оглох от восторженных криков, которые за этим последовали. Каждый из гномов непременно хотел подойти к Сапфире и поцеловать перед нею пол, как это сделал Орик. Наконец с чествованиями было покончено, и гномы, забыв обо всем на свете, наполнили каменные кружки крепким пивом и медовым напитком.

Эрагон присоединился к этой пирушке с таким удовольствием, что даже сам удивился. Радость гномов передалась и ему, разогнав давившую на сердце тоску. Но полностью предаваться разгулу он считал недопустимым: ведь завтра ему предстояло исполнить определенные и весьма печальные обязанности, а для этого нужна будет ясная голова.

Даже Сапфира отведала медового напитка, и он пришелся ей весьма по вкусу. Обнаружив это, гномы выкатили для нее целый бочонок. Аккуратно опустив свою огромную морду в бочонок, она в три глотка осушила его до дна, потом задрала голову и выпустила в потолок здоровенный язык пламени. Эрагону понадобилось несколько минут, чтобы успокоить гномов и убедить их, что это совершенно не опасно и к драконихе можно подходить как угодно близко. Но как только гномы пришли в себя, они тут же выкатили Сапфире новый бочонок и с восторгом и изумлением стали смотреть, как она осушила и его.

Сапфира все больше пьянела; ее мысли и ощущения стали бесконтрольно проникать в душу Эрагона, так что он уже и сам точно не знал, что именно чувствует в тот или иной момент. Ее восприятие окружающего начинало подавлять его собственное; даже цвета и запахи он теперь воспринимал иначе – они стали ярче и острее.

Гномы принялись петь хором. Сапфира встала и, покачиваясь, принялась тоже мурлыкать незнакомую мелодию, каждую спетую строфу отмечая рычанием. Эрагон, желая тоже присоединиться к общему хору, даже вздрогнул, когда у него изо рта вместо нормальных слов вырвался хриплый драконий рык. Да, решил он, качая головой, пожалуй, это зашло слишком далеко... Может, мне это кажется? Или я просто пьян? Но вскоре ему это стало совершенно безразлично, и он с воодушевлением запел вместе с гномами, не обращая внимания на то, драконий у него голос или свой.

В зал продолжали стекаться гномы, обрадованные вестью о восстановлении великой святыни. Вскоре вокруг Эрагона и Сапфиры собралось кольцо из сотен гномов, а Орик призвал музыкантов, и те устроились в уголке, снимая зеленые покрывала со своих инструментов. Вскоре в зале зазвучали лютни, арфы и серебряные флейты, полились дивные мелодии, и пир продолжался еще много часов, прежде чем песни и громкие речи стали понемногу стихать. Наконец Орик взобрался на стол и, широко расставив ноги и держа в руках кружку, снял свой шлем, отшвырнул его в сторону и воскликнул:

– Ну, что ж, пир удался! Наконец-то мы поспраздновали на славу! Ургалы изгнаны, шейд мертв, и мы победили!

Гномы в знак одобрения застучали кружками по столам. Сказано было отлично – кратко и по делу. Но Орик не унимался:

– Так выпьем же за Эрагона и Сапфиру! – проревел он, поднимая кружку. И все с восторгом его поддержали.

Эрагон встал и поклонился. Это вызвало новую волну восторженных криков. Сапфира тоже встала, слегка попятилась и тоже попыталась приложить переднюю лапу к груди, подражая Эрагону, но это ей удалось плохо, она пошатнулась, и гномы, осознав грозящую им опасность, шархнулись в разные стороны. Они едва успели – с жутким грохотом Сапфира рухнула на спину, опрокинув один из тяжелых столов.

И тут же острая боль вспыхнула у Эрагона в спине, и он, потеряв сознание, рухнул рядом с упавшей Сапфирой.

Реквием

Просыпайся, Кнурлхайм! Хватит спать! Нам давно пора у ворот быть – без нас ведь не начнут.

Эрагон заставил себя открыть глаза; голова просто раскалывалась, по телу словно проехала ломовая телега. Оказывается, он так и спал на холодном каменном столе.

– Как, как? – недовольно спросил он. Вкус во рту был такой, что он даже поморщился.

Орик, дернув себя за рыжеватую бороду, воскликнул:

– Ты что, забыл? Сегодня же похороны Аджихада! И мы обязаны присутствовать на погребальной церемонии.

– Да я не об этом! Как ты меня назвал?

Теперь в огромном зале остались лишь они да Сапфира. Дракониха лежала на боку между двумя столами и, услышав их голоса, слегка шевельнулась, приподняла голову и мутными глазами посмотрела вокруг.

– Кнурлхайм, Каменная Голова – вот как я тебя назвал! Я ведь тебя уже почти целый час разбудить пытаюсь!

Эрагон рывком встал на ноги, соскочил со стола и пошатнулся. Ноги казались ватными, в голове мелькали какие-то обрывки мыслей и неясные воспоминания о прошлой ночи.

«Сапфира, ты как?» – мысленно спросил он, неловко поворачиваясь к ней.

Она медленно выгнула шею и посмотрела на него, с отвращением облизываясь и показывая алый язык и острые зубы – точно кошка, съевшая что-то нехорошее.

«Да вроде... цела. Мое левое крыло, правда, ведет себя как-то странно: похоже, как раз на него я и приземлилась. А вот голова... Ох, в нее точно тысяча раскаленных стрел вонзилась!»

– Никто не пострадал, когда она тут рухнула? – озабоченно спросил Эрагон у Орика.

В широкой груди гнома что-то захлюпало: он явно пытался подавить смех:

– Да нет, хотя двое слегка расшиблись, когда со стульев попадали – уж больно смеялись. Еще бы! Пьяный дракон, который еще и кланяться вздумал! Да об этом у нас столько песен сложат! (Сапфира слегка шевельнула крыльями и жеманно отвернулась.) Мы решили так вас и оставить – все равно тебя, Сапфира, мы бы с места не сдвинули. Хотя наш главный повар весьма опасался, что ты и остальные запасы его драгоценного напитка опустошишь, как те четыре бочки, которые ты уже выпить успела!

«Вот-вот! А ты еще мне говорила, что я слишком много пью! – язвительно заметил Эрагон. – Да если б я четыре бочки разом вылакал, то наверняка бы концы отдал!»

«Естественно. Куда тебе до нас, драконов», – невозмутимо отвечала Сапфира.

Орик сунул Эрагону какой-то сверток.

– Вот, надень. Это куда больше подходит для погребальной церемонии. Да поспеши, времени у нас совсем нет.

Эрагон судорожно принялся переодеваться. В свертке оказалась белоснежная рубаша с завязками на запястьях и кружевными манжетами, красная куртка, отделанная золотым кантом и вышивкой, черные штаны, блестящие черные башмаки с подковками и потрясающая шляпа, которая под подбородком крепилась ремешком с большой красивой застежкой.

Эрагон поплескал в лицо водой и постарался как-то привести в порядок встрепанные волосы. Затем Орик прямо-таки поволок их с Сапфирой к южным воротам Тронжхайма.

– Процессия начнется оттуда, – пояснил он на ходу, с поразительной скоростью переставляя свои короткие толстые ножки, – ведь именно туда тело Аджихада принесли три дня назад, а путь покойника к могиле нельзя прерывать, иначе душа его не будет знать покоя.

«Старинный обычай», – заметила Сапфира и слегка пошатнулась.

Эрагон кивнул. В Карвахолле людей обычно хоронили либо прямо на ферме, либо на маленьком деревенском кладбище. Похороны сопровождались исполнением печальных старинных баллад, а затем устраивались поминки, на которых присутствовали друзья и родные покойного.

«А ты до конца-то выдержать сможешь?» – спросил он Сапфиру, заметив, что она снова пошатнулась.

Дракониха презрительно наморщила нос.

«Естественно! И похороны, и назначение Насуады. Но потом мне непременно надо будет поспать, чума заберит этот их медовый напиток!»

Эрагон снова повернулся к Орику и спросил:

– А где Аджихад будет похоронен?

Орик даже шаг замедлил, настолько это, видимо, был серьезный вопрос. Осторожно глянув на Эрагона, он сказал:

– Это послужило предметом жаркого спора среди наших племен. Когда умирает гном, то, согласно нашим верованиям, его нужно непременно запечатать в камень, иначе он никогда не найдет путь к своим предкам. Видишь ли, тема смерти вообще очень сложна... Я не могу вдаваться в подробности, но мы, гномы, ни перед чем не остановимся, чтобы обеспечить Аджихаду достойные похороны! Ибо вечный позор падет на ту семью и тот Дом, где позволят своему покойному сородичу лежать в более легкой среде!

Видишь ли, под Фартхен Дуром есть особый зал, который служит домом всем умершим кнурланам. Именно туда и должны отнести Аджихада. Он человек, так что его нельзя хоронить вместе с гномами, но для него уже вырублен чуть в стороне подходящий его званию альков, где он и будет похоронен со всеми должными почестями. И вардены смогут посещать его могилу, не тревожа наши священные гроты.

– Ваш король очень много делал и делает для варденов, – заметил Эрагон.

– Некоторые считают, что слишком много! – кратко ответил Орик.

Мощные ворота были уже подняты и висели на скрытых в стенах цепях; в Фартхен Дур вливался слабый дневной свет. Перед открытыми воротами стояло множество людей, уже построившихся в длинную колонну. Аджихад лежал впереди на белых мраморных носилках, которые приготовились нести шестеро воинов в черных латах. На голове у вождя варденов красовался шлем, инкрустированный самоцветами; согнутые на груди руки сжимали рукоять обнаженного меча; рукоять была из слоновой кости. Часть тела и ноги покрывал боевой щит. Серебряная кольчуга, сверкавшая так, что казалась сплетенной из лунных лучей, тяжелыми складками ниспадала на носилки.

Рядом стояла Насуада, мрачная, решительная, опоясанная мечом и державшаяся очень прямо, хотя слезы так и текли у нее по лицу. Чуть поодаль Эрагон заметил Хротгара в темных одеждах и Арю; далее выстроился весь Совет Старейшин с опечаленными лицами, вполне соответствовавшими моменту, а за ними виднелась целая река обитателей Тронжхайма.

Все двери на всех этажах и во всех коридорах, ведущих в центральный зал Тронжхайма, были открыты; в дверях тоже толпились люди и гномы; лица у всех были серыми от горя. Длинные гобелены на стенах качнулись от сотен вздохов и шепотом произнесенных слов, когда присутствующие заметили Эрагона и Сапфиру.

Джормундур издала махнул им рукой, и они осторожно пробрались к нему сквозь толпу, стараясь никого не потревожить. Эрагон, правда, успел заметить, сколь неодобрительно смотрит на них Сабра. Орик же сразу встал возле Хротгара.

Теперь они стояли вместе со всеми и чего-то ждали. Эрагон никак не мог понять, чего же они ждут.

Почти все светильники вокруг были притушены, и этот холодный полумрак придавал происходящему особый, какой-то колдовской смысл. Казалось, никто из присутствующих не только не шевелится, но и не дышит. На мгновение Эрагону даже показалось, что все это – статуи, замороженные навек. Живым здесь казалось лишь легкое перышко благовонного дыма, поднимавшееся над мраморными носилками и распространявшее аромат кедра и можжевельника.

Где-то в глубинах Тронжхайма прогремел барабан. Звучная басовая нота отдалась во всем теле; казалось, сама гора вздрогнула от гулко-го эха, точно гигантский колокол.

И процессия наконец сдвинулась с места.

Снова ударил барабан, и к нему присоединился еще один; их мерные, торжественные удары были слышны, наверное, в каждом зале и коридоре, направляя людей и гномов к некоему священному месту и придавая каждому их шагу особый смысл и особую суровую значимость, как того и требовали обстоятельства. Никаких иных мыслей, казалось, и не могло существовать при этих всепроникающих звуках, кроме одного мучительного и все нарастающего чувства, которое барабаны умело взращивали и направляли, вызывая слезы и пробуждая в душе странную светлую горько-сладкую радость.

Бумм!

Коридор закончился, и носильщики остановились меж двух колонн из оникса у входа в центральный зал. Эрагон заметил, какими торжественными стали лица гномов, как осторожно они ступают, чтобы не потревожить груды осколков Звездного Сапфира.

Бумм!

Они обогнули образованный обломками круг в центре зала, где по-прежнему виднелся инкрустированный в полу молот и двенадцать серебряных пентаграмм. Многие из осколков были поистине громадны, а некоторые сохранили даже резьбу в виде лепестков розы.

Бумм!

Носильщики, осторожно ступая и стараясь не пораниться об острые как бритва осколки, миновали то место, где некогда сиял Исидар Митрим, и стали спускаться по широкой лестнице в нижние тоннели. Процессия миновала множество пещер, служивших жилищами гномам; их дети молча прижимались к матерям и как замороженные смотрели на погребальное шествие.

Бумм!

Барабаны ударили как-то особенно громко и смолкли. Процессия остановилась в гигантской подземной пещере, своды которой были образованы ребристыми сталактитами. Эрагон огляделся. По обе стороны тянулись ряды ниш с каменными надгробиями; на каждом надгробии были вырезаны имя того, кто там похоронен, и знак его клана. Казалось, здесь тысячи, десятки тысяч могил! Полумрак, царивший в пещере, слегка рассеивали неяркие красноватые светильники, расположенные довольно далеко друг от друга.

Выдержав паузу, носильщики направились к небольшому помещению, прилегавшему к основной пещере, в центре которого возвышался просторный склеп. Двери его были распахнуты, за ними виднелась лестница, ведущая во тьму, словно поджидавшую свою очередную жертву. Руническая надпись на надгробии гласила:

ПУСТЬ КАЖДЫЙ ГНОМ, ЧЕЛОВЕК ИЛИ ЭЛЬФ
ПОМНИТ ИМЯ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА,
ИБО БЫЛ ОН ПО-НАСТОЯЩЕМУ БЛАГОРОДЕН,
СИЛЕН И МУДР.

ГУНТЕРА АРУНА!

Носилки опустили, и те из оплакивавших Аджихада, кто знал его лично, получили разрешение подойти ближе и попрощаться. Эрагон и Сапфира оказались в очереди пятыми, следом за Арьей. Поднявшись по мраморным ступеням, Эрагон вдруг испытал острый приступ тоски и отчаяния – ему казалось, что вместе с Аджихадом он хоронит и Муртага.

Аджихад на своем смертном ложе показался ему странно спокойным, куда более спокойным, даже безмятежным, чем вождь варденов выглядел при жизни; смерть, словно признавая его величие, почла своим долгом избавить его от всех земных забот и тревог. Эрагон знал Аджихада совсем недолго, но и за это время успел преисполниться к нему уважения – и как к человеку, и как к носителю великой идеи освобождения от власти тирана. Кроме того, Аджихад первым – с тех пор, как Эрагон и Сапфира покинули долину Паланкар, – по-настоящему позаботился о них, дал им кров и обеспечил их безопасность.

Потрясенный, Эрагон тщетно пытался отыскать нужные слова, способные выразить те чувства, которые он питал к этому человеку. Наконец он еле слышно прошептал, так и не сумев проглотить застрявший в горле колючий комок:

– Мы никогда не забудем тебя, Аджихад, клянусь! Покойся с миром и знай: Насуада продолжит твое дело и, благодаря начатой тобой борьбе, Империя непременно будет низвергнута! – Почувствовав прикосновение Сапфиры, Эрагон поспешил сойти с возвышения, уступив место Джормундуру.

Последней с Аджихадом простилась Насуада. Она склонилась над отцом и с нежной решимостью сжала его руку. С уст ее сорвался мучительный стон, и она вдруг запела, но пение это больше походило на плач. Толпа притихла, и склеп наполнился горестными звуками прощальной песни Насуады.

Когда она умолкла, к носилкам приблизились двенадцать гномов, и лицо Аджихада скрылось под мраморной плитой. Все было кончено.

Клятва верности

Эрагон зевнул, прикрывая рот рукой; люди и гномы неторопливо заполняли подземный амфитеатр. Под сводами изысканно украшенного зала гудели голоса – все обсуждали только что закончившиеся похороны.

Эрагон сидел в самом первом ряду – на одном уровне с возвышением посредине зала. В том же ряду чинно расселись Орик, Арья, Хротгар, Насуада и члены Совета Старейшин. Сапфира стояла рядом на лестнице, вырубленной прямо в скальной породе. Наклонившись к Эрагону, Орик сказал:

– Со времен Коргана всех наших правителей выбирали здесь. Очень хорошо, что и вардены решили поступить так же.

«Ну, насколько это хорошо, будет видно впоследствии», – думал Эрагон. Он совсем не испытывал уверенности в том, что избрание Насуады позволит сохранить в рядах варденов мир и порядок. Глаза у Эрагона щипало, ресницы все еще были влажны от слез: прощание с Аджихадом глубоко потрясло его, но, несмотря на глубокую печаль, им все сильнее овладевала тревога. Его беспокоила собственная роль в грядущих событиях: ведь даже при самом благоприятном исходе у них с Сапфирой все равно появятся противники, и весьма могущественные. Он невольно стиснул рукоять Заррока.

Через несколько минут амфитеатр наконец был заполнен, и на возвышение в центре поднялся Джормундур.

– Вардены! В последний раз мы собирались здесь пятнадцать лет назад, когда умер Дейнор. Став его наследником, Аджихад сделал самый большой вклад в дело борьбы с Империей и Гальбаториксом. Он выходил победителем во многих сражениях, когда силы противника значительно превосходили его собственные, а однажды чуть не убил шейда Дурзу, оставив на его клинке заметную зазубрину. Но самое главное – он с радостью и готовностью принял в наши ряды Всадника Эрагона и его Сапфиру. И вот теперь нам приходится выбирать нового предводителя, и мы надеемся, что с его помощью мы сумеем одержать еще немало славных побед!

Кто-то из верхних рядов выкрикнул:

– Губителя Шейдов!

Эрагон постарался ничем не выдать своих чувств – хорошо еще, что и Джормундур сохранил полное спокойствие и ответил:

– Возможно, это когда-нибудь и случится, но не сейчас. Сейчас у Эрагона совсем иные задачи и обязанности. Совет Старейшин долго думал над этим, и мы решили: нам нужен тот, кто хорошо знает и понимает наши нужды и потребности, кто жил и страдал с нами вместе, кто никогда не дрогнет и не покинет поля боя, какая бы угроза ни нависла над нами.

И Эрагон даже не услышал, а ощутил поднявшуюся в зале волну понимания и превратившуюся в одно-единственное слово, которое еле слышно шептали тысячи уст. Наконец его громко произнес и сам Джормундур:

– Это Насуада.

Он с поклоном отступил в сторону, и на возвышение поднялась Арья.

Оглядев зал, она спокойно и уверенно произнесла:

– Сегодня у меня на родине эльфы отдают последние почести Аджихаду... От имени королевы Имиладрис¹ сообщаю: мы, эльфы, поддерживаем назначение Насуады и предлагаем ей ту же дружбу и поддержку, какими пользовался и ее отец. Да хранят ее звезды!

¹ Поскольку в предыдущей книге «Эрагон» ныне здравствующую королеву эльфов звали Имиладрис, мы решили оставить ей это имя. Точно так же мы оставили и прежние написание тех имен действующих лиц, которые уже встречались в первой части трилогии.

Следом за Арьей на возвышение поднялся Хротгар и ворчливым тоном заявил:

– Я тоже поддерживаю Насуаду. Могу заверить вас, что и все наши Дома высказались в ее поддержку. – Больше король гномов ничего не прибавил и отошел в сторону.

Наступила очередь Эрагона. Выйдя в центр зала, он увидел, что взгляды всех так и впились в него и Сапфиру, а потому сумел сказать лишь:

– Мы с Сапфирой тоже за Насуаду.

Дракониха поддержала его одобрительным рычанием, и они уступили место следующему оратору.

Когда высказались все, Совет Старейшин во главе с Джормундуром выстроился по обе стороны от возвышения, а Насуада, гордо вскинув голову, подошла к ним и молча преклонила колена; черное платье пышными волнами легло вокруг нее на пол. Слегка возвысив голос, Джормундур сказал:

– Мы избираем тебя, Насуада, по праву наследования и согласно мнению равных. Мы избираем тебя, помня заслуги твоего отца и твои собственные заслуги. И теперь я спрашиваю вас: правильный ли выбор мы делаем?

В ответ раздалось оглушительное «да!», и Джормундур удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. В таком случае, властью, данной Совету Старейшин, мы передаем все привилегии и всю ответственность, какими обладал Аджихад, его единственной наследнице. – Взяв руку Насуады, он высоко поднял ее и провозгласил: – Перед вами ваш новый предводитель, вардены!

Минут десять в зале не смолкали приветственные крики; гулкое эхо разносилось по прилегающим к нему тоннелям. Наконец крики стали стихать, и Сабра, подойдя к Эрагону, шепнула:

– А теперь настало время тебе выполнить твое обещание.

И Эрагону показалось, что весь шум разом смолк. Впрочем, ни смущения, ни печали он тоже больше не чувствовал, точно их поглотило величие данного момента. Эрагон набрал в грудь воздуха и вместе с Сапфирой неторопливо двинулся к Джормундур и Насуаде. Он заметил самодовольные усмешки на лицах Сабры, Элессари, Умерта и Фалберда. Впрочем, на лице Сабры было написано скорее откровенное презрение. Затем Эрагон посмотрел на Арю; она одобрительно кивнула ему, желая поддержать.

«Мы с тобой стоим на пороге исторических перемен», – услышал Эрагон голос Сапфиры.

«А по-моему, мы собираемся прыгнуть с утеса, не зная, достаточно ли глубока под нами вода!» – откликнулся Эрагон.

«Возможно. Но сам полет в неведомое всегда прекрасен!»

По лицу Насуады ничего прочесть было невозможно. Эрагон с почтением преклонил перед ней колена, вынул Заррок из ножен и, положив клинок на вытянутые руки, приподнял его и протянул его как бы одновременно Джормундур и Насуаде, стоявшим рядом. Казалось, в этот момент он балансирует на тонкой грани между двумя различными судьбами. У него даже дыхание перехватило – так просто было сейчас изменить свой жизненный путь! И сделать выбор – между драконом, королем, Империей!..

Эрагон решительно вздохнул и, повернувшись к Насуаде, дрожащим голосом произнес:

– Испытывая к тебе глубочайшее уважение и всем сердцем понимая, сколь трудные задачи тебе предстоит решить, я, Эрагон, первый Всадник варденов, которого здесь называют также Губителем Шейдов и Аргетламом, вручаю тебе, Насуада, свой меч и приношу клятву верности.

Вардены и гномы смотрели на них в немом изумлении. На лицах членов Совета отчетливо читалось уже не победоносное ликование, а бешеная злоба и бессилие. Глаза их сверкали яростью преданных. Даже у Элессари гнев все же сумел прорваться сквозь маску безупречной

элегантности. Один лишь Джормундур – да и то испытав явное, хоть и короткое замешательство – воспринял эту клятву верности с должным спокойствием.

Насуада улыбнулась, взяла Заррок и, коснувшись им лба Эрагона, сказала:

– Для меня это большая честь, Всадник Эрагон. Я принимаю твое предложение служить мне, как и ты берешь на себя всю ответственность, с этим предложением связанную. Встань же и как мой вассал прими от меня свой меч.

Эрагон поднялся с колен, принял у нее меч и почтительно отступил назад. Толпа взревели; слышались крики одобрения, гномы отбивали ритм своими подбитыми гвоздями башмаками, вардены стучали мечами по щитам...

Насуада, крепко опершись руками о край возвышения, подняла глаза на тех, кто стоял и сидел перед нею. Лицо ее лучилось искренней радостью.

– Вардены! – воскликнула она. В зале тут же воцарилась полная тишина. – Как и мой отец, я готова жизнь свою отдать нашему общему делу. Клянусь, что не прекращу борьбы до тех пор, пока не исчезнут с нашей земли ургалы, пока не умрет Гальбаторикс, пока Алагейзия вновь не станет свободной!

В зале послышались возгласы одобрения и аплодисменты.

– А потому, – продолжала Насуада, – я считаю, что нам пора готовиться к решающему удару. После множества безрезультатных стычек с врагом мы наконец одержали значительную победу. И теперь должны использовать полученное преимущество. Гальбаторикс существенно ослаблен, он потерял значительную часть своего войска, и в дальнейшем нам такой возможности может уже не представиться. А потому повторяю: самое время готовиться к новым битвам – и новым, столь же крупным победам!

После Насуады выступали еще многие – в том числе и добела раскалившийся от гнева Фалберд. Наконец амфитеатр начал пустеть. Эрагон уже собирался уходить, когда его остановил Орик. Гном схватил его за руку, заглядывая в лицо расширенными от возбуждения глазами.

– Эрагон, неужели ты все это придумал заранее?

Эрагон быстро решил, стоит ли раскрывать все свои карты, и кивнул:

– Да.

Орик шумно выдохнул и покачал головой.

– Клянусь, ты нанес весьма мудрый удар! И отлично сумел поддержать Насуаду. Хотя, похоже, членов Совета твое решение отнюдь не обрадовало. А что Арья? Она-то твои действия одобряет?

– Она согласилась с тем, что это необходимо.

Гном задумчиво посмотрел на него.

– Уверен, что это так и есть. Ты хоть понимаешь, что полностью изменил равновесие сил? Теперь уж никто не осмелится вас с Сапфирой недооценивать. Что ж, я от души желаю тебе удачи! – Он хлопнул Эрагона по плечу и ушел.

Сапфира некоторое время смотрела ему вслед, а потом сказала Эрагону:

«Нам надо бы поскорее убраться из Фартхен Дура. Члены Совета явно жаждут мести. И чем скорее мы окажемся вне их досягаемости, тем лучше».

Колдунья, змея и свиток

Когда в тот вечер Эрагон после купания возвращался к себе, он с изумлением обнаружил, что в коридоре его ждет какая-то высокая женщина с темными волосами и поразительно яркими синими глазами. Губы ее, казалось, постоянно слегка усмеваются. Эрагон заметил у нее на запястье золотой браслет – змею, раскрывшую рот в злобном шипении. «Хорошо бы эта женщина не вздумала спрашивать у меня совета, к чему здесь многие привыкли», – промелькнуло у него в голове.

– Приветствую тебя, Аргетлам. – Она учтиво поклонилась ему.

Он поклонился в ответ и спросил:

– Чем могу служить?

– Надеюсь, что послужить ты мне действительно сможешь. Меня зовут Трианна, я – колдунья из Дю Врангр Гата.

– Правда? Настоящая колдунья? – с интересом переспросил Эрагон.

– И еще я заклинаю воинов перед битвой, могу быть шпионкой – и вообще кем угодно, если это понадобится варденам. Ведь в действительности магическим искусством владеет не так уж много людей, и всем нам в итоге приходится выполнять самые различные задания. – Она улыбнулась, показав ровные белые зубы. – Именно поэтому я сегодня и пришла к тебе. Ты оказал бы нам честь, возглавив наше общество. Ты – единственный, кто способен заменить Двойников.

Эрагон невольно улыбнулся в ответ. Женщина казалась такой милой и дружелюбной, что ему совершенно не хотелось говорить ей «нет».

– Боюсь, что не смогу, – ответил он. – Мы с Сапфирой вскоре покидаем Тронжхайм. И в любом случае я сперва должен посоветоваться с Насуадой. И я больше не желаю быть замешанным ни в каких политических играх, особенно в тех, которые затеяли Двойники!

Трианна закусила губу.

– Мне очень жаль это слышать. – Она сделала шаг к нему. – Но, может быть, ты захотел бы провести какое-то время у нас в Дю Врангр Гата, прежде чем покинешь Тронжхайм? Я могла бы научить тебя призывать некоторых духов и управлять ими. Подобный опыт мог бы стать весьма... поучительным для нас обоих.

Эрагон покраснел, чувствуя подвох, но ответил вполне учтиво:

– Я высоко ценю твое предложение, но в данный момент я действительно очень занят.

В глазах Трианны сверкнула искра гнева – сверкнула и погасла так быстро, что Эрагон даже засомневался, действительно ли он ее заметил. Колдунья вздохнула:

– Да, я понимаю.

В голосе ее слышалось такое разочарование, и выглядела она такой огорченной, что Эрагон ощутил даже некую вину за то, что отказал ей. В конце концов, ничего страшного, если я несколько минут поговорю с нею, решил он и спросил:

– А где ты сама училась магическим искусствам?

Лицо Трианны просветлело.

– Моя мать, – сказала она, – была целительницей из Сурды. Она обладала небольшим магическим даром и кое-чему сумела научить и меня. Разумеется, я далеко не так могущественна, как Всадники. Да и никто из Дю Врангр Гата не смог бы одолеть Дурзу в одиночку, как это сделал ты. Ты совершил настоящий подвиг!

Эрагон смущенно потупился.

– Я бы наверняка погиб, если б не Арья, – честно признался он.

– По-моему, ты излишне скромн, Аргетлам, – возразила Трианна. – Ведь это ты нанес последний решающий удар. Тебе бы следовало гордиться – ты совершил деяние, достойное

самого Врайля! – Она так близко склонилась к нему, что сердце застучало у него в груди: он почувствовал аромат ее духов, насыщенный, мускусный, с легким оттенком каких-то экзотических благовоний. – А ты слышал песни, которые уже сложили о тебе? Вардены поют их каждую ночь, собираясь у костров. Они говорят, что ты пришел, чтобы отнять трон у Гальбаторикса!

– Нет, – быстро и резко сказал Эрагон. Как раз эти разговоры были ему особенно неприятны. – Может, так и говорят, но это неправда. Как бы ни сложилась моя судьба, но к трону я не стремлюсь.

– Что весьма мудро с твоей стороны. Ведь правитель, в конце концов, – это всего лишь человек, пребывающий в плену своих обязанностей. Поистине жалкое вознаграждение для последнего Всадника и его дракона. Нет, для тебя, разумеется, куда важнее полная свобода, возможность идти куда хочешь, делать что хочешь... Или, может быть, влиять на будущее всей Алагейзии... – Трианна помолчала. – Осталась ли у тебя на родине семья?

«Зачем ей это?»

– Нет, только двоюродный брат.

– Значит, и невесты у тебя нет?

Этот вопрос застал его врасплох. Такого у него еще никогда не спрашивали.

– Нет, я пока ни с кем не помолвлен.

– Но ведь наверняка есть девушка, которая тебе не безразлична. – Колдунья подошла еще ближе; ленты ее рукава слегка коснулись руки Эрагона.

– В Карвахолле у меня такой девушки нет, – чуть помедлив, сказал Эрагон, – да и с давних пор мы с Сапфирой все время странствуем.

Трианна слегка отодвинулась и подняла руку так, что ее браслет-змея оказался примерно на уровне его глаз.

– Нравится тебе мой браслет? – спросила она. (Эрагон посмотрел на змейку и кивнул, хотя браслет вызывал у него скорее чувство беспокойства.) – Я называю его Лорга. Это мой друг и защитник. – Чуть наклонившись, она подула на браслет и прошептала: – Се орум тор-несса хавр шарьялви лифс. – И Эрагон понял: «Пусть оживет эта змейка».

Сухо зашуршала чешуя, змея шевельнулась, и Эрагон с ужасом и восхищением увидел, как она ползет по бледной руке Трианны, приподнимается и, не мигая, начинает смотреть прямо на него своими рубиновыми глазами. Ее раздвоенный язычок то высовывался из пасти, то снова скрывался; красные светящиеся глаза, казалось, все расширяются, и у Эрагона возникло такое ощущение, словно он падает в ту пропасть, что открывалась за этими глазами. Он попытался отвести взгляд, но не смог этого сделать.

И вдруг, видимо по команде своей хозяйки, змейка замерла, глаза ее погасли, и она вновь браслетом обвила запястье Трианны. А сама колдунья с усталым вздохом прислонилась к стене.

– Немногие понимают, чем занимаются те, кто владеет искусством магии. Но я хотела бы, чтобы ты знал: есть и другие, такие, как ты, и мы непременно придем вам на помощь, если сможем.

Поддавшись внезапному порыву, Эрагон сжал ее руку в своей руке. Он никогда прежде не осмеливался вот так прикоснуться к женщине, но сейчас словно что-то толкнуло его изнутри. Это было новое, немного пугающее чувство.

– Если хочешь, – предложил он, – мы могли бы вместе перекусить и немного поболтать. Тут недалеко...

Трианна осторожно накрыла его пальцы свободной рукой; рука у нее была нежная, прохладная и очень отличалась от тех загрубелых ладоней, которые Эрагон привык пожимать.

– С удовольствием. А мы... – Дверь у нее за спиной вдруг резко распахнулась. Колдунья резко обернулась и вскрикнула, оказавшись лицом к лицу с Сапфирой.

Сапфира застыла в дверном проеме, точно изваяние, лишь верхняя губа ее медленно приподнялась, обнажая ряд острых зазубренных клыков. Потом она зарычала, и в этом рычании любой отчетливо услышал бы презрение и угрозу. Рычание Сапфиры не смолкало по меньшей мере минуту, и на слух оно воспринималось, как совершенно законченная и в высшей степени грозная тирада.

Эрагон не сводил с драконихи гневного взгляда, но та не обращала на него ни малейшего внимания.

Наконец Сапфира умолкла. Трианна нервно теребила ткань платья, и по ее бледному испуганному лицу нетрудно было догадаться, что она с трудом держит себя в руках. Быстро поклонившись Сапфире, она повернулась и тут же исчезла. А Сапфира подняла лапу, облизала когти и преспокойно заявила:

«Эту дверь совершенно невозможно открыть».

«Зачем ты это сделала? – взорвался Эрагон. – С какой стати ты вмешиваешься в мои дела?»

«Тебе нужна была моя помощь», – с прежней невозмутимостью ответила она.

«Если бы мне была нужна твоя помощь, я бы сам тебя позвал!»

«Не кричи на меня! – Она сердито щелкнула зубами. И Эрагон понял, что и у нее в душе бушует целая буря чувств. – Я не позволю тебе развлекаться с какой-то девкой, тем более что ей нужен Эрагон-Всадник, а не Эрагон-человек».

«Она – не девка! – От злости Эрагон даже кулаком по стене стукнул. – А я уже взрослый мужчина, Сапфира, и отшельником быть не собираюсь. Неужели ты считаешь, что я перестану обращать внимание на женщин только потому, что я – Всадник? И кроме того, решать, с кем мне стоит „развлекаться“, а с кем не стоит, решать уж точно не тебе! Кстати сказать, я всего лишь хотел поболтать с ней немного, отвлечься от тех бед, что обрушились на нас в последнее время. Ты ведь отлично умеешь читать мои мысли и должна бы знать, что мне сейчас нелегко. Почему же ты не оставила меня в покое? Что плохого в том, что я бы немного побеседовал с этой Трианной?»

«Ты не понимаешь...» – Сапфира избегала смотреть ему в глаза.

«Не понимаю? Может, ты мне и семьей обзавестись не позволишь? Женой и детьми?»

«Эрагон... – Огромный синий глаз смотрел на него, не мигая. – Мы очень тесно связаны с тобой...»

«Естественно!»

«И если ты захочешь создать... отношения с кем-то – с моего благословения или без него – и к кому-то... привяжешься, то и мои чувства неизбежно будут затронуты. Тебе следует об этом помнить. И я предупреждаю тебя в первый и последний раз: будь осторожен в своем выборе, ибо любые новые отношения будут касаться нас обоих».

Эрагон задумался.

«Между нами действительно существует двусторонняя связь. – Он словно размышлял вслух. – Значит, если ты возненавидишь кого-то, то и я почувствую к нему ненависть... Ладно, я понимаю твои опасения. Значит, ты не просто ревновала?»

Сапфира лизнула коготь.

«Может быть, чуть-чуть...»

На этот раз зарычал уже Эрагон, так его разозлило признание драконихи. Он молнией метнулся мимо Сапфиры, схватил Заррок и выбежал из комнаты, на ходу пристегивая меч.

Несколько часов он просто бродил по Тронжхайму избегая каких бы то ни было разговоров со встречаемыми. Случившееся причинило ему сильную боль, хотя он не мог отрицать: Сапфира сказала правду. Но из всех вопросов, которые они с ней когда-либо обсуждали, этот был наиболее деликатным, и по нему они пока не достигли соглашения. В ту ночь – впервые со времен пленения в Гиллиде – Эрагон ночевал вдали от Сапфиры, у гномов.

К себе он вернулся лишь на следующее утро, и, точно заключив негласное соглашение, они с Сапфирой более не говорили о том, что произошло вчера: дальнейшие споры были бесполезны, и пока ни одна из сторон все равно уступать не желала, а кроме того, оба испытали такое облегчение, вновь оказавшись вместе, что рисковать своей дружбой им больше не хотелось.

Они как раз завтракали – Сапфира терзала здоровенный кусок говяжьего бедра, – когда прибежал Джарша. Как и в прошлый раз, он во все глаза уставился на Сапфиру, следя за каждым ее движением.

– Ну, что теперь? – спросил Эрагон, вытирая рот и думая, уж не понадобился ли он снова Совету Старейшин. После похорон они ни разу не напомнили о себе.

Джарша с трудом отвел глаза от Сапфиры, помолчал и наконец изрек:

– Тебя хотела бы видеть Насуада, господин мой. Она сказала, что будет ждать в кабинете отца.

«Господин мой!» Эрагон с трудом сдержал усмешку. Совсем еще недавно он сам с почтением обращался так к старшим! Он быстро спросил:

«Сапфира, ты уже поела?»

Она мгновенно отправила в пасть остаток мяса, громко хрустя мозговой костью, и сообщила:

«Все, я готова».

– Хорошо, Джарша, – сказал Эрагон, – ты можешь идти. Мы знаем дорогу.

Им понадобилось по крайней мере полчаса, чтобы добраться до покоев Аджихада. Все-таки этот город, поместившийся внутри горы, был невероятно велик. Как и прежде, дверь в кабинет тщательно охранялась, но теперь не двумя стражниками, а целым отрядом воинов в боевом облачении и с оружием – на тот случай, если возникнет хотя бы малейший намек на грозящую опасность. И Эрагон видел, что эти люди пожертвуют собственной жизнью, чтобы спасти свою юную предводительницу от любого покушения или нападения. Они наверняка узнали их с Сапфирой, но все же преградили им путь и позволили войти, только получив устное распоряжение Насуады.

Эрагон тут же заметил изменения в обстановке кабинета: на письменном столе стояла ваза с цветами. Мелкие пурпурные цветы не бросались в глаза, но наполняли воздух таким нежным и сладостным ароматом, что Эрагон сразу вспомнил о теплых летних днях, о только что сорванной малине, о скошенных полях, которые кажутся бронзовыми в лучах заката... Он с наслаждением вдыхал этот запах, отдавая должное Насуаде, которая одним штрихом сумела подчеркнуть свою индивидуальность, ничем не умалив память об отце.

Насуада, по-прежнему в трауре, сидела за просторным письменным столом. Когда Эрагон сел, а Сапфира примостилась с ним рядом, дочь Аджихада промолвила тоном, в котором не было ни дружелюбия, ни враждебности:

– Эрагон, – ее темные глаза смотрели твердо и холодно, – я немало времени посвятила разбору того положения, в котором мы оказались, и пришла к весьма неутешительным выводам. Мы, вардены, слишком бедны и слишком разобщены между собой; у нас практически нет своих источников питания; и к нам крайне редко присоединяются жители Империи. Я намерена все это изменить.

Гномы более не могут содержать нас: в этом году они собрали плохой урожай, а также многих воинов потеряли во время последнего сражения. А потому я решила перенести лагерь варденов в Сурду. Я знаю, многим будет трудно согласиться с моим предложением, но я считаю, что сделать это необходимо – прежде всего, чтобы сохранить людей. К тому же в Сурде мы наконец окажемся в непосредственной близости от границ Империи, войну с которой я намерена вскоре продолжить.

Сапфира, не сдержав удивления, выгнула шею. А Эрагон был просто потрясен. «Представь только, – мысленно сказал он ей, – каких это потребует усилий! Ведь потребуются не один месяц только для того, чтобы доставить в Сурду имущество варденов, не говоря уж о людях. А если на них нападут в пути? Ведь это вполне возможно!» Вслух же он сказал лишь:

– По-моему, король Оррин раньше не осмеливался открыто противостоять Гальбаториксу.

Насуада мрачно улыбнулась:

– Его настроение переменялось с тех пор, как мы победили ургалов. Он готов дать нам приют и снабжать нас продовольствием. Он также выразил желание сражаться на нашей стороне. Кстати, многих варденов мы уже переправили в Сурду – в основном женщин и детей, конечно, которые не могут или не хотят сражаться. Но и они, разумеется, будут нас поддерживать, иначе я лишу их права называться варденами.

– Но как же, – спросил Эрагон, – тебе удалось так быстро связаться с королем Оррином?

– У гномов в тоннелях есть особая сигнальная система; с помощью зеркал и фонарей они могут меньше чем за день переслать весть отсюда к западным границам Беорских гор. А уж потом гонцам остается лишь доставить ее в Аберон, столицу Сурды. Впрочем, и этот способ может оказаться недостаточно быстрым, если Гальбаторикс сумеет настолько внезапно наслать на нас армию ургалов, что мы заметим ее лишь на расстоянии нескольких часов ходу от Фартхен Дура. Я намерена установить иную связь между колдунами из Дю Врангр Гага и магами Хротгара, прежде чем мы отсюда уйдем. – Насуада вытащила из стола довольно увесистый свиток и положила его рядом с собой. – Итак, через месяц вардены покинут Фартхен Дур. Хротгар согласился обеспечить нам безопасный переход по своим тоннелям. Более того, он послал вооруженный отряд в Ортхиад, чтобы уничтожить остатки ургалов и запечатать тамошние тоннели, чтобы оттуда гномам больше пока никто не смог бы угрожать. Но, поскольку этого, видимо, будет все же недостаточно, чтобы гарантировать безопасный переход варденов, я хочу попросить тебя оказать мне одну услугу.

Эрагон кивнул. Он ожидал подобной просьбы или даже приказания. Собственно, только по этой причине Насуада и могла вызвать их к себе.

– Я в твоём полном распоряжении.

– Хорошо. – Она мельком глянула на Сапфиру. – Но это не приказ, и я бы хотела, чтобы вы сперва хорошенько подумали. Мне кажется, чтобы обеспечить варденам помощь со стороны жителей Империи, было бы неплохо, если б повсюду разнеслась весть о том, что к варденам присоединились новый Всадник по имени Эрагон, Губитель Шейдов вместе со своим драконом. Но мне, разумеется, нужно ваше согласие на подобные действия.

«Это слишком опасно», – тут же услышал Эрагон голос Сапфиры.

«Но ведь Империи так или иначе скоро станет известно о нашем присутствии в Фартхен Дуре, – возразил Эрагон. – Вардены, конечно же, не станут молчать о своей победе и о гибели Дурзы. А потому нам, наверное, все же следует помочь Насуаде».

Сапфира негромко фыркнула:

«Меня беспокоит возможная реакция Гальбаторикса. Ведь до сих пор мы открыто не заявляли, на чьей стороне наши пристрастия».

«Зато об этом достаточно ясно свидетельствовали наши действия!»

«Это так, и все-таки Дурза, даже сражаясь с тобой в Тронжхайме, не пытался тебя убить! А если о нас повсюду будут говорить, как о врагах Империи, в следующий раз Гальбаторикс, я думаю, не проявит подобного милосердия. Кто знает, на какие еще заговоры он способен? Какие еще силы имеет в своем распоряжении и сможет пустить в ход, пытаясь завладеть нами? Ведь пока наше положение оставалось довольно двусмысленным, он нас убить не решался».

«Увы, время двусмысленностей миновало, – возразил Эрагон. – Мы сражались с ургалами, убили Дурзу, и я принес клятву верности предводительнице варденов. По-моему, теперь всем все ясно. Нет, мне кажется, нам нужно дать согласие на предложение Насуады».

Сапфира довольно долго молчала, потом качнула головой:

«Как хочешь».

Эрагон благодарно погладил ее по плечу и повернулся к Насуаде.

– Поступай, как считаешь нужным. Если для нас в данный момент это наилучший способ помочь варденам, значит, так тому и быть.

– Благодарю вас. Я понимаю, что просьба моя была чрезмерна. Итак, вардены отсюда уходят, а вам, как мы и говорили до похорон, надлежит отправиться в Эллесмеру и завершить свое обучение.

– Вместе с Арьей?

– Разумеется. Эльфы отказались от общения с нами – и с людьми, и с гномами – после пленения Арьи, так что она одна только и сможет убедить их восстановить прежние отношения между нами.

– Но разве она не могла воспользоваться магией, чтобы сообщить им о своем спасении?

– К сожалению, нет. Когда после падения Всадников эльфы скрылись в лесах Дю Вельденвардена, ими всюду были выставлены сторожевые посты, препятствующие проникновению туда любой мысли, любой вещи и любого существа, перемещаемых с помощью магии; впрочем, они не препятствуют тем, кто выходит из леса, – во всяком случае, так я поняла из объяснений Арьи. Короче говоря, Арья должна собственной персоной явиться в Дю Вельденварден, прежде чем королеве Имиладрис сообщат, что она жива, а вы с Сапфирой действительно существуете, и расскажут о тех событиях, что произошли в лагере варденов в последние месяцы. – Насуада протянула Эрагону свиток, запечатанный восковой печатью. – Это мое послание королеве Имиладрис; я подробно изложила ей свои планы и ту ситуацию, что у нас сложилась. Ты должен сохранить мое письмо даже ценой собственной жизни, ибо оно может стать причиной страшных бед, если окажется не в тех руках. Я надеюсь, что после всего случившегося Имиладрис отнесется к нам достаточно милостиво и восстановит существовавшие между нами прежде дипломатические отношения. От ее помощи вполне может зависеть наша победа, либо наше поражение. Арья, отлично понимая это, согласилась замолвить за нас слово, но я хочу, чтобы и ты в данной ситуации постарался использовать любую возможность, чтобы помочь нам.

Эрагон спрятал свиток за пазуху и спросил:

– Когда нам отправляться?

– Завтра утром. Если, конечно, у тебя на завтра нет иных планов.

– Нет.

– Это хорошо. – Насуада нервно стиснула пальцы. – Да, вот еще что: с вами отправится один из гномов. Король Хротгар настоял на том, чтобы в интересах справедливости во время твоего обучения у эльфов присутствовал и кто-то из его подданных. Так что он посылает с вами Орика.

Сперва Эрагон почувствовал страшное раздражение, Сапфира могла бы отнести его и Арью на спине до самых границ Дю Вельденвардена, избавив их от нескольких недель утоми-

тельного пути. Но трое – ноша для нее слишком тяжелая. А значит, присутствие Орика вынудит их идти по земле.

Но, немного подумав, Эрагон признал разумность просьбы Хротгара. Да и для самих Эрагона и Сапфиры важно было сохранить хотя бы видимость равного отношения к людям, гномам и эльфам. Он улыбнулся:

– Ладно, хотя это и замедлит наше продвижение на север, но я готов простить Хротгара. А если честно, то я даже рад, что с нами пойдет Орик. Все-таки страшновато отправляться через всю Алагейзию в компании одной лишь Арьи. Она ведь совсем...

Насуада тоже улыбнулась:

– Она совсем другая.

– Вот именно! – Эрагон снова посерьезнел. – Скажи, ты действительно собираешься вскоре напасть на Гальбаторикса? Ты ведь сама только что сказала, что вардены ослаблены. Мне кажется, сейчас это было бы довольно опрометчиво. Если мы немного подождем...

– Если мы немного подождем, – резко оборвала она его, – то Гальбаторикс снова соберется с силами, а может, станет и еще сильнее. Ведь только сейчас – впервые с тех пор, как был убит Морзан, – у нас появилась хоть какая-то надежда застигнуть его врасплох! Он никак не думал, что нам удастся разгромить его армию ургалов – что нам удалось только благодаря вам с Сапфирой! – и он не подготовил Империю к возможному вторжению неприятеля.

«Вторжение, ха! – услышал Эрагон насмешливый голос Сапфиры. – Интересно, как она собирается убить Гальбаторикса, когда он вылетит на своем драконе и с помощью магии попросту сотрет войско варденов с лица земли?»

Эрагон пересказал Насуаде сомнения Сапфиры.

– Судя по тому, что нам сейчас о нем известно, – возразила Насуада, – он не станет сражаться до тех пор, пока сам Урубаен не окажется под угрозой. Пока мы не подберемся к логову Гальбаторикса, он, по-моему, и пальцем не пошевелит, даже если мы уничтожим половину его Империи. Да и с какой стати ему беспокоиться? К тому времени, как нам удастся до него добраться – если вообще удастся, конечно, – наши войска будут настолько обескровлены, что он с легкостью нас уничтожит.

– Но ты так и не ответила на вопрос Сапфиры! – запротестовал Эрагон.

– А я и не могу пока на него ответить. Эта военная операция требует длительной подготовки. Возможно, ты сам в итоге обретишь достаточно сил, чтобы победить Гальбаторикса; возможно, к нам присоединятся эльфы... Между прочим, их маги – самые могущественные в Алагейзии! Неважно, что именно произойдет впоследствии, но сейчас мы не имеем права откладывать начало решительных действий. Мы должны вступить в эту рискованную игру и попытаться сделать то, чего от нас никто не ожидает: выиграть! Слишком долго вардены оставались в тени; пора либо бросить вызов Гальбаториксу, либо покорно склонить перед ним голову.

Грандиозность предлагаемых Насуадой планов встревожила Эрагона. Эти планы таили слишком много риска и неведомых опасностей и казались ему почти безрассудством. И все же решающее слово в данном случае оставалось не за ним. И он не собирался оспаривать принятое Насуадой решение.

«Пока что нам придется довериться ей», – мысленно сказал он Сапфире.

– А как же ты, Насуада? – спросил Эрагон. – Будешь ли ты в безопасности, когда нас здесь не будет? Я должен об этом думать, ибо теперь в мои обязанности входит и забота о том, чтобы в ближайшее время нам не пришлось хоронить и тебя.

Она слегка напряглась, потом небрежно махнула рукой и сказала спокойно:

– Не стоит за меня бояться. Я хорошо защищена. – Она помолчала, глядя в пол, и призналась: – Знаешь, одна из причин моего желания отправиться в Сурду в том, что Оррин давно меня знает, а потому обеспечит мою защиту. Я и правда не смогу спокойно дожидаться здесь

вас с Арьей, пока еще в силе Совет Старейшин. Они ни за что не признают моей власти, если только я не докажу им, что вардены подчиняются не им, а именно мне!

И Насуада, точно в поисках источника некоей внутренней силы, углубилась в себя, сразу став далекой и неприступной. Затем, расправив плечи и гордо подняв подбородок, она сказала Эрагону:

– А теперь ступайте. Готовь своего коня, Эрагон, и собирайся в дорогу. На заре вы должны быть у северных ворот.

Эрагон почтительно поклонился ей и вместе с Сапфирой покинул кабинет юной предводительницы варденов.

После обеда Эрагон и Сапфира решили в последний раз полетать над городом-горой. Вылетев из Тронжхайма, они долго парили над городом, затем покружили над Фартхен Дуром, заходя с разных сторон и оставляя за собой длинный белый след пара из ноздрей Сапфиры. Оказалось, что еще довольно светло, хотя внутри горы уже почти наступила ночь.

Эрагон откинул назад голову, с наслаждением подставляя лицо свежему ветру. Он соскучился по ветру, который шуршит в траве и приносит дождевые облака, делая все на земле свежим и немного взъерошенным, точно после купания. Он соскучился даже по бурям и грозам, да и по деревьям он тоже соскучился. Фартхен Дур, думал он, место совершенно невероятное, но там нет ни растений, ни животных – точно в той прекрасной каменной гробнице, где покоится Аджихад.

Сапфира была полностью с ним согласна. «Гномы, похоже, думают, что самоцветы заменяют цветы!» – фыркнула она и надолго умолкла. Лишь когда стало совсем темно, она сказала:

«Поздно уже. Пора возвращаться».

«Хорошо», – согласился Эрагон; он уже почти ничего не видел вокруг.

Сапфира поплыла к земле большими ленивыми кругами, опускаясь все ниже и ниже. Тронжхайм сиял, точно маяк, в самом сердце огромной горы, хотя они были еще довольно далеко оттуда. Вдруг Сапфира мотнула головой и сказала:

«Смотри!»

Эрагон попытался проследить за ее взглядом, но видел перед собой лишь серую мглу.

«Что там?» – спросил он.

Вместо ответа Сапфира сложила крылья и скользнула куда-то влево, на одну из четырех дорог, выходящих из Тронжхейма точно на север, юг, запад и восток. Лишь когда они опустились на землю, Эрагон заметил поблизости на небольшом холме необычный белый столб. Столб этот странным образом изгибался в сумерках, точно оплывшая свеча, а потом вдруг превратился в Анжелу, одетую в рубаху из светлой шерсти.

В руках у ведьмы была огромная плетеная корзина, полная каких-то невиданных грибов; Эрагон даже названий этих грибов не знал. Когда Анжела подошла поближе, он спросил:

– Ты что, поганки собираешь?

– А, это вы! – улыбнулась Анжела, ставя корзину на землю. – Вечер добрый! Только «поганки» – понятие слишком общее. Да и вообще, у каждого из них свое название. – Она протянула ему на ладони несколько грибов. – Это вот желтый рогатик, а это – чернильный гриб. Смотри, это гриб-пупок, а вон тот называется «шит гнома»; еще вот «жесткая подошва» и «красное кольцо». Ну, а это пятнистый обманщик. Прелесть, правда? – Она по очереди показывала ему каждый гриб. «Пятнистым обманщиком» назывался гриб с розовыми, лиловыми и желтыми пятнышками на шляпке.

– А это что такое? – спросил Эрагон, указывая на гриб с ярко-синей ножкой, огненно-рыжей бахромой и блестящей двухъярусной шляпкой.

Анжела любовно посмотрела на гриб и сказала:

– Фрикаи Андлат, как его называют эльфы. «Дружок смерти». Если съесть хоть крошечный кусочек его ножки, мгновенно умрешь, зато шляпка способна исцелить от большей части ядов. Это из него делают нектар Тюнивора. Фрикаи Андлат растет только в пещерах Дю Вельденвардена и Фартхен Дура, но здесь его грибница скоро погибнет, если гномы не перестанут повсюду раскидывать свое дерьмо.

Эрагон оглянулся и понял, что они стоят на огромной куче навоза.

– Привет, Сапфира, – сказала Анжела, подойдя к драконихе и ласково потрепав ее по морде.

Сапфира от удивления даже глазами захлопала, но вид у нее был довольный, и она виляла хвостом, как собака. Вдруг из темноты, как всегда неслышно, вынырнул кот Солебум с пойманной крысой в зубах. Слегка поведя усами в качестве приветствия, волшебный кот устроился неподалеку и принялся ужинать, старательно игнорируя всех остальных.

– Значит, – сказала Анжела, засовывая за ухо непослушную прядь вьющихся волос, – вы отправляетесь в Эллесмеру?

Эрагон кивнул. Он даже спрашивать не стал, как она об этом узнала; она, похоже, всегда все и обо всем знала. Поскольку он продолжал молчать, Анжела проворчала:

– Ну ладно, хватит тебе! Не будь таким занудой. Это же все-таки не допрос под пыткой! (Эрагон невольно улыбнулся.) Вот-вот, улыбнись наконец! Ты должен радоваться, что это не казнь и не допрос! А то ишь, обмяк, точно та крыса, которую Солебум поймал. Да-да, обмяк! Какое выразительное слово, тебе не кажется?

Эрагон не выдержал и рассмеялся; Сапфира тоже довольно фыркнула, и глубоко в горле у нее что-то заклокотало.

– Я не уверен, что этим словом стоит так уж особенно восхищаться, – сказал Эрагон, – но я отлично понял, что ты имела в виду.

– Ну, и хорошо, что понял. Понимание – вещь хорошая. – Изогнув брови дугой, Анжела своим кривым ногтем поддела шляпку гриба и перевернула ее, изучая бахрому на ножке и пластинки на внутренней стороне шляпки. Потом сказала: – Между прочим, это чистая случайность, что мы сегодня встретились, поскольку ты собираешься уезжать, а я... буду сопровождать варденов в Сурду. Я ведь тебе говорила, что люблю находиться там, где что-то происходит, а Сурда станет как раз таким местом.

Эрагон снова улыбнулся.

– Но это значит, – сказал он, – что наше путешествие в Эллесмеру будет совершенно безопасным, иначе ты, наверное, отправилась бы с нами.

Анжела пожала плечами и вдруг посерьезнела.

– Будь осторожен в Дю Вельденвардене, Эрагон. Мнение о том, что эльфы загадочны и непостижимы, отнюдь не означает, что они не подвержены гневу и страстям, как и мы, смертные. Однако их чувства делает особенно опасными то, что они очень умело их скрывают – порой годами.

– Так ты бывала в Эллесмере?

– Давным-давно.

Помолчали. Потом Эрагон спросил:

– А что ты думаешь насчет планов Насуады?

– Хм... Она приговорена! И ты приговорен! Все они приговорены! – Анжела вдруг захихикала, согнувшись пополам, точно старая карга; потом вдруг резко выпрямилась и сказала вполне серьезно: – Заметь, я не уточнила, что это за приговор и кто его вынес, а значит, что бы ни случилось, я окажусь права в своих предсказаниях! Вот до чего я умна! – Она снова хихикнула, подхватила свою корзину и пристроила ее на бедро. – По всей видимости, некоторое время мы с тобой наверняка не увидимся, так что прощай. Желаю тебе удачи, но на всякий случай избегай жареной капусты, не ешь ушной серы и всегда старайся отыскать в жизни свет-

лую сторону! – И, весело подмигнув Эрагону, колдунья поспешила прочь, а он так и остался стоять, недоуменно хлопая глазами.

Выждав немного для приличия, Солебум подхватил остатки своего пиршества и последовал за Анжелой, держась по-прежнему в высшей степени достойно.

Дар Хротгара

Примерно через полчаса после наступления рассвета Эрагон и Сапфира прибыли к северным воротам Тронжхайма. Ворота приподняли ровно настолько, чтобы Сапфира могла под ними пролезть, и они, поднырнув под ворота, стали ждать, разглядывая высокие колонны из красной яшмы и оскаленные морды каменных чудовищ, что стояли и сидели между колоннами.

Над воротами виднелись два золотых грифона футов в тридцать высотой. Точно такие же пары грифонов охраняли и другие ворота Тронжхайма.

Эрагон держал под уздцы Сноуфайра с тщательно расчесанной гривой, вычищенного, заново подкованного и оседланного; седельные сумки кто-то заботливо наполнил припасами. Сноуфайр нетерпеливо бил копытом: уже больше недели Эрагон на него не садился.

Вскоре показался Орик с огромным заплечным мешком на спине и каким-то свертком в руках.

– Ты без лошади? – несколько удивился Эрагон и подумал: «Неужели мы потащимся в такую даль пешком?»

– Мы остановимся в Тарнаге, – проворчал Орик, – это недалеко отсюда, на севере, и оттуда на плотах сплавимся по реке Аз Рагни до Хедарта. Хедарт – форпост нашей торговли с эльфами. Так что лошади нам, в общем, не понадобятся; до Хедарта я и на своих двоих доберусь.

Орик опустил сверток на землю, и тот как-то странно звякнул. В свертке оказались боевые доспехи Эрагона. Щит заново покрасили – так что дуб опять был точно посередине, – удалили и заделали все царапины и щербины. Длинная металлическая кольчуга, начищенная до блеска и смазанная, так и сверкала. На спине не осталось и следа от удара меча, нанесенного Дурзой. Шлем, перчатки, наручи, наголенники – все было приведено в полный порядок.

– Это заслуга наших лучших мастеров, – сказал Орик. – Над твоими доспехами, Сапфира, они тоже поработали. Однако драконьи доспехи мы с собой прихватить не можем; вардены сохранят их до нашего возвращения.

«Поблаговари его от моего имени, пожалуйста», – сказала Эрагону Сапфира.

Эрагон выполнил ее просьбу, потом надел наручи и наголенники, а остальные доспехи спрятал в седельную сумку. Протянув руку за шлемом, он обнаружил, что Орик взял его и вертит в руках.

– Ты не спеши надевать этот шлем, Эрагон, – сказал он. – Сперва ты должен сделать свой выбор.

– Какой выбор?

Орик поднял полированную стрелку шлема, которая, как оказалось, была опущена, и Эрагон увидел выгравированные на стальной пластине молот и звезды – знак Дома Хротгара, к которому принадлежал и Орик: Дургримст Ингеитум. Орик нахмурился; казалось, он одновременно доволен и чем-то встревожен. Голос его звучал весьма торжественно, когда он сказал:

– Этот шлем – дар моего короля Хротгара. Он просил меня передать тебе заверения в своих дружеских чувствах, которые предлагает также скрепить твоим вступлением в Дургримст Ингеитум, ежели, конечно, ты выразишь такое желание и станешь членом нашей большой семьи.

Пораженный столь великодушным жестом Хротгара, Эрагон молча смотрел на шлем.

«Но не означает ли это, что отныне мне придется подчиняться его воле? – думал он. – Если я буду чуть ли не каждый день давать клятвы верности, становясь вассалом очередного правителя, то вскоре мне наверняка не сносить головы, ибо трудно будет жить, не нарушая ни одной клятвы!»

«Тебе вовсе не обязательно надевать этот шлем», – заметила Сапфира.

«Вот как? Но ведь для Хротгара это станет смертельным оскорблением! Кажется, мы с тобой в очередной раз угодили в ловушку».

«А что, если это просто знак уважения, а вовсе не ловушка? – предположила Сапфира. – Может, он хотел еще раз поблагодарить нас за мое намерение восстановить Исидар Митрим».

Это Эрагону даже в голову не пришло; он все пытался сообразить, на какие преимущества рассчитывает король гномов, если сумеет обрести над ними власть.

«Наверное, ты права... И все-таки мне кажется, что Хротгар пытается как-то изменить то равновесие сил, которое сложилось, когда я принес клятву верности Насуаде. Гномы вряд ли были довольны подобным поворотом событий».

Эрагон оглянулся на Орика, который с волнением ждал его ответа, и спросил:

– Часто ли такое бывало прежде? – спросил он его.

– Ты хочешь знать, делали ли мы такое предложение человеку? Никогда! Хротгар целые сутки подряд спорил с членами клана Ингеитум, прежде чем они согласились принять тебя в свои ряды. Если ты согласишься носить наш герб, то обретешь те же права, что и любой из нас: сможешь присутствовать на наших собраниях, высказывать свое мнение по любому вопросу... Но самое главное, – голос Орика зазвучал совсем мрачно и очень торжественно, – ты будешь иметь право быть похороненным вместе с нашими мертвыми, если, конечно, захочешь этого сам.

Зная, как много это значит для гномов, Эрагон снова крепко задумался. Более высокой чести Хротгар просто не мог ему предложить. И он решил: быстро взял шлем у Орика из рук и водрузил себе на голову.

– Передай королю Хротгару, что я сочту за счастье присоединиться к славному роду Ингеитум. Для меня это огромная честь.

Орик одобрительно кивнул и сказал:

– Тогда возьми вот этот Кнурлнин, а по-вашему «Каменное Сердце», и крепко держи его в обеих руках. Теперь ты должен сам сделать надрез у себя на запястье и оросить священный камень своей кровью. Несколько капель вполне достаточно. Повторяй за мной: Ос ил дом кирану карн дур тарген, цайтмен, оэн гримст вор формв эдарис рак скилфс. Нархо из белгонд... – Это была самая длинная часть ритуала, ибо Орик то и дело останавливался, чтобы перевести Эрагону ту фразу, которую тому надлежало повторить.

В завершение ритуала Эрагон быстро произнес заклятие, чтобы затянулась ранка на запястье, а Орик заметил:

– Что бы там ни считали представители других наших Домов, но ты вел себя достойно и проявил к нам должное уважение. Пусть они помнят об этом. – Он усмехнулся. – Ну что ж, теперь мы с тобой почти что родственники. Ты, можно сказать, стал моим сводным братом! Если бы обстоятельства сложились более благоприятно, Хротгар непременно сам преподнес бы тебе этот шлем во время торжественной церемонии по поводу твоего вступления в Дургримст Ингеитум, но события меняются слишком быстро. Но не сомневайся: все должные почести будут тебе оказаны! И твое присоединение к нашему клану мы отпразднуем с соблюдением всех необходимых ритуалов, когда вы с Сапфирой вернетесь в Фартхен Дур. Мы устроим грандиозный пир, а тебе придется подписать множество различных документов, закрепляя свой новый статус.

– Я буду с нетерпением ждать этого дня, – сказал Эрагон, думая о том, что именно сулит ему теперь принадлежность к Дургримст Ингеитум.

Завершив возложенную на него ответственную миссию, Орик сел, опершись спиной о колонну, и принялся вертеть в руках свой боевой топор, но уже через несколько минут гневно глянув на Тронжхайм, проворчал:

– Барзул кнурлар! Где же они? Арья обещала прийти вовремя. Ха! Эти эльфы вечно опаздывают; у них очень странные представления о времени.

– А ты часто с ними дело имел? – спросил Эрагон, присаживаясь на корточки.

Сапфира с интересом наблюдала за ними.

Орик рассмеялся:

– Да нет, только с Арьей иногда, она ведь часто уезжала из Фартхен Дура. За семьдесят лет общения с ней я лишь одно понял как следует: эльфа нельзя торопить.

Это все равно что молотом тонкую проволочку ковать – поторопишься и сломаешь ее так, что уж никогда не починишь.

– А гномов тоже торопить не стоит?

– Пожалуй. Камень и сам с места сдвинется, если достаточно времени пройдет. – Орик вздохнул и покачал головой. – Среди здешних народов эльфы меняются медленнее всех – какими были, такими и остались. Между прочим, именно поэтому мне в Дю Вельденварден не очень-то и хочется.

– Но мы-то с Сапфирой должны встретиться с королевой Имиладрис. И Эллесмеру увидеть. А там кто знает... Скажи лучше, когда в последний раз гнома приглашали в Дю Вельденварден?

Орик хмуро на него глянул:

– Это все чисто внешние уловки! Они ничего не значат. А вот перед Тронжхаймом и другими нашими городами стоит множество неотложных задач, однако же я должен тащиться через всю Алагейзию, чтобы обмениваться любезностями с эльфами и погибать от скуки в Эллесмере, пока тебя там будут учить. Да я там окончательно растолстею – ведь твое обучение может растянуться на несколько лет!

«Несколько лет! – мысленно повторил Эрагон. – Ну что ж, если это необходимо, чтобы победить шейдов и раззаков, я готов».

Сапфира тут же откликнулась:

«Сомневаюсь, чтобы Насуада позволила нам оставаться в Эллесмере дольше нескольких месяцев. Судя по тому, что она нам сказала, мы ей очень скоро понадобятся».

– Ну, наконец-то! – воскликнул Орик, рывком поднимаясь с земли.

К ним приближалась Насуада. Ее легкие туфельки так и мелькали из-под платья, точно мышки, не решающиеся вылезти из норки. Джормундур и Арья с таким же, как у Орика, заплечным мешком следовали за нею. Арья была в тех же черных кожаных доспехах, в каких Эрагон впервые увидел ее, и опоясана мечом в черных кожаных ножнах.

Эрагон вдруг подумал, что Арья и Насуада могут не одобрить его вступления в Дургримст Ингеитум. Тревога и чувство собственной вины охватили его душу; он понял, что сперва следовало все-таки посоветоваться с Насуадой. И с Арьей! Ему стало жарко: он еще помнил, как рассердилась Арья после его первой встречи с членами Совета Старейшин.

А потому, когда Насуада остановилась перед ним, он не смог смотреть ей в глаза. Однако она сказала спокойно:

– Значит, ты согласился.

Эрагон кивнул, по-прежнему не поднимая глаз.

– Я все думала, согласишься ли ты, – продолжала Насуада. – Что ж, теперь все три народа имеют на тебя право – как это и было с Всадниками прежде. Гномы могут требовать твоего содействия, поскольку ты вступил в Дургримст Ингеитум; эльфы станут твоими учителями –

их влияние на тебя окажется, возможно, наиболее сильным, ибо ваша с Сапфирой тесная связь в основе своей имеет эльфийскую магию; мне ты также принес клятву верности, а я – человек. Возможно, впрочем, это даже хорошо, что все мы имеем право на твою верность... – Она посмотрела Эрагону прямо в глаза, как-то странно улыбнулась, сунула ему в руку небольшой кошель с золотыми монетами и отступила в сторону.

Джормундур дружески пожал ему руку и сказал:

– Легкой тебе дороги, Эрагон. Береги себя!

– Идем, – сказала Арья, темной тенью скользнув мимо них. – Пора. Утренняя звезда уже зашла, а путь у нас неблизкий.

– Давно пора! – поддержал ее Орик, вытаскивая из мешка красный фонарь, созданный мастерством и магией гномов.

Насуада еще раз оглядела всех, явно осталась довольна и сказала напоследок:

– Ну что ж, Эрагон и Сапфира... Все вардены передавали вам свои самые добрые напутствия; примите же и мое благословение. Пусть безопасным и легким будет ваш путь! Но помните: мы возлагаем на вас самые сокровенные свои надежды и ожидания. Не обманите же их и с честью выполните свою задачу.

– Мы будем стараться изо всех сил! – пообещал Эрагон.

Взяв Сноуфайра под уздцы, он двинулся следом за Арьей, уже успевшей уйти немного вперед. За ним шел Орик; Сапфира замыкала процессию. Эрагон успел заметить, что, проходя мимо Насуады, дракониха помедлила и легонько лизнула девушку в щеку.

Они шли на север, и ворота Тронжхайма у них за спиной становились все меньше, пока не стали похожи на светлую полосу, на фоне которой виднелись два крошечных силуэта: Насуада и Джормундур по-прежнему глядели им вслед.

Наконец они добрались до подножия Фартхен Дур. Гигантские двери – футов в тридцать высотой – были уже предусмотрительно распахнуты. Трое гномов-стражников с поклоном дали им пройти. Тоннель, начинавшийся за этими дверями, вполне соответствовал их величине. Его передняя часть шагов на полсотни была украшена резными колоннами и светильниками, дальше стены становились гладкими, точно в гробнице, и стояла такая же тишина.

Тоннель очень напоминал западный вход в Фартхен Дур, но Эрагон знал, что это не так. Казалось, этот тоннель вообще не имеет выхода наружу – он уходил все глубже и глубже под землю и покрывал довольно большое расстояние до столицы гномов Тарнага.

Орик и Арья, едва переступив порог тоннеля, решительно зашагали вперед, а Эрагон испытывал мучительную неуверенность. Он, разумеется, не боялся темноты, но и удовольствия особого не испытывал, будучи со всех сторон окруженным вечной тьмой и каменными стенами. Войдя в этот пустынный бесконечный коридор, он как бы снова оказался во власти неведомого. Позади, в лагере варденов, осталось то немногое, к чему уже успел привыкнуть; грядущее же сулило ему лишь нечто весьма неопределенное.

«В чем дело?» – спросила у него встревоженная Сапфира. Эрагон не ответил и, глубоко вздохнув, решительно двинулся дальше, все глубже погружаясь в подземное чрево гор.

ЩИПЦЫ И МОЛОТ

Через три дня после появления в Карвахолле раззаков Роран понял, что просто не находит себе места. Он бродил вокруг своей стоянки, почти не присаживаясь, но разглядеть отсюда, что творится в деревне, было невозможно, и он не имел оттуда никаких вестей с тех пор, как к нему приходил Олбрих. Роран сердито посматривал на раскинувшиеся у дороги палатки солдат.

В полдень Роран заставил себя немного поесть всухомятку. Вытирая рот тыльной стороной ладони, он вдруг подумал: сколько же времени раззаки намерены ждать? Что ж, еще неизвестно, у кого из них больше терпения; он, во всяком случае, сдаваться не собирался.

Чтобы убить время, Роран упражнялся в стрельбе из лука, выбрав в качестве мишени ствол гнилого дерева. Он стрелял до тех пор, пока одна из стрел не разлетелась вдребезги, ударившись о камень, спрятавшийся под корой. После этого ничего другого не оставалось – только ходить туда-сюда по уже натоптанной тропинке от валуна на краю обрыва до того места, где он устроил себе убежище.

Вдруг в лесу чуть ниже его тропы, слышались шаги. Схватив лук, Роран спрятался и стал ждать. Но вскоре вздохнул с огромным облегчением, увидев Балдора, и радостно замахал ему рукой.

– Почему же столько времени никто не приходил? – немного обиженно спросил он.

– Так мы из деревни выйти не могли, – сказал Балдор, усаживаясь и вытирая пот со лба. – Солдаты просто глаз с нас не спускали. Едва подвернулась возможность удрать от них, я сразу к тебе и пошел. Хотя, если честно, я ненадолго. – Он опасливо глянул на сумрачную гору, нависавшую над ними, и вздохнул. – И как только у тебя смелости хватает тут жить! Я бы давно сбежал. Тебя тут, случайно, волки, медведи или пумы не беспокоят?

– Да нет, все нормально. А эти солдаты ни о чем таком не болтают?

– Один вчера вечером хвастался у Морна, что, мол, их отряд специально выбрали, уж больно дело им поручено тонкое. (Роран нахмурился.) Хотя ведут они себя не особенно осторожно. Каждый день двое или трое в стельку напиваются, а в самый первый день сразу несколько человек так «накушались», что чуть всю харчевню не разнесли. Бедняга МORN!

– Они хоть заплатили ему за это?

– Да ты что? Конечно нет!

Роран, не отрывая взгляда от деревни, задумчиво сказал:

– Знаешь, все-таки трудно поверить, что Империя послала в такую даль специальный отряд только для того, чтобы меня схватить. Что я им? Или, может, им кажется, что я что-то важное знаю?

Балдор тоже посмотрел в сторону деревни.

– Сегодня раззаки допрашивали Катрину. Кто-то им сказал, что у вас с ней любовь, и они, естественно, очень интересовались, не знает ли она, куда ты подевался.

Роран с тревогой уставился на Балдора:

– Они с ней ничего не сделали? Не напугали?

– Ну, чтобы ее напугать, этих двоих маловато будет, – заверил его Балдор. И прибавил осторожно: – Может, тебе стоит подумать над тем, не сдать ли им?

– Да я скорее повешусь и их с собой прихвачу! – От возмущения Роран вскочил и снова забегал по тропинке. – И как только у тебя язык повернулся такое сказать! Ты ведь знаешь, какой муке они моего отца подвергли!

Балдор остановил его, схватив за руку и сказал:

– Ну, а если эти солдаты так никуда и не уйдут? Ты что, век тут будешь прятаться? Они ведь скоро догадаются, что мы им солгали и на самом деле ты где-то скрываешься. Такого Империя не прощает.

Роран вырвал руку, резко повернулся, но потом, словно передумав, вдруг сел на землю. «А ведь если я не объявлюсь, – думал он, – раззакки обвинят первого попавшегося. А что, если попробовать увести их от Карвахолла?» Роран, правда, не считал себя достаточно умелым следопытом и не настолько хорошо знал эти леса, чтобы запросто уйти от трех десятков солдат. Вот Эрагон, наверное, смог бы... Однако, если ситуация не переменится, это будет единственной возможностью вывести деревню из-под удара.

Он посмотрел на Балдора.

– Я не хочу, чтобы из-за меня кто-нибудь пострадал, но все-таки пока подожду. Если же раззакки станут проявлять нетерпение и начнут кому-то угрожать, тогда... Ну, тогда я придумаю что-нибудь еще.

– Да куда ни кинь, все плохо складывается, – сокрушенно покачал головой Балдор.

– Ничего, я сдаваться не намерен!

Балдор вскоре ушел, и Роран остался наедине со своими мыслями, продолжая топтать все ту же тропу, словно втаптывая в нее тревогу и горестные мысли. Когда спустились холодные сырые сумерки, он снял башмаки – опасаясь, как бы совсем не развалились, – и продолжал ходить по тропе босиком.

Когда взошла почти уже полная луна и под ее сиянием ночная тьма несколько расступилась, Роран заметил в Карвахолле какое-то волнение. По деревне метался свет фонарей, выныривая то из-за одного, то из-за другого дома. Наконец желтые пятна света собрались на центральной площади Карвахолла, точно стайка светлячков, а потом в некотором беспорядке двинулись к околице деревни и остановились, наткнувшись на ровный ряд зажженных факелов.

Целых два часа Роран наблюдал за этим противостоянием – фонари беспомощно мигали и металась перед строем солдат, неподвижно стоявших с факелами в руках. Потом те и другие разошлись в разные стороны – по своим домам и палаткам.

Больше внизу ничего интересного не происходило; деревня и военный лагерь погрузились во тьму. И Роран тоже решил лечь спать.

Весь следующий день в Карвахолле царило необычайное оживление. Роран с удивлением наблюдал за тем, как между домами снуют люди. К удаленным фермам направилось несколько верховых, а в полдень он заметил, как двое деревенских вошли в лагерь, исчезли в палатке раззакков и пробыли там не менее часа.

Происходящее настолько захватило его, что он весь день почти не сходил с места.

К вечеру он решил все же поесть, очень надеясь, что Балдор сможет снова прийти к нему. И тот действительно появился.

– Есть хочешь? – спросил его Роран, указывая на миску с едой.

Балдор покачал головой и устало плюхнулся на землю. Под глазами у него пролегли темные круги, лицо казалось особенно бледным и совершенно измученным; видимо, он всю ночь не спал.

– Квимби умер, – сказал наконец Балдор.

Роран с грохотом выронил из рук миску и выругался. Стирая со штанины холодное рагу, он спросил:

– Как это произошло?

– Вчера вечером двое солдат начали приставать к Таре. (Тара была женой Морна.) Она, собственно, и не особенно возражала, но эти придурки взяли и подрались из-за того, кого она должна обслужить первым. А Квимби – он тоже был там, проверял бочонок, который, по словам Морна, стал протекать, – попытался их разнять. (Роран кивнул. Квимби вечно во все

вмешивался и старался всех заставить «вести себя пристойно».) Ну, и кончилось тем, что один из солдат кинул в него кувшином и попал прямо в висок. Ну, и убил на месте.

Роран тупо смотрел в землю, пытаясь взять себя в руки; отчего-то ему стало трудно дышать, словно Балдор изо всех сил ударил его под дых. Нет, этого просто быть не может! Квимби умер? Квимби, любивший в свободное от фермерства время варить пиво, был такой же неотъемлемой частью Карвахолла, как и окрестные горы; казалось, без него деревня попросту опустела бы.

– И что же будет тем, кто его убил? – спросил Роран.

Балдор только рукой махнул.

– Да ничего им не будет! Раззаки каким-то образом почти сразу сумели выкрасть тело Квимби из таверны и утащить к себе. Мы только к ночи это обнаружили и попытались вернуть тело, да только они с нами даже разговаривать не пожелали.

– Я видел.

Балдор сильно потер руками лицо и устало прибавил:

– Отец и Лоринг сегодня встречались с раззаками; им удалось убедить их отдать тело. Но тем солдатам все равно ничего не грозит. – Он помолчал. – Я уже уходил, когда из лагеря притащили мешок с телом Квимби. И знаешь, что было в мешке? Одни кости!

– Кости?

– Да! И дочиста обглоданные! Даже следы зубов разглядеть можно. А некоторые разгрызены – видно, кто-то костный мозг высасывал...

Отвращение и ужас перед судьбой несчастного Квимби охватили душу Рорана. Всем ведь известно, что не знать человеку после смерти покоя, пока тело его не погребено должным образом. Это был священный закон, и до сих пор никто не осмеливался так попирать его.

– Но кто, какой зверь обглодал кости несчастного Квимби? – спросил он, уже догадываясь, каков будет ответ.

– Не знаю, но солдаты, когда увидели, тоже в ужас пришли. Должно быть, это сами раззаки.

– Но почему? Зачем?

– По-моему, – тихо сказал Балдор, – раззаки вовсе не люди. Вблизи ведь их никто никогда не видел, и они, к тому же, всегда прикрывают лицо черным шарфом. Дыхание у них жутко зловонное, такого у людей не бывает; на спине что-то вроде горба, и разговаривают они друг с другом как-то странно – щелчками. Похоже, солдаты тоже боятся их не меньше нашего.

– Но если они не люди, то кто же они такие? – Роран словно размышлял вслух. – Они ведь и не ургалы.

– Кто их знает?

Рорану стало страшно; это был страх перед непонятным, неведомым, сверхъестественным. Он видел, что и Балдор испытывает примерно те же чувства. Несмотря на многочисленные истории о злодеяниях Гальбаторикса, Рорану не хотелось даже думать о том, что на этот раз зло, порожденное правителем Империи, пустило корни в их родном селении, что на этот раз они столкнулись с такими силами, о которых прежде говорилось лишь в сказках и легендах.

– С этим нужно что-то делать, – пробормотал он чуть слышно.

Ночью неожиданно потеплело, а к полудню долину Паланкар затянуло жарким дрожащим маревом поздней весны. Карвахолл казался удивительно мирным под ярко-синим небом, но Роран даже издали чувствовал то возмущение, что царило среди жителей деревни, заставляя их сжимать кулаки. Спокойствие казалось легкой простынкой, которую ветер вот-вот сорвет с веревки и унесет прочь.

Несмотря на то, что Роран все время чего-то ждал, день у него выдался на редкость скучным. Большую часть времени он занимался тем, что чистил кобылу Хорста и лишь к вечеру

прилегал отдохнуть, глядя на темные верхушки высоченных сосен, четко выделявшиеся на фоне звездного неба. Звезды казались такими близкими, что Роран словно летел сквозь них куда-то, в темную бездну...

Луна уже заходила, когда он проснулся, чувствуя, что горло саднит от дыма. Он закашлялся и, выбравшись из спального мешка, вскочил, пытаясь понять, что происходит, и без конца моргая, потому что глаза невыносимо жгло. Слезы так и текли по щекам, ядовитый дым не давал нормально дышать.

Роран, подхватив одеяла, быстро оседлал перепуганную кобылу и, пришпоривая, погнал ее выше в горы в надежде, что там воздух окажется более чистым. Но вскоре стало ясно, что и дым тоже поднимается вверх, и Роран, резко свернув в сторону, поехал через лес.

Несколько минут они петляли в темноте, то и дело меняя направление, наконец дым остался позади, а они вылетели на край утеса, где гулял ветерок. С наслаждением вдыхая свежий воздух, Роран всматривался в раскинувшуюся внизу долину в поисках источника дыма. И очень скоро его обнаружил.

Деревенский сарай, где обычно хранили сено, был объят пламенем; его содержимое уже превратилось в груды пепла. Рорану стало не по себе. Ему хотелось крикнуть, броситься на помощь тем, кто с ведрами в руках пытался залить пожар, но он не мог заставить себя покинуть это лесное убежище.

Вдруг пылающий клочок сена ветром отнесло к дому Дельвина. Тростниковая крыша мгновенно вспыхнула.

Роран проклинал все на свете, рвал на себе волосы, слезы ручьем текли у него по щекам. За неправильное обращение с огнем в Карвахолле всегда наказывали сурово. Вряд ли это несчастный случай. А может, пожар устроили солдаты Гальбаторикса? Что, если раззаки наказывают жителей деревни за то, что они скрывают его, Рорана? Что, если это он всему виной?

Следующим вспыхнул дом Фиска. Роран в ужасе отвернулся: он ненавидел себя за трусость.

К рассвету некоторые загоревшиеся дома сумели потушить, некоторые же догорели сами собой. Лишь простое везение и то, что ночь оказалась почти безветренной, спасло Карвахолл от полного уничтожения.

Роран смотрел вниз, пока не убедился, что пожары потушены. Лишь после этого он вернулся в свое убежище и ничком бросился на постель, чувствуя себя совершенно разбитым, и проспал с рассвета почти до самого вечера. На какое-то время окружающий мир перестал для него существовать; лишь тревожные, мучительные сны терзали его душу.

Вечером он с особым нетерпением ждал появления кого-нибудь из деревни. На этот раз пришел Олбрих, и даже в сумерках было видно, какое осунувшееся и мрачное у него лицо.

– Идем со мной, – сказал он.

Роран напрягся:

– Зачем?

«Неужели они решили меня выдать?» – засомневался Роран. Впрочем, если это он стал причиной пожара, точнее поджога, легко понять, почему жители деревни хотят, чтобы он ушел. Было бы неразумно ожидать, что все в Карвахолле готово ради него пожертвовать собой. Но это вовсе не означало, что он сам сдастся раззакам! После того, что эти чудовища сотворили с Квимби, он готов сражаться с ними не на жизнь, а на смерть, лишь бы не стать их пленником!

– Затем, – сурово отрезал Олбрих, на щеках его заиграли желваки. – Это ведь солдаты устроили пожар. Мать прогнала их из «Семи снопов», так они все равно напились – у них в лагере пива хоть залейся. А потом они зачем-то поперлись в деревню, и один из них случайно уронил факел прямо на сарай с сеном.

– Из деревенских кто-нибудь пострадал? – спросил Роран.

– Несколько человек получили ожоги. Но Гертруда вполне справилась. Мы пытались вступить с раззаками в переговоры, но им на нас плевать. Вряд ли Империя хоть как-то возместит ущерб, а виновные предстанут перед судом. Они отказались даже запретить своим солдатам пьяными шататься по деревне.

– Ну, и почему я должен вернуться?

Олбрих слегка усмехнулся:

– Чтобы поработать с молотом и щипцами. Нам нужна твоя помощь, чтобы... убрать отсюда раззаков.

– Неужели ради меня вы готовы пойти на такой риск?

– Не только ради тебя. Теперь это уже касается всех жителей деревни. Идем, поговоришь с отцом и с другими, послушаешь, что они думают на сей счет... Между прочим, я был уверен, что ты обрадуешься возможности выбраться из этих проклятых гор.

Но Роран не сразу согласился пойти вместе с Олбрихом. В конце концов он решил, что всегда сможет убежать и опять скрыться в горах. Он привел кобылу, привязал к седлу сумки с пожиткам, и они двинулись вниз, в долину.

Чем ближе они подходили к Карвахоллу, тем медленнее приходилось идти, пользуясь для прикрытия каждым деревом и кустом, прячась за бочками для дождевой воды. Сперва Олбрих проверял, есть ли кто на улице, и только потом махал рукой Рорану. Оба все время ожидали появления раззаков. Когда они добрались до кузницы, Олбрих открыл лишь одну створку широких двустворчатых дверей, только чтобы Роран с лошадьёю могли проскользнуть внутрь.

В кузне было темно; горела лишь одна-единственная свеча, и ее свет, дрожа, играл на лицах людей, собравшихся в кружок. Особенно выделялась пышная борода Хорста, казавшаяся целым светлым островом; рядом виднелись суровые лица Дельвина, Гедрика и Лоринга и более молодых – сыновей Хорста, сыновей Лоринга, Парра и сынишки покойного Квимби, Нолфавреля, которому исполнилось только тринадцать.

Все разом повернулись, когда вошел Роран, и посмотрели на него.

– А, значит, ты все-таки пришел? – сказал Хорст. – Ну что, ничего с тобой в Спайне не случилось?

– Да нет, мне повезло.

– Тогда продолжим разговор.

– Хотелось бы знать, о чем? – вздохнул Роран, привязывая кобылу к наковальне.

Ответил ему башмачник Лоринг; лицо старого мастера было покрыто сетью глубоких и мелких морщин.

– Мы пытались по-хорошему договориться с этими распроклятыми захватчиками! – Лоринг помолчал; в его худой груди слышался какой-то неприятный металлический свист. – Но они по-хорошему не хотят. Чуть всю деревню не сожгли, и хоть бы что им! – В горле у Лоринга заклокотало; он снова помолчал и медленно, но твердо проговорил: – Они... должны... отсюда... уйти, твари такие!

– Нет, – сказал Роран. – Не твари. Осквернители.

Лица односельчан еще больше помрачнели; головы закачались в знак одобрения, и Дельвин, подхватив нить разговора, сказал:

– Дело в том, что теперь на кон поставлена жизнь всей деревни. Если бы этот пожар, к примеру, остановить не удалось, погибли бы очень многие, а те, кому удалось бы спастись, потеряли бы почти все, что имели. В общем, мы тут посоветовались и решили изгнать раззаков из Карвахолла. Ты с нами?

Роран ответил не сразу:

– А что, если они пошлют за подкреплением? Или уйдут, а потом снова вернутся? Вряд ли мы сможем победить всю армию Гальбаторикса.

– Не сможем, – сказал Хорст мрачно, – но и молчать мы тоже больше не можем. Не можем позволять этим тварям убивать людей и уничтожать наше добро. Терпеть можно лишь до определенного предела, а потом приходится драться!

Старый Лоринг засмеялся, откинув назад голову и показывая пеньки стесанных зубов.

– Но сперва нам нужно укрепить оборону, – прошептал он, радостно сверкая глазами. – Нам не стоит нападать первыми. Мы еще заставим их пожалеть, что они вообще ступили своими вонючими ножищами на нашу землю!

Возмездие

Когда Роран дал свое согласие, Хорст принялся раздавать заступы, вилы, цепи – все, что можно было использовать в качестве оружия.

Роран взвесил на ладони кирку и отставил ее в сторону. Его никогда особенно не привлекали истории, которые рассказывал Бром, но одна из них, «Песнь о Геранде», каждый раз находила отклик в его сердце. Геранд был великим воином, который оставил свой меч ради семейного счастья и куска земли, но ни счастья, ни покоя так и не обрел, потому что завистливый лорд принялся травить его семью, и Геранду пришлось снова взяться за оружие. Только на этот раз воевал он не с мечом в руках, а обычным молотом.

Роран выбрал средних размеров молот с длинной ручкой, побросал его из руки в руку, подошел к Хорсту и спросил:

– Можно мне взять его?

Хорст глянул сперва на молот, потом на Рорана и сказал:

– Бери, но без дела им не маши. – И, повернувшись к остальным, прибавил: – Послушайте, мы ведь хотим только припугнуть этих солдат, а не перебить их, верно? Можете, если так уж будет нужно, кое-кому переломать кости, но не увлекайтесь. И в любом случае – никаких поединков! Я знаю, люди вы храбрые и чувства испытываете самые благородные, да только с хорошо обученными и хорошо вооруженными воинами связываться все же не стоит.

Наконец маленький отряд двинулся к лагерю раззаков. Солдаты уже легли спать, бодрствовали лишь четверо часовых, бродивших вокруг серых военных палаток. У едва тлевшего костра были привязаны странные кони, принадлежавшие раззакам.

Хорст тихо приказал Олбриху и Дельвину взять двух часовых, а Парру и Рорану – двух других.

Роран, затаив дыхание, подкрадывался к ничего не подозревавшему солдату. Сердце у него бешено колотилось, тело напряглось, точно перед прыжком. Он притаился за углом палатки, ожидая последнего сигнала Хорста.

«Погоди, погоди...»

Хорст с ревом выскочил из укрытия, ведя свой крошечный отряд прямо на палатки. Роран стрелой метнулся к часовому, взмахнул молотом и попал тому по плечу. Раздался противный хруст.

Часовой взвыл и выронил свою алебарду, но Роран, как безумный, продолжал сокрушать его ребра. Когда он в очередной раз замахнулся молотом, часовой бросился бежать, громко зовя на помощь.

Роран попытался его нагнать, даже не сознавая, что тоже громко кричит, и на бегу изо всей силы ударил по краю палатки, круша то, что находилось внутри. Из палатки высунулась чья-то голова в шлеме, и он с размаху опустил на нее молот. Звук был такой, словно он ударил в колокол. Мимо Рорана, словно пританцовывая и ловко накалывая солдат вилами, пробежал старый хромой Лоринг. Схватка разгоралась не на шутку.

Резко обернувшись, Роран заметил солдата, прицелившегося в него и уже натягивавшего тетиву лука. Он бросился на лучника и так ударил молотом по луку, что тот разлетелся в щепки. Солдат испуганно присел, потом бросился бежать.

Из своей палатки, издавая ужасные, нечеловеческие, хриплые крики, выползли раззаки с мечами в руках, но напасть они не успели: Балдор отвязал их коней, и те галопом бросились прямо к хозяевам, грозя их растоптать. Раззаки бросились в разные стороны, потом снова сошлись; их уродливые силуэты были отчетливо видны в свете костра. Но напасть им снова не дали: совершенно утратившие боевой дух солдаты попросту смели их со своего пути.

И все как-то сразу закончилось. И наступила тишина.

Роран, застыв как изваяние, слушал свое хриплое дыхание; рука его по-прежнему судорожно сжимала рукоять молота. Придя в себя после схватки, он, обходя поваленные палатки и тела раненых, двинулся к Хорсту. Кузнец, улыбнувшись в бороду, с удовольствием сказал:

– Давненько не участвовал я в такой славной драчке!

А Карвахолл тем временем быстро оживал; за ставнями вспыхивал свет; разбуженные шумом люди пытались понять, что происходит. Вдруг Роран услышал тихие рыдания и обернулся.

Мальчик Нолфаврель стоял на коленях возле распростертого тела одного из солдат и методично ударял его кинжалом в грудь, а слезы текли и текли по его щекам. Солдат был, разумеется, уже мертв, и Гедрик с Олбрихом поспешно оттащили мальчишку от трупа.

– Не надо было ему с нами идти, – сказал Роран.

– Он имел на это полное право, – пожал плечами Хорст.

Роран промолчал. Он понимал, что убийство одного из воинов Гальбаторикса лишь еще больше затруднит и без того сложное положение жителей деревни. Теперь, чтобы раззаки со своим войском не застали нас врасплох, думал он, придется забаррикадировать главную дорогу и проходы между домами. Кое-кто из односельчан Рорана тоже был ранен; у Дельвина, например, на предплечье виднелась длинная рубленая рана, которую он, правда, сумел сам перевязать, оторвав кусок ткани от полы собственной рубахи.

Собрав свой маленький отряд, Хорст быстро отдал несколько коротких приказаний: послал Олбриха и Балдора в кузню за тележкой Квимби, а троих сыновей Лоринга вместе с Парром – в Карвахолл за теми приспособлениями, которые пригодятся при строительстве оборонительных сооружений на подступах к деревне.

У границ лагеря уже начинали собираться люди, с ужасом глядя на разгромленные палатки и мертвого солдата.

– Что случилось? – крикнул плотник Фиск.

Лоринг, сильно прихрамывая, вышел вперед и остановился перед ним.

– Что случилось? Я скажу тебе, что случилось. Мы напали на этих говнюков... Мы выгнали их – босыми, без порток – из палаток и выпороли, точно паршивых собак!

– Вот и хорошо! – громко крикнула рыжеволосая Биргит, прижимая к себе заплаканного Нолфавреля, с ног до головы перемазанного кровью. – Так им и надо! Пусть бы и умерли все, как последние трусы. Это им месть за смерть моего мужа!

По толпе селян пролетел шепот одобрения, но Тэйн возмущенно воскликнул:

– Ты что, Хорст, спятил? Даже если тебе и удалось прогнать этих раззаков с их отрядом, то Гальбаторикс наверняка пришлет новых воинов. Империя ни за что от нас не отступится, пока Рорана не заполучит.

– Да сдать его надо и дело с концом! – прорычал Слоан.

Хорст поднял обе руки:

– Я согласен; ни один человек не стоит того, чтобы рисковать целой деревней. Но даже если мы сдадим Рорана, то неужели вы всерьез думаете, что Гальбаторикс оставит нас без наказания? Ведь мы оказали сопротивление его воинам! Да в его глазах мы ничуть не лучше варденов!

– Ну, и зачем же вы на них напали? – сердито спросил Тэйн. – Кто вас просил принимать такое решение? Кто дал вам на это право? Вы же нас всех приговорили!

На этот раз ему ответила Биргит:

– А что бы ты сказал, если б они убили твою жену? – Она прижала ладони к щекам своего сына, потом показала окровавленные ладони Тэйну. И продолжила обвиняющим тоном: – А если бы они сожгли твой дом? Где же твое мужество, Тэйн?

Он потупился не в силах выдержать ее сурового взгляда.

– Они уничтожили мою ферму, – сказал Роран, – они сожрали Квимби, они чуть весь Карвахолл не сожгли! Разве можно оставить без наказания тех, кто совершил все эти преступления? Неужели мы, как кролики, будем трусливо прятаться в норах и покорно сносить удары судьбы? Нет, ни за что! Мы имеем полное право защищать себя и свой дом! – Он умолк, увидев, что Олбрих и Балдор тащат тележку. – Ладно, поспорить можно и потом. А сейчас надо готовиться к обороне. Кто нам поможет?

Вызвалось человек сорок с лишним. Задача перед ними стояла нелегкая: превратить Карвахолл в неприступную крепость. Роран трудился не покладая рук; он вбивал между домами колья, перегораживал проходы бочками, набитыми камнями, наваливал поперек главной дороги бревна. Кроме того, дорогу для начала перегородили двумя телегами, связанными вместе.

Хватаясь то за одно, то за другое, Роран наконец заметил Катрину. Она отозвала его в сторонку, обняла и сказала:

– Я так рада, что ты вернулся! И что с тобой ничего не случилось!

Он поцеловал ее и пообещал:

– Мы обязательно вскоре с тобой увидимся. Мне нужно кое-что сказать тебе. – Она неуверенно улыбнулась и посмотрела на него с надеждой. – Ты была права: глупо с моей стороны без конца откладывать разговор с твоим отцом. Судьба не бывает добра к тем, кто слишком робок.

Роран поливал водой тростниковую крышу дома Кизельта – на всякий случай, чтоб не вспыхнула при пожаре, – когда Парр крикнул:

– Раззак!

Бросив ведро, Роран помчался к повозкам, возле которых оставил свой молот. Схватив его, он увидел на дороге и довольно далеко от них одинокого раззака верхом на лошади. Стрела туда не долетит, сразу понял Роран. Уродливую сгорбленную фигуру освещал факел, который раззак держал в левой руке; его правая рука была заведена за спину, словно он собирался что-то кинуть.

Роран рассмеялся:

– Он что, камнями в нас собирается кидаться? Так оттуда ему не попасть...

Его смех оборвался, когда раззак вдруг резко выбросил правую руку, и какой-то стеклянный флакон, описав дугу, с силой ударился о повозку справа от Рорана. Секундой позже повозка превратилась в огненный шар; мощная волна горячего воздуха швырнула Рорана к стене дома.

В голове у него помутилось; он упал на четвереньки, хватая ртом воздух. Уши заложило, но он все же сумел расслышать стук копыт и заставил себя встать и повернуться в ту сторону, откуда доносился звук. Он едва успел отступить за угол – раззаки на полном скаку ворвались в Карвахолл сквозь пробитую взрывом и все еще объятую пламенем брешь в возведенной на дороге баррикаде.

Раззаки на своих мощных конях, не останавливаясь, рубили мечами направо и налево. Роран сам видел, как погибли трое. Затем Хорст и Лоринг начали было теснить раззаков своими вилами, но тут сквозь брешь в баррикаде хлынули солдаты, убивая в темноте всех без разбора и не давая жителям деревни опомниться.

Роран понимал, что их необходимо остановить, иначе Карвахолл будет взят. Он прыгнул на какого-то солдата и, застав его врасплох, ударил молотом в лицо. Солдат без единого звука согнулся пополам и рухнул на землю. Пока к ним бежали другие солдаты, Роран успел сдернуть с руки убитого щит и, прикрываясь им от ударов мечей, стал упорно продвигаться к раззакам. На ходу он сумел сразить еще одного воина, нанеся ему удар под подбородок.

– Ко мне! – кричал Роран. – Защищайте свои дома! – Он ловко ушел от удара, отскочив в сторону, и увидел, что к нему подбираются сразу пять солдат, пытаясь его окружить. – Ко мне! – еще громче закричал он.

Первыми на его зов откликнулись Балдор и Олбрих. Потом к ним присоединились сыновья Лоринга. Затаившись в боковых проулках и за изгородями, женщины и дети забрасывали солдат камнями.

– Старайтесь держаться вместе! – крикнул односельчанам Роран. – Нас в любом случае значительно больше.

Солдаты действительно почувствовали, что перевес не на их стороне, и остановились, а толпа жителей деревни, преграждавшая им путь, становилась все плотнее. Когда у Рорана за спиной собралось не менее ста человек, он стал медленно наступать на солдат.

– Не с-с-стойте, трус-с-сы! В атаку! – пронзительно зашипел один из раззак, опасливо сторонясь нацеленных на него вил Лоринга.

Одинокая стрела просвистела в сторону Рорана, и он, отразив ее своим щитом, рассмеялся. Теперь раззаки стояли в одну линию с солдатами и злобно шипели, сверкая глазами из-под низко надвинутых черных капюшонов. Роран чувствовал, что их огненные взгляды будто пронзают его насквозь, лишая сил и вызывая странное сонное оцепенение; даже думать было трудно; невероятная усталость сковала тело...

И тут издалека, из центра деревни, донесся жуткий вопль. Это кричала Биргит. Секундой позже здоровенный камень пролетел у Рорана над головой, нацеленный в того раззака, что стоял ближе. Мерзкая тварь с невероятной ловкостью изогнулась, избегая удара, и Роран вдруг странным образом почувствовал облегчение, точно освободившись от неких усыпляющих магических чар.

Бросив щит и крепче перехватив молот обеими руками, он поднял его высоко над головой – в точности как Хорст, когда молотом растягивал раскаленную полосу металла. Поднявшись на цыпочки и сильно прогнувшись назад, Роран резким движением выбросил молот вперед, целясь в ближайшего раззака. Тот успел прикрыться щитом, и молот, просвистев в воздухе, с оглушительным грохотом врезался в щит.

После этого Рорану стало еще легче. Магические силы раззаков явно истощились. Они что-то быстро прощелкали друг другу, глядя, как жители Карвахолла с грозным ревом надвигаются на них, потом ударили шпорами своих коней и, резко развернувшись, прорычали своему войску:

– Отступаем! – И воины в алых доспехах послушно отступили, пятясь, огрызаясь и нанося удары всякому, кто осмеливался подойти к ним слишком близко. Лишь отойдя на значительное расстояние от горящих повозок, они решились повернуться к деревне спиной.

Роран вздохнул и опустил наконец свой молот. Только сейчас он почувствовал, как болит бок, которым он ударился о стену дома, отброшенный взрывом. И вдруг увидел убитого Парра. Он печально склонил над ним голову, слушая жалобные вопли и причитания женщин: в сражении, как оказалось, погибли еще девять человек.

«Неужели все это произошло у нас, в Карвахолле?»

– Эй, идите все сюда! – услышал Роран крик Балдора и, спотыкаясь, побрел к нему.

Балдор стоял посреди дороги, а шагах в двадцати от него на своем жутком коне сидел один из раззак, похожий на огромного черного жука. Выпростав из-под плаща руку, раззак скрюченным пальцем ткнул в сторону Рорана и прошипел:

– У тебя... запах, как у твоего братца. А мы запахов никогда не забываем!

– Что вам надо? – крикнул ему Роран. – Зачем вы сюда явились?

Раззак захихикал и еще больше стал похож на какое-то ужасное насекомое.

– Нам нужны... с-с-сведения! – Раззак глянул через плечо в ту сторону, куда ушел его отряд, и потребовал у собравшейся толпы: – Отдайте нам Рорана – и вас-с-с всего лиш-ш-шь... продадут в раб-с-ство. А если будете его защищать, мы с-с-соединим вас всех, всех до пос-с-

след-него! Ответ дадите, когда мы придем сюда в с-с-следующий рас-с-с. С-с-скоро! И пос-с-старайтесь, чтобы ответ был правильным.

Слезы Ангуин

Со скрипом отворились тяжелые ворота, и свет ворвался в тоннель. Эрагон зажмурился, мучительно заморгал, из глаз невольно полились слезы – он совершенно отвык от солнечного света, столько времени проведя под землей. Рядом с ним раздраженно шипела, вытягивая шею, Сапфира; видимо, и ей свет резал глаза.

Им понадобилось всего двое суток, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее их теперь от Фартхен Дура, но Эрагону показалось, что шли они гораздо дольше – из-за постоянно окутывавшего их мрака и той странной тишины, что царила в подземных тоннелях гномов. Тьма и тишина плохо действовали и на остальных; вряд ли за это время они в целом обменялись хотя бы десятком предложений; даже на стоянках все предпочитали молчать.

Эрагон надеялся во время совместного путешествия побольше узнать об Арье, но пока единственное, что ему удалось, это смотреть на нее сколько угодно. Он никогда прежде не делил с нею трапезу и был очень удивлен тем, что она прихватила с собой какую-то особенную еду. Оказалось, что она в рот не берет мяса. Когда Эрагон спросил ее, почему, она ответила:

– Ты тоже больше не захочешь есть плоть живых существ, когда завершишь свое обучение. Может быть, только в редчайших случаях.

– Это еще почему? С какой стати мне отказываться от мяса? – нахмурился Эрагон. – Я очень его люблю.

– Я не могу объяснить это тебе сейчас. Ты сам все поймешь, когда мы доберемся до Эллесмеры и ты начнешь учиться.

Эрагон, впрочем, довольно быстро забыл об этом разговоре. Сейчас же им владело одно желание: увидеть, наконец, цель их долгого пути под землей. Он бросился к открывшемуся проходу и оказался на гранитном выступе, нависавшем прямо над озером. Внизу, футах в ста, сверкала в лучах восходящего солнца вода, казавшаяся пурпурной, и, как и в озере Костамерна, заполнявшая всю горную долину целиком – от одной горы до другой. В дальнем конце озера брала свое начало река Аз Рагни и, извиваясь меж скалистых утесов, текла на север, к Беорским горам.

Справа горы казались совершенно пустынными, хотя на них он разглядел несколько утопанных троп, а вот слева... Слева открывался вид на столицу гномов, город Тарнаг. Гномы умудрились превратить гранитные скалы и незыблемые, казалось бы, склоны Беорских гор в бесчисленные террасы. Нижние террасы служили главным образом для земледелия, там виднелись темные полукружия возделанной земли и жилища, построенные, насколько мог судить Эрагон, исключительно из камня. Верхние же террасы были почти сплошь застроены разнообразными зданиями и часто связанными между собой переходами, и всю эту гигантскую пирамиду венчал большой белый с золотом купол. Казалось, весь город представляет собой просто ступени огромной лестницы, ведущей к этому куполу. Поверхность его сверкала, как полированный лунный камень – молочного цвета кабошон, возложенный на вершину серой горы.

Орик предвосхитил вопрос Эрагона, пояснив:

– Это Кельбедиль, величайший из наших храмов; там же обитает и Дургримст Кван – клан, члены которого являются слугами и посланниками богов.

«Они что же, правят Тарнагом?» – спросила Сапфира.

Эрагон повторил ее вопрос вслух, и Арья, проходя мимо, сказала:

– Нет, этот клан хотя и очень силен, но весьма малочислен, несмотря на все свои магические способности и связь с загробным миром... Я уж не говорю о том, сколько золота в их сокровищнице. Тарнагом правит Рагни Хефтхин – Речная Гвардия. Мы остановимся у вождя клана Кван – Ундина.

Когда они следом за эльфийкой спустились с гранитного выступа и ступили под сень странных шишковатых и кривоватых деревьев, плотным покрывалом окутавших плечо горы, Орик шепнул Эрагону:

– Ты не особенно ее слушай. Она уже много лет в ссоре с Дургримст Кван. Каждый раз, когда она бывает в Тарнаге и разговаривает с кем-то из жрецов, вспыхивает очередная ссора, причем настолько свирепая, что и кулл испугался бы.

– Арья с кем-то ссорится? – удивился Эрагон.

Орик с мрачным видом кивнул:

– Я мало что об этом знаю, но слышал, что она весьма сильно расходится во мнениях с членами Дургримст Кван относительно тех верований, которым они посвятили свою жизнь. Похоже, эльфы отнюдь не всегда придерживаются своего принципа «просить помощи лишь у воздуха и шепотом».

Эрагон, глядя в спину Арье, шедшей впереди, пытался угадать, справедливы ли слова Орика, и если справедливы, то во что же верит сама Арья. Он глубоко вдохнул чистый воздух и постарался выбросить все это из головы, наслаждаясь запахом мхов, папоротников, лесных деревьев и теплыми лучами солнца. Вокруг слышалось непрерывное гудение и жужжание пчел и других насекомых.

Тропа вывела их на берег озера, а потом начала снова подниматься к распахнутым воротам Тарнага.

– Как вам удалось скрыть такой город от Гальбаторикса? – спросил Эрагон. – Фартхен Дур – это я понимаю, он в горе, но здесь-то все на виду. И красота такая, какой я никогда в жизни не видел!

Орик тихонько засмеялся:

– Скрыть, говоришь? Нет, скрыть Тарнаг было бы невозможно. После падения Всадников нам пришлось покинуть все наши наземные города и скрываться в тоннелях, спасаясь от Гальбаторикса и Проклятых. Они тогда часто летали над Беорскими горами и убивали каждого, кто попадется им на глаза.

– А я думал, гномы всегда жили под землей.

Орик сердито насупился:

– С какой это стати? Возможно, мы действительно питаем особую любовь к камням, но простор и свежий воздух любим не меньше эльфов или людей. Однако мы лишь в последние пятнадцать лет – уже после смерти Морзана – осмелились вернуться в Тарнаг и в некоторые другие наши старинные города. Гальбаторикс, конечно, очень силен, но даже он не станет в одиночку атаковать целый огромный город. Разумеется, он и его дракон могут и сейчас причинить нам неисчислимые беды, если захотят, но они редко покидают Урубаен даже ради коротких вылетов. А если Гальбаторикс и вздумает послать сюда свою армию, то ей сперва придется заставить пасть такие города-крепости, как Бурагх или Фартхен Дур.

«Что, кстати, его армии почти удалось», – заметила Сапфира.

Эрагон ей не ответил, потому что как раз в этот момент из кустов на тропу вылетело какое-то странное животное. Эрагон замер, пораженный его видом. Животное было довольно тощим и больше всего походило на горную козу, какие во множестве водились в Спайне, но только значительно крупнее. Тяжелые ребристые рога, закрученные в баранки и почти прилежавшие к морде, казались такими большими, что по сравнению с ними рога ургалов можно было бы назвать рожками. Еще более странно выглядело то, что на спине у «козы» красовалось настоящее седло, а в нем уверенно восседал гном, целившийся в них из лука.

– Херт дургримст? Филд растн? – крикнул им странный гном.

– Орик Трифркс ментхив оэн Хретхкарач Эрагон рак Дургримст Ингеитум. Варн, аз ваньяли кархаруг Арья. Те ок Ундинз grimстбелардн. – Эрагон понял: «Орик, сын Трифка, и

Губитель Шейдов Эрагон из Дургримст Ингеитум. А также эльфийка-голец Арья. Все мы – гости Дома Ундины».

Коза настороженно смотрела на Сапфиру. Глаза у нее были ясные, необычайно умные, а морда довольно смешная; уморительно торжественное выражение ей придавала седая, словно покрытая инеем борода. Чем-то эта козья морда напомнила Эрагону Хротгара, и он едва не рассмеялся: уж больно животное походило на своих хозяев-гномов.

– Азт джок джордн раст (в таком случае можете пройти), – ответил незнакомый гном и посторонился.

Затем безо всякой видимой команды с его стороны странная коза с места совершила такой прыжок, что он вполне мог сойти за полет, и вместе со своим всадником исчезла среди деревьев.

– Что это за животное такое? – воскликнул Эрагон.

И Орик на ходу принялся объяснять:

– Это фельдуност, что означает «морозная борода», одно из пяти животных, которые водятся только в этих горах. Их именами названы пять наших кланов, но Дургримст Фельдуност, я бы сказал, самый отважный из них и самый почитаемый.

– Почему?

– Фельдуносты очень многое дают нам: молоко, шерсть и мясо. Без них мы не смогли бы прожить в Беорских горах, особенно когда на нас охотились Гальбаторикс и его Проклятые. В ту страшную пору именно члены клана Фельдуност, рискуя собой – они, впрочем, и сейчас собой рискуют, – сохранили наши стада и поля. С тех пор мы все у них в долгу.

– Неужели все гномы ездят верхом на этих... козах? На фельдуностах? – спросил Эрагон, слегка запнувшись на непривычном слове.

– Только в горах. Фельдуносты очень выносливы, и ноги у них крепкие, хотя они куда лучше приспособлены к горным утесам, чем к открытым равнинам с мягкой землей.

Сапфира в полном восторге так ткнула Эрагона носом, что Сноуфайр испуганно шарахнулся.

«Теперь-то я поохочусь на славу! Тут этих козочек хватает, так что охота будет даже лучше, чем в Спайне! Как только в Тарнаге у меня выдастся свободная минутка...»

«Нет, – твердо сказал ей Эрагон, – нам никак нельзя обижать гномов».

Она фыркнула от досады:

«Я ведь могу сперва и разрешение спросить!»

Тропа, так долго скрывавшаяся под темным пологом ветвей, вынырнула на большой открытый луг перед городскими воротами, где уже начинали собираться любопытствующие. Навстречу гостям из города выехали семь фельдуностов в парадной сбруе, изукрашенной самоцветами. Всадники держали в руках копы с флажками; флажки, как кнуты, хлопали на ветру. Натянув поводья, гном, ехавший впереди, громко сказал:

– Мы рады приветствовать вас в нашей столице, городе Тарнаге! От имени Ундины и Ганнела я, Торв, сын Брокка, предлагаю вам насладиться миром и покоем в нашем Доме. – Он говорил с каким-то странным акцентом – гремящим, скрежещущим, совсем не похожим на плавную речь Орика.

– От имени короля Хротгара и всего Дургримст Ингеитум мы с благодарностью принимаем ваше гостеприимное предложение, – ответил Орик.

– И я также – от имени королевы Имиладрис, – прибавила Арья.

Торв, похоже, остался вполне доволен официальной частью и махнул своим спутникам, которые, прищпорив своих фельдуностов, подъехали ближе, окружив гостей плотным кольцом, и ввели их в ворота Тарнага.

Внешняя стена города была футов сорок в толщину, и ближайшие к ней фермы, кольцом окружавшие Тарнаг, находились в глубокой тени, отбрасываемой этой стеной, словно в темноватом тоннеле. Далее они миновали еще пять стен, каждая из которых была снабжена весьма прочными воротами, и наконец оказались в самом городе.

В отличие от мощных крепостных валов и бастаионов, окружавших Тарнаг, сами городские здания, тоже сложенные из камня, отличались столь хитроумной архитектурой и изяществом отделки, что казались необычайно легкими и светлыми. Дома и торговые лавки украшали четкие, прекрасно выполненные резные изображения, главным образом животных. Но еще более поразительным был сам строительный камень, покрытый какой-то полупрозрачной мерцающей пленкой, менявшей оттенки от ярко-алого до бледно-зеленого.

Повсюду висели знаменитые фонари гномов, «светившие без огня». Их разноцветные искры предвещали наступление долгих горных сумерек и ночи.

В отличие от Тронжхайма, Тарнаг явно строили в соответствии с ростом и пропорциям самих гномов, не особенно учитывая особенности таких возможных гостей, как люди, эльфы или драконы. Двери были не больше пяти футов в высоту, а чаще и вовсе четыре с половиной. Эрагону пока что особенно сильно наклоняться не требовалось, но и он чувствовал себя великаном, который угодил на сцену кукольного театра.

По широким улицам спешило по своим делам множество гномов, принадлежавших к самым различным кланам. Некоторые собирались группами у дверей лавок или харчевен и стояли там, беседуя и смеясь. Многие были одеты весьма странно; например, у большой группы черноволосых гномов весьма свирепого вида на головах красовались серебряные шлемы, выполненные – и удивительно похоже! – в виде волчьих морд.

Эрагон, правда, больше всего внимания обращал на здешних женщин, поскольку в Тронжхайме успел рассмотреть их лишь мельком. Они были еще более приземистыми, чем мужчины, с некрасивыми тяжеловесными чертами лица, но глаза у них сияли как звезды, прекрасные густые волосы блестели, а нежные руки умело и ласково обращались с крошечными детишками-гномиками. Украшений они почти не носили, разве что маленькие изысканной работы броши из металла и камня.

Заслышав дробный перестук копыт фельдуностов, гномы поворачивались и смотрели на прибывших, но, как ни странно, без особой радости, хотя Эрагон ожидал, что их и здесь будут приветствовать ликующими криками. Гномы просто кланялись ему и Сапфире, а некоторые шептали: «Губитель Шейдов». У многих, когда они успевали разглядеть молот и звезды на шлеме Эрагона, почтение и вовсе сменялось ужасом или даже гневом. Несколько таких разгневанных гномов уже успели образовать вокруг них небольшую толпу и, поглядывая на Эрагона, защищенного боками фельдуностов, принялись выкрикивать в его адрес проклятия.

Эрагону стало совсем не по себе; от нервного напряжения шею сзади покалывало.

«Похоже, – мысленно сказал он Сапфире, – Хротгар принял не самое популярное у его народа решение, „усыновив“ меня».

«Пожалуй, – согласилась дракониха. – Он, возможно, сумел отчасти прибрать тебя к рукам, но ценой приобретения множества противников среди своих подданных. Лучше бы нам не дразнить их и поскорее убраться отсюда, пока не пролилась чья-то кровь».

Однако Торв и остальные всадники продолжали ехать с таким видом, словно никакой толпы вокруг и вовсе не существовало. Они преодолели еще семь дополнительных укреплений, и наконец перед ними остались лишь последние ворота – ворота храма Кельбедиль. Возле этих ворот Торв свернул налево, к замку, точно прижавшемуся к щеке горы и защищенному барбаканом с двумя навесными башнями-бойницами.

Когда они подъехали ближе, откуда-то из-за домов вдруг вынырнуло множество вооруженных гномов, которые тут же построились, преграждая прибывшим путь. Длинные пурпурные шарфы закрывали их лица и спускались на плечи из-под шлемов.

Стражники на фельдуностах тут же подтянулись, выпрямились, и лица их посуровели.

– В чем дело? – спросил у Орика Эрагон, но гном лишь покачал головой и быстрым шагом, держа руку на рукояти боевого топора, подошел к шеренге гномов в пурпурных шарфах.

– Этзил нитхгеч! – крикнул один из них и даже кулаком погрозил. – Формв Хретхкарач... формв джургенкармейтдер нос эта горотх бахст Тарнаг, дур энсести рак китхн! Джок из варев аз барзулегур дур дургримст, Аз Свелдн рак Ангуин, беорн тон рак Джургенврен? Не удим эталос раст кнурлаг. Кнурлаг ана... – Он еще довольно долго что-то выкрикивал хриплым голосом, в котором все сильнее слышался неприкрытый гнев.

– Вррон! – рявкнул Торв, оборвав его тираду, и они яростно о чем-то заспорили, однако Эрагон видел, что Торв относится к этому свирепому гному с явным уважением.

Эрагон чуть сдвинулся с места, пытаясь получше разглядеть замок, к которому они направлялись. Фельдуност Торва, почти прижавшийся к нему своим боком, загоразивал ему весь вид. Вдруг закутанный в шарф гном умолк, с неподдельным ужасом тыча пальцем в шлем Эрагона и вопя:

– Кнурлаг кана тирану Дургримст Ингеитум! – вскрикнул он. – Кварзул анна Хротгар оэн волфилд...

– Джок из фреkk дургримстврен? – тихо прервал его Орик, вытаскивая свой топор.

Эрагон встревоженно посмотрел на Арья, однако она была слишком увлечена спором гномов и взгляда его не заметила, и он, незаметно опустив руку, крепко сжал рукоять Заррока.

Странный гном долго, не мигая, смотрел на Орика, потом вытащил из кармана железное кольцо, вырвал из бороды три волоска, обмотал их вокруг кольца и швырнул кольцо на мостовую. Кольцо со звоном ударилось о камень, и гномы в пурпурных шарфах тут же исчезли – без какого бы то ни было приказа или жеста со стороны их предводителя.

Торв, Орик и остальные воины напряженно следили за кольцом, вращавшимся на каменной мостовой. Даже Арья казалась несколько ошарашенной случившимся. Двое самых молодых гномов побледнели и схватились за клинки, однако тут же опустили руки, поскольку Торв рявкнул:

– Нет!

Теперешнее поведение гномов встревожило Эрагона куда сильнее, чем давешний яростный спор. Орик сам поднял кольцо, положил его в мешочек, висевший у него на поясе, и вернулся на прежнее место. Эрагон тут же спросил у него:

– Что все это значит?

– Это значит, – сурово ответил ему Торв, – что у тебя здесь есть враги.

За навесными башнями открылся широкий двор; там уже стояли три длинных стола, украшенные фонарями и флажками, а перед столами выстроилось несколько гномов, возглавляемых седобородым стариком в накинутаой на плечи волчьей шкуре. Он, широко раскинув руки в приветственном жесте, торжественно сказал:

– Добро пожаловать в Тарнаг и в Дургримст Рагни Хефтхин! Мы слышали немало похвал в твой адрес, Эрагон, Губитель Шейдов. Мое имя Ундин, сын Дерунда. Я глава клана Речной Гвардии.

Вперед вышел еще один гном. У него были широкие плечи и грудь истинного воина; из-под капюшона на Эрагона внимательно смотрели черные глаза.

– А я Ганнел, сын Орма Кровавого Топора, вождь клана Кван.

– Для нас большая честь быть вашими гостями, – сказал Эрагон, почтительно склоняя голову и чувствуя, как злится Сапфира: на нее-то гномы внимания и не обратили! «Терпение», – мысленно сказал он ей, с трудом подавив улыбку.

Сапфира сердито фыркнула в ответ.

Вожди кланов по очереди поздоровались с Арьей и Ориком, однако все их гостеприимство тут же испарилось, когда Орик показал им лежавшее у него на ладони железное кольцо.

Глаза Ундина изумленно расширились; он осторожно взял кольцо, зажав его между большим и указательным пальцем, точно ядовитую змею.

– Кто тебе это дал?

– Аз Свелдн рак Ангуин. И не мне, а Эрагону.

Теперь гномы уже не скрывали своей тревоги. Эрагон, видевший гномов в бою, где они в одиночку шли против великанов-куллов, понял: это кольцо означает нечто столь ужасное, что оказалось поколебленным даже беспредельное мужество гномов.

Ундин нахмурился, слушая бормотание своих советников. Потом сказал:

– Нам необходимо серьезно посоветоваться по этому поводу. Губитель Шейдов, в твою честь мы приготовили пир. Если позволишь, мои слуги проводят тебя в отведенные покои, и ты сможешь там отдохнуть и освежиться перед началом празднества.

– Да, с удовольствием. – Эрагон передал поводья Сноуфайра гному, ждавшему поодаль, и последовал за своими провожатыми в замок. Уже в дверях он оглянулся и увидел, что Арья и Орик куда-то уходят вместе с Ундином и Ганнелом. «Я ненадолго», – мысленно пообещал он Сапфире.

После бесконечных приседаний и наклонов в коридорах замка, тоже рассчитанных на рост гномов, Эрагон с облегчением увидел, что отведенная ему комната достаточно просторна и высока, чтобы можно было наконец выпрямиться в полный рост. Слуга поклонился ему и сказал:

– Я сразу же приду за тобой, как только Гримстборитх Ундин закончит совещаться.

Когда он ушел, Эрагон сел и задумался, наслаждаясь долгожданной тишиной. Встреча с закутанными в шарфы гномами не выходила у него из головы. «Хорошо, что мы в Тарнаге долго не задержимся, – думал он. – Вряд ли они успеют нас захватить».

Сняв перчатки, Эрагон подошел к мраморному бассейну, вделанному в пол рядом с низкой кроватью, и опустил руки в воду. Но тут же, невольно вскрикнув, выдернул их: вода почти кипела! Должно быть, у гномов такой обычай, решил он. Пришлось подождать, пока вода немного остынет, после чего он тщательно вымыл руки, лицо и шею, хотя от воды все еще поднимался пар.

Умывшись, Эрагон почувствовал себя значительно лучше. Сняв пропылившуюся в дороге одежду, он облачился в тот костюм, который надевал на похороны Аджихада. Мечом, правда, опоясываться не стал, опасаясь, что это может оскорбить собравшихся за пиршественным столом. Вместо меча он прицепил к поясу охотничий нож.

Затем, вытащив из заплечного мешка свиток, который Насуада велела ему вручить Имиладрис, он взвесил его на ладони, пытаясь решить, куда бы его спрятать. Столь важное послание ни в коем случае нельзя было оставить просто так: его могли прочитать или попросту украсть. Не придумав ничего лучшего, Эрагон сунул свиток в рукав, решив, что уж там-то с ним ничего не случится, если, конечно, ему не придется с кем-нибудь драться. Впрочем, если уж драться действительно придется, то ему, скорее всего, будет не до свитка.

Когда слуга вновь постучался к нему, прошло, должно быть, не более часа, однако солнце уже успело скрыться за вершинами гор; казалось, в Тарнаге уже наступили сумерки, хотя с полудня миновало лишь несколько часов. Выйдя во двор, Эрагон удивился, сколь сильно переменялся город. Фонари, предвестники ночи, уже сияли вовсю, заливая улицы чистым ровным светом; казалось, весь Тарнаг объят каким-то волшебным заревом.

Ундин и другие гномы уже сидели за накрытыми столами; Сапфира устроилась в торце, заняв его весь, но никто, разумеется, и не думал оспаривать это место.

«Что произошло, пока меня не было?» – спросил у нее Эрагон, усаживаясь рядом.

«Ундин вызвал дополнительное подкрепление и велел накрепко запереть ворота».

«Он ожидает нападения?»

«Во всяком случае, он не исключает такой возможности».

– Эрагон, прошу тебя, садись со мной рядом, – пригласил его Ундин, указывая на кресло по правую руку от себя.

Эрагон пересел и обрадовался, увидев рядом с собой Орика. Арья сидела напротив. Оба, – и гном и эльфийка, – выглядели весьма мрачно. Эрагону очень хотелось расспросить Орика о кольце, но он не успел: Ундин стукнул рукой по столу и громко приказал:

– Ингх аз вотх!

Слуги ручьями потекли из дверей замка, неся на подносах червленого золота горы кушаний: различные мясные блюда, пироги, фрукты. Они выстроились в ряд возле каждого стола и с превеликим почтением принялись потчевать гостей.

Сперва подали различные супы и овощные рагу; затем последовала жареная оленина. Еще теплый хлеб оказался удивительно вкусен, как и медовые пряники, сбрызнутые малиновым сиропом. На ложе из зелени красовалось филе форели с сельдереем; рядом маринованный угорь задумчиво смотрел на тарелку с сыром, словно надеясь каким-то неведомым образом удрать со стола обратно в реку. Посредине каждого стола горделиво восседал лебедь, окруженный стайкой фаршированных куропаток, гусей и уток.

Почти во всех блюдах присутствовали грибы: приготовленные в виде сочных кусочков или же цельными шляпками, надетыми на головки жареных птиц; из грибов искусные повара выложили даже целые замки, рвы которых были заполнены соусом для жаркого. Грибов приготовили великое множество – от всем известных белых грибов с толстыми коричневыми шляпками до странных, коричневых грибочков, которые запросто могли сойти за кусочки древесной коры. Были на столах и нежно-голубые поганки, аккуратно разрезанные пополам, чтобы все могли видеть их изумительную лазоревую сердцевину.

Наконец подали главное блюдо: огромного жареного кабана, покрытого аппетитной густой подливкой. Кабан был столь огромен – не меньше жеребца Сноуфайра! – что внесли его сразу шесть гномов. Клыки у этого чудовищного зверя были длиной не меньше локтя, а в его пасть запросто поместилась бы голова Эрагона. А уж запах! Запах жареного кабаньего мяса сразу затмил все прочие ароматы застолья.

– Награ, – прошептал Орик. – Гигантский кабан. Ундин действительно постарался! Это большая честь, Эрагон. Лишь самые отважные гномы осмеливаются на нагру охотиться, а мясо его подают лишь тем, кого особенно ценят. Кроме того, мне думается, тут есть и еще один намек: похоже, Ундин готов оказать тебе поддержку против Дургримст Награ.

А Эрагон, склонившись к самому уху Орика и стараясь, чтобы больше никто его не услышал, спросил:

– Значит, это еще один зверь из тех пяти, что водятся только в Беорских горах? Каковы же остальные?

– Ну, есть еще лесные волки; они так велики, что нападают даже на нагру, и так быстры, что могут догнать фельдуноста. Потом – пещерные медведи, которых мы называем урзхад, а эльфы – беор; в их честь они и назвали эти горы, хотя мы, гномы, называем их совсем по-другому, но имя этих гор – великая тайна, и мы не раскроем ее ни одному народу. А еще...

– Смер вотх, – с улыбкой скомандовал Ундин слугам, и те мгновенно вытащили небольшие изогнутые ножи и принялись ловко отрезать порции жаркого, которое тут же подавали гостям, обойдя лишь Арию. Перед Сапфирой также появился увесистый кусок кабаньего мяса. Ундин снова улыбнулся, вытащил кинжал и отрезал небольшой ломтик.

Эрагон тоже потянулся за ножом, но Орик схватил его за руку и прошептал:

– Погоди.

Ундин сунул кусочек в рот, медленно его прожевал, явно смакуя, довольно кивнул и провозгласил:

– Ильф гаухнитх!

– Вот теперь пора, – сказал Орик, склоняясь над тарелкой; разговоры за столами на некоторое время затихли.

Эрагон никогда в жизни не пробовал ничего подобного. Кабанье мясо оказалось сочным, нежным и обладало удивительно богатым вкусом – словно его вымачивали в меду и сидре. Этот замечательный вкус как бы усиливал аромат мяты, которой обычно сдабривают свинину. «Интересно, – думал Эрагон, – как это они умудряются готовить такую огромную тушу целиком?» И услышал в ответ мысленное пояснение Сапфиры: «Очень медленно». Дракониша тоже явно смаковала свою порцию.

Орик, не забывая старательно жевать, время от времени пояснял:

– Ты не удивляйся, у нас этот обычай сохранился еще с тех времен, когда отравлением широко пользовались как наилучшим средством устранения врагов, так что хозяину дома полагалось первым пробовать то или иное кушанье и объявлять, что оно безопасно для его гостей.

Эрагон и сам старался попробовать все те яства, что стояли на столе. Одновременно он не забывал поддерживать разговор с Ориком, Арьей и остальными своими соседями по столу. Время летело незаметно. Ундин устроил столь грандиозный пир, что лишь к вечеру было подано последнее кушанье, проглочен последний кусочек и осушен последний кубок. Слуги начали убирать со столов, а Ундин повернулся к Эрагону и спросил:

– Трапеза доставила тебе удовольствие, верно?

– Она была просто великолепна!

Ундин кивнул:

– Я рад, что тебе понравилось. Я еще вчера велел вынести столы во двор, чтобы ты мог пировать вместе со своим драконом. – Он не отрывал взгляда от лица Эрагона.

Эрагону стало не по себе. Намеренно или нет, но Ундин все время обращался с Сапфирой, как с обыкновенным животным. Эрагону очень хотелось расспросить Ундина о странных гномах в пурпурных шарфах, но теперь – исключительно из желания позлить гнома – он сказал:

– Мы с Сапфирой приносим тебе свою благодарность. – И все же не выдержал и спросил:

– Скажи, господин мой, а почему в нас бросили этим кольцом?

По двору тут же расплзлась какая-то болезненная тишина. Краешком глаза Эрагон заметил, что Орик сморщился, как от зубной боли. Арья же, напротив, улыбнулась, явно одобряя действия Эрагона.

Ундин аккуратно положил на стол кинжал; брови его грозно сошлись на переносице.

– Те гномы, которых вы встретили, принадлежат к клану с трагической судьбой. До падения Всадников их Дом считался одним из старейших и богатейших в нашем королевстве. Однако они совершили две серьезные ошибки, и приговор судьбы все же свершился. Дело в том, что этот клан селился исключительно на западной границе Беорских гор, и, кроме того, они сами отдали своих лучших воинов на службу Врайлю, оставшись беззащитными.

Гнев прорывался в его сдержанных интонациях как вспышки искр.

– Гальбаторикс и его Проклятые – пусть они все будут прокляты навек! – перебили почти всех представителей этого клана в том городе, который теперь называется Урубаен. Потом они напали на нас и тоже многих убили. Из этого клана выжили только Гримсткарвлорс Ангуин и ее охрана. Ангуин вскоре умерла от горя, а потомки тех немногих, что остались в живых, взяли себе имя Аз Свелдн рак Ангуин – Слезы Ангуин и закрыли свои лица шарфами, чтобы вечно помнить о своей великой утрате и о необходимости отомстить.

У Эрагона от стыда горели щеки. Он слушал Ундины, тщетно пытаясь сохранить на лице хоть какую-то видимость спокойствия.

– Постепенно, – сказал Ундин, гневно сверкнув глазами на блюдо с пирожными, – им удалось как-то восстановить численность своего клана; десятки лет они стремились как-то компенсировать нанесенный им ущерб. И вдруг являешься ты со знаком Хротгара на шлеме. Для них это безусловное оскорбление и символ угрозы; и им совершенно неважно, сколь большую услугу ты оказал Фартхен Дуру. Вот отсюда и брошенное кольцо. Кольцо – это вызов тебе. Оно означает, что Дургримст Аз Свелдн рак Ангуин будут противостоять тебе всеми своими силами в любом деле, большом или малом. Они объявили себя твоими кровными врагами, Эрагон!

– Они что же, хотят меня убить? – тупо спросил Эрагон.

Ундин на мгновение отвел глаза, посмотрел на Ганнела, покачал головой и вдруг довольно резко рассмеялся – возможно, несколько громче, чем того позволяла ситуация:

– Нет, Губитель Шейдов! Даже они не осмелятся нанести ущерб гостю. Это запрещено законом. Они просто хотят, чтобы ушел, исчез, убрался отсюда. – Поскольку на лице Эрагона по-прежнему явственно читалось недоумение, Ундин сказал тихо: – Прошу тебя, не будем больше говорить о столь неприятных вещах. Мы с Ганнелом устроили этот пир в знак дружбы; разве не это самое главное? – Ганнел согласно закивал, что-то шепча себе под нос.

– Да, мы очень вам благодарны за это, – вымолвил Эрагон, с трудом заставив себя отвлечься от собственных мыслей. – Это высокая честь!

Сапфира мрачно посмотрела на него, и он услышал ее мысли:

«Да они просто боятся, Эрагон! Боятся и обижены тем, что им пришлось принять помощь Всадника».

«Наверное, ты права, – ответил он. – Гномы, возможно, и будут сражаться с нами вместе против общего врага, но воевать, защищая нас, они не станут!»

Кельбедиль

Лишенное зари утро встретило Эрагона в парадном зале замка; услышав, как Ундин беседует с Ориком, он подошел к ним, но они тут же умолкли, а Ундин спросил:

– Ну что, Губитель Шейдов, хорошо ли ты спал?

– Да.

– Вот и отлично. А мы, – Ундин указал на Орика, – как раз обсуждали ваш скорый отъезд, хотя я очень надеялся, что вы сможете еще немного погостить у нас. Но при теперешних обстоятельствах вам, похоже, будет лучше продолжить свое путешествие уже завтра, причем с утра пораньше, пока на улицах еще малоллюдно и риск всяких случайных встреч значительно меньше. Все, что нужно в дорогу, вам, разумеется, приготовят, а охрана, согласно приказу Хротгара, будет сопровождать вас до самого Кериса. Число сопровождающих вас воинов я решил увеличить до семи.

– А чем ты посоветуешь мне заняться пока? – спросил Эрагон.

– Я собирался показать тебе чудеса Тарнага, – сказал Ундин, – но сейчас было бы неразумно отправляться на прогулку по городу. Впрочем, Гримстборитх Ганнел приглашает тебя провести этот день в Кельбедиле. Если хочешь, можешь принять его приглашение. Там ты будешь в полной безопасности. – Ундин, похоже, забыл свои вчерашние слова о том, что представители клана Слезы Ангуин не посмеют причинить гостю столицы никакого вреда.

– Хорошо, я, пожалуй, так и поступлю. – Выходя из зала вместе с Ориком, Эрагон отвел его в сторонку и спросил: – Скажи, насколько в действительности серьезны угрозы этих гномов в шарфах? Мне надо знать правду. Часто ли у вас случаются междоусобицы?

– В прошлом кровавая вражда между кланами продолжалась порой на протяжении многих поколений, – отвечал с явной неохотой Орик. – Немало семей так и угасло, лишившись во время таких войн своих наследников. Со стороны Аз Свелдн рак Ангуин весьма неразумно вновь будить старую вражду. Со времен последней войны между кланами у нас все было относительно спокойно, однако... В общем, если они не откажутся от своей клятвы, тебе придется их опасаться – может быть, год, а может, и сто лет. Они могут предать тебя. Мне очень жаль, что твоя дружба с Хротгаром вызвала такую вспышку гнева с их стороны. Но ты не одинок, Эрагон. С тобой всегда рядом Дургримст Ингеитум.

После этого разговора Эрагон поспешил к Сапфире, которой пришлось провести ночь во дворе, свернувшись клубком на каменных плитах.

«Ты не возражаешь, если я посету Кельбедиль?» – спросил он ее.

«Ступай, если так надо. Но непременно возьми с собой Заррок».

Эрагон последовал ее совету, заодно сунув за пазуху и свиток Насуады – для пушей сохранности.

Когда он подошел к воротам замка, сделанным из грубо обтесанных бревен, пятеро гномов отворили их и тут же обступили Эрагона плотным кольцом, внимательно осматривая прилегающие улицы. Охрана осталась при нем и тогда, когда он шел к внешним воротам Тарнага.

По спине у Эрагона поползли мурашки. Город казался неестественно пустым; двери заперты, окна закрыты ставнями. Немногочисленные прохожие, попадавшиеся им навстречу, отворачивались или поспешно сворачивали в боковые проулки. «Да ведь они же боятся, что их увидят рядом со мной! – догадался Эрагон. – Боятся клана Аз Свелдн рак Ангуин!» Теперь ему хотелось одного: поскорее убраться с этих неприветливых улиц. Эрагон уже поднял было руку, собираясь постучаться в первую же дверь, но не успел: дверь скрипнула, отворилась, и

какой-то гном в черном одеянии жестами пригласил его войти внутрь. Эрагон покрепче стиснул рукоять меча и вошел, оставив охрану снаружи.

Первое, что его поразило, это удивительно яркие цвета всего, что оказалось за неприкрытой дверью. Ярко-зеленый газон раскинулся вокруг белоснежной, обнесенной колоннами громады Кельбедилля; дикий виноград плащом обвивал старинные стены, высоко поднимаясь над землей по волосатым прочным канатам; на остроконечных резных листьях самоцветами поблескивали капли росы. И надо всем этим, уступая по высоте лишь вершинам гор, парил прекрасный мраморный купол, украшенный тонкой золотой насечкой.

Воздух здесь был пропитан запахами цветов и благовоний, которые, смешиваясь, составляли такой неземной аромат, что Эрагону казалось, можно прожить, питаясь одним лишь этим дивным ароматом.

И наконец, в Кельбедиле стояла необычайная тишина. Ее нарушал порой лишь стук башмаков служителей храма по мозаичным плиткам пола. Эрагон отчетливо расслышал шелест крыльев грача, пролетевшего у него над головой.

Гном снова приветливо кивнул и быстро пошел по главной дорожке к храму, знаками предлагая Эрагону следовать за ним. Когда они вошли под своды Кельбедилля, Эрагон не сумел сдержать возгласа восхищения теми, кто строил и содержал этот прекрасный храм. Стены его были усыпаны самоцветами самой разнообразной огранки – во всех случаях, впрочем, безупречной. Стыки стен с полом и потолком украшала отделка из червонного золота. Жемчуг и серебро придавали убранству залов особый благородный оттенок. Полупрозрачные перегородки, вырезанные целиком из желтовато-зеленого жада, отделяли одно помещение от другого.

Никаких гобеленов или иных тканых украшений в храме не имелось. Гномы заменили их многочисленными статуями сказочных чудовищ и богов, сошедшихся порой в жестокой схватке.

Поднявшись по лестнице, провожатый Эрагона отворил небольшую дверцу, обитую медными листьями, позеленевшими от времени и украшенными прихотливым орнаментом. Они оказались в пустой комнате с деревянным полом и стенами, сплошь увешанными оружием и воинскими доспехами; там же Эрагон заметил и такое же деревянное древко с двумя сабельными клинками на концах, каким сражалась Анжела во время битвы при Фартхен Дуре.

Здесь же был и Ганнел; он упражнялся в фехтовании, сражаясь одновременно с тремя молодыми гномами. Полы рубахи Ганнел завязал на поясе, обеспечивая себе большую свободу движений; лицо его казалось каким-то яростно-спокойным, брови насуплены. Длинное деревянное древко с двумя клинками так и мелькало в его руках, легко отражая атаки затупленных мечей, свистевших вокруг него, точно сердитые оводы.

Двое гномов принялись было теснить Ганнела, но он молнией метнулся мимо них, подсекая их и угрожая снести им головы. В итоге ему удалось повалить обоих на пол, а последнего своего противника разоружить серией блестящих ударов и выпадов. Эрагон невольно усмехнулся.

Заметив его, Ганнел тут же отпустил всех остальных, и Эрагон спросил:

– Неужели все в клане Кван так великолепно владеют клинком? По-моему, довольно странное умение для жрецов храма.

– Но ведь и мы обязаны уметь защитить себя, – возразил Ганнел. – По нашей земле бродит немало врагов.

Эрагон кивнул и снова спросил:

– А что это за оружие с двумя клинками? Я нигде не встречал ничего подобного. Такую штуку я видел лишь однажды – во время битвы при Фартхен Дуре. У одной колдуньи по имени...

Ганнел не дал ему закончить и даже зашипел от досады.

– Анжела! – Он недовольно покачал головой. – Она выиграла этот посох-меч у одного нашего жреца, играя с ним в загадки. Довольно-таки гнусный трюк, ибо лишь членам клана Кван разрешено пользоваться хутхвирами. Но она и Арья... – Он не договорил. Помолчав, он пожал плечами, подошел к маленькому столику, где стоял кувшин с элем, и, наполнив две кружки, одну передал Эрагону. Только после этого он снова заговорил: – Я пригласил тебя сегодня по просьбе Хротгара. Раз уж ты принял его предложение и вступил в Дургримст Ингеитум, мне надлежит теперь познакомить тебя с нашими обычаями и верованиями.

Эрагон молча слушал его, маленькими глотками прихлебывая эль. Луч света упал Ганнелу на лоб, и щеки его сразу как бы провалились, исчезнув в глубокой тени.

– Никогда прежде, – заметил Ганнел, – мы не посвящали в наши тайные верования никого из представителей иных народов, так что и ты не будешь иметь права говорить о том, что узнаешь, ни с людьми, ни с эльфами. Однако же без этих знаний тебе никогда не понять, что значит быть настоящим кнурла. Ты породнился с кланом Ингеитум, и наша плоть, кровь и честь теперь едины. Ты это понимаешь?

– Да.

– Хорошо. Тогда идем.

Держа в руке кружку с элем, Ганнел вместе с Эрагоном покинул зал для фехтования и повел его куда-то по великолепным коридорам храма. Наконец они остановились в арочном проходе, за которым открывался огромный зал, окутанный дымком благовоний. Сквозь этот дымок проступали очертания статуи, возвышавшейся от пола до потолка и непривычно грубо высеченной из коричневого гранита. У изваяния было лицо гнома, смотревшего так мрачно, что Эрагон даже слегка оробел.

– Кто это? – спросил он.

– Гунтера. Правитель богов. Он – великий воин и ученый, но обладает чрезвычайно переменчивым нравом, и мы, дабы завоевать его расположение, сжигаем у подножия его статуи особые жертвоприношения. Особенно в дни солнцестояния, перед севом и уборкой урожая, а также когда кто-то из гномов умирает или родится. – И Ганнел, как-то странно согнув руку, низко поклонился статуе. – Именно Гунтере мы молимся перед сражениями, ибо это он взрыхлил нашу землю, очистив ее от костей великана, и установил в нашем мире порядок. Все наши владения принадлежат Гунтере.

Затем Ганнел показал Эрагону, как следует правильно оказывать божеству знаки почтения, и разъяснил значение тех слов, которые произносят во время торжественной клятвы. Рассказал он и о том, что курящееся в храме благовоние символизирует жизнь и процветание. Ганнел с явным удовольствием пересказал и множество легенд, сложенных о Гунтере: о том, как этого бога на заре рождения Вселенной родила волчица, а появился на свет он уже совершенно взрослым, сложившимся воином; о том, как он сражался с чудовищами и великанами, дабы отвоевать место в Алагейзии для своего народа; о том, как он взял в жены Килф, богиню рек и морей.

Затем они перешли к статуе Килф, с изумительным мастерством и изяществом высеченной из бледно-голубого камня. Волосы богини струились по спине водопадом, обвивая шею и плечи, обрамляя прекрасное лицо с живыми веселыми глазами, сделанными из сиреневых аметистов. В руках Килф бережно держала цветок водяной лилии и осколок какого-то пористого красного камня, названия которого Эрагон не знал.

– Что это за камень? – спросил он.

– Коралл, добытый в глубинах моря, граничащего с Беорскими горами.

– Коралл?

– Ну да. Наши ныряльщики нашли его, охотясь за жемчугом. Ведь в морской воде некоторые камни растут, подобно растениям.

Эрагон смотрел и удивлялся. Он никогда не думал, что камни могут расти, как живые существа. Но вот оно, доказательство! Значит, чтобы жить, расти и, может быть, даже *цвести*, этим камням, кораллам, нужны всего лишь вода и соль! А что, если растут и другие камни? Тогда становится понятно, почему на полях в долине Паланкар все время продолжали появляться валуны, хотя каждую весну землю там тщательно очищали от камней и перепахивали. Они просто росли!

Далее Ганнел перешел к статуям бога Урура, властелина воздуха и неба, и его брата Морготала, бога огня. Возле карминного цвета статуи Морготала он задержался особенно долго, рассказывая Эрагону, как братья-божества любили друг друга, любили так сильно, что просто жить не могли друг без друга. А потому сверкающий огнем дворец Морготала весь день сияет в небесах, а искры от его горна вспыхивают у нас над головой каждую ночь. И еще он рассказал о том, что Уруру приходится непрерывно кормить своего брата, иначе тот может умереть.

Они двинулись дальше, к двум оставшимся статуям – богини Синдри, Матери-земли, и бога Хельцвога.

Статуя Хельцвога отличалась ото всех остальных. Обнаженный бог низко склонился над куском кремня размером со среднего гнома, как бы поглаживая его концом указательного пальца. Мускулы у него на спине напряглись и выступали мощными узлами, но на лице была написана невероятная нежность – как у отца, когда он смотрит на новорожденного сына.

А Ганнел сказал еле слышно:

– Гунтера, возможно, и царь богов, но именно Хельцвог царствует в наших сердцах. Именно он ранее других понял, что землю должны заселить разные народы, когда с великанами было покончено. Другие боги не соглашались с ним, но Хельцвог не стал их слушать и втайне создал из корней горы первого гнома.

Когда о его поступке стало известно, ревность и зависть охватили богов. Гунтера создал эльфов, желая сохранить свою власть в Алагейзии; Синдри сделала из земли первых людей, а Урур и Морготал объединенными усилиями создали драконов и выпустили их на землю. И только одна Килф воздержалась от участия в этом процессе.

Эрагон слушал Ганнела с огромным интересом; он чувствовал, что жрец искренне верит во все это, и не решался задать вертевшийся на языке вопрос: «Откуда все это стало известно?» Эрагон чувствовал, что задавать этот вопрос ни в коем случае нельзя, а потому просто молча кивал.

– А теперь, – сказал Ганнел и допил наконец свой эль, – поговорим о наиболее важных наших обычаях. Кое-что, насколько я знаю, тебе уже рассказывал Орик Итак, все гномы должны быть непременно похоронены в камне, иначе их души никогда не воссоединятся с Хельцвогом в его чертогах. Ведь мы родились и вышли на свет не из земли, не из воздуха и не из огня, а из камня. И теперь, поскольку ты тоже принадлежишь к клану Ингеитум, твоя священная обязанность достойно похоронить любого гнома, которому случится умереть с тобою рядом. Если же ты не сумеешь этого сделать – и в то же время не будешь ни ранен, ни окружен смертельными врагами, – Хротгар подвергнет тебя изгнанию, и все гномы навсегда отвернутся от тебя. – Ганнел распрямил плечи и строго посмотрел на Эрагона. – Тебе еще очень многому предстоит научиться, однако же это главное, и если ты будешь об этом помнить, все у тебя сложится как надо.

– Я не забуду, – сказал Эрагон.

Удовлетворенный его ответом, Ганнел повел его прочь из святилища, и они долго поднимались куда-то по винтовой лестнице. На одной из ступенек Ганнел остановился, сунул руку за пазуху и достал довольно простую серебряную цепочку, на которой висел миниатюрный молот. Он протянул цепочку Эрагону и пояснил:

– А это я выполняю еще одну просьбу Хротгара. Он беспокоится, что Гальбаторикс все же успел составить некое представление о тебе, по крохам собрав те сведения, что содержались

в памяти Дурзы, раззаков или тех воинов, что хотя бы случайно видели вас с Сапфирой на просторах Империи.

– А почему мне нужно этого бояться?

– Потому что в таком случае Гальбаторикс сможет увидеть тебя в магическом кристалле.

А возможно, уже и увидел.

От осознания этого по спине Эрагона пополз противный холодок. «Надо было самому догадаться!» – рассердился он на себя.

– Пока этот амулет на тебе, он не позволит никому увидеть в магическом кристалле ни тебя, ни твоего дракона. Я сам наложил чары и думаю, что они способны выстоять даже перед самым сильным воздействием магии. Но предупреждаю: когда это ожерелье начнет действовать, оно станет понемногу забирать у тебя силы, и продолжаться это будет до тех пор, пока ты его не снимешь или же просто не минует грозящая тебе опасность.

– А если я в этот момент буду спать? Не может ли ожерелье поглотить всю мою силу, прежде чем я это осознаю и проснусь?

– Нет. Оно разбудит тебя.

Эрагон повертел в руках маленький серебряный молот. Он знал, как трудно противостоять неведомым магическим чарам, особенно чарам могущественного Гальбаторикса. Но если Ганнел настолько силен в магии, то нет ли тут подвоха? Мало ли какими еще чарами наделил он свой амулет? Он заметил, что по крошечной рукояти молота тянется цепочка рун, и прочитал: «Астим Хефтхин». Лестница как раз кончилась, и он спросил:

– А почему гномы используют при письме те же руны, что и люди?

Впервые за сегодняшний день Ганнел от души рассмеялся, даже могучие его плечи затряслись; смех жреца гулко разнесся по всему храму, и он, продолжая смеяться, пояснил:

– Спрашивать нужно иначе: почему люди пользуются нашими рунами? Когда твои предки высадились в Алагейзии, они не умели ни читать, ни писать, точно лесные звери. Но вскоре они приняли на вооружение наш алфавит и приспособили его к вашему языку. Некоторые из ваших слов тоже взяты из языка гномов – например, слово «фартхен», что значит «отец».

– То есть Фартхен Дур – это... – Эрагон надел цепочку с молотом на шею и спрятал под рубахой.

– «Наш Отец».

Остановившись у какой-то дверцы, Ганнел подтолкнул Эрагона, и они вышли на резную галерею, тянущуюся под самым куполом по периметру всего Кельбедея. С галереи был виден весь огромный город, раскинувшийся на террасах за раскрытыми арками ворот.

Но внимание Эрагона привлек не этот великолепный вид: вдоль всей внутренней стены галереи тянулись, плавно перетекая одна в другую, дивные картины, словно бесконечный рассказ, повествующий о жизни гномов с того момента, когда первые из них были созданы богом Хельцвогом. Фигуры гномов, людей, эльфов и прочих живых существ, а также все предметы были выпуклыми, что придавало им удивительную реалистичность, и написаны на редкость яркими и сочными красками с тщательнейшей прорисовкой даже мельчайших деталей.

– Как же это сделано? – спросил потрясенный Эрагон, не в силах оторвать глаз от прекрасной картины.

– Каждая сценка вырезана на отдельной мраморной пластине, – пояснил Ганнел, – затем изображение покрыли разноцветной эмалью, а уж затем сложили воедино.

– А разве не проще было бы воспользоваться обычными красками?

– Проще, конечно, – сказал Ганнел. – Но нам хотелось, чтобы эти картины существовали долгие века, даже тысячелетия, не меняя цвета. Эмаль никогда не выгорает и не теряет своего блеска в отличие от масляных красок. Вот эта первая секция, например, создана всего деся-

тилетие спустя после завершения строительства Фартхен Дура и задолго до того, как эльфы ступили на землю Алагейзии.

Вождь взял Эрагона за руку и повел по галерее, каждый их шаг соответствовал, казалось, знаниям о бесконечно далеких годах и веках.

Эрагон увидел, как гномы существовали в виде разрозненных кочевых племен и бродили с места на место по бескрайним равнинам, пока земли вокруг не превратились в пустыню с таким жарким климатом, что гномам пришлось мигрировать на юг, к Беорским горам. «Ага, так речь идет о пустыне Хадарак!» – догадался он.

Рассматривая бесконечную череду картин, Эрагон словно сам становился свидетелем того, что происходило с гномами на протяжении всей их долгой истории, – приручения фельдуностов, создания Исидар Митрим, первого знакомства с эльфами, возведения на трон различных королей. Драконы также довольно часто фигурировали в жизни гномов, в основном сжигая и убивая бесчисленное множество живых существ. Видя это, Эрагон лишь с трудом мог сдержать себя: ему очень хотелось вслух высказать все, что он думает по поводу столь предвзято изображенной кровожадности драконов.

Наконец он остановился перед картиной, посвященной войне между эльфами и драконами. Ему давно уже хотелось побольше узнать об этом. Но гномы изобразили это событие со своей точки зрения, сделав особый упор на то, какие чудовищные беды и разрушения принесли Алагейзии эти народы, начав между собой войну. Далее целая череда различных эпизодов была связана с тем, как безжалостно эльфы и драконы истребляли друг друга, и каждый новый эпизод казался еще более кровавым, чем предыдущий. Наконец в сплошном мраке мелькнул луч света: художник изобразил юного эльфа, стоявшего на коленях на краю утеса и державшего в руках белое драконье яйцо.

– Так это и есть?.. – прошептал Эрагон.

– О да, это Эрагон, самый первый Всадник. И получился он очень похоже, потому что согласился сам позировать нашему художнику.

Эрагон восхищенно вглядывался в лицо того, в чью честь получил свое имя. Странно, он всегда казался ему... более взрослым. У Эрагона-эльфа были треугольные глаза, хотя смотрел он в землю, крючковатый нос и узкий длинный подбородок, что придавало его внешности некоторую свирепость. Он ничуть не был похож на Эрагона, и все же... его напряженно вздернутые плечи сразу напомнили Эрагону, какое ощущение возникло у него самого, когда он нашел яйцо Сапфиры. «А мы не так уж и сильно отличаемся друг от друга, дорогой тезка, – думал он, касаясь холодной эмали. – А уж когда мои уши заострятся и станут похожи на твои, мы и вовсе вполне за братьев сойдем... Интересно, ты бы одобрил мои поступки?» Во всяком случае, один раз они оба уже сделали одинаковый выбор: сохранили найденное драконье яйцо и стали Всадниками.

Услышав, как у него за спиной скрипнула дверь, Эрагон обернулся и увидел Арья. Она шла к ним с дальнего конца галереи, равнодушно поглядывая на картины. Эрагон уже видел у нее такое лицо – когда она стояла перед Советом Старейшин. Ни тогда, ни сейчас ничего прочесть по лицу Арьи было нельзя, и все же он чувствовал, что она крайне недовольна тем, что здесь происходит.

Арья поздоровалась и спросила у Ганнела:

– Обучаешь Эрагона своей мифологии?

По лицу гнома скользнула бледная улыбка.

– Всегда следует хорошо знать верования и обычаи того общества, к которому принадлежишь.

– И все же знать еще не значит верить. – Арья провела пальцем по столбу, подпиравшему одну из арок. – Как и насаждение тех или иных представлений и верований еще не значит, что

тот, кто этим занимается, делает это исключительно из просветительских соображений, а не... ради собственной выгоды.

– Ты станешь отрицать то, что наш клан идет на огромные жертвы ради сохранения спокойствия своих братьев по крови?

– Я ничего отрицать не стану. Я бы только хотела спросить: сколько добрых дел вы могли бы совершить, распределив хотя бы часть вашего богатства между голодными и бездомными или купив необходимые припасы для варденов? Впрочем, вы предпочитаете тратить огромные средства на свои великолепные эмали, помогающие вам по-прежнему выдавать желаемое за действительное.

– Довольно! – Гном сжал кулаки, на лице у него выступили крупные капли пота. – Да без нас зерно сгорит в полях от засухи, переполнятся реки и озера, а стада наши станут приносить лишь одноглазых уродов! И тогда сами небеса содрогнутся от гнева наших богов! (Арья безмятежно улыбалась, слушая его, но не говорила ни слова.) Нас спасают от этих бед только *наши* молитвы, *наше* служение богам. Если бы не Хельцвог, где...

Этот спор вскоре утратил для Эрагона всякий смысл. Он не понимал, почему Арья так нападает на Дургримст Кван. Судя по запальчивым ответам Ганнела, она, видимо, доказывала, что богов, которым поклоняются гномы, вообще не существует, подвергала сомнению здравомыслие тех, кто посещает этот храм, и перечисляла многочисленные недостатки их основной доктрины. И все это – чрезвычайно приятным и вежливым тоном.

После очередной весьма продолжительной тирады Ганнела Арья, подняв руку и призывая его к молчанию, заметила:

– В том-то и вся разница между нами, Гримстборитх Ганнел. Ты посвятил свою жизнь тому, что считаешь истинно существующим, но доказать этой истинности не можешь. И давай договоримся: согласия между нами нет и быть не может. – Она повернулась к Эрагону – Представители клана Слезы Ангуин успешно настраивают жителей Тарнага против вас с Сапфирой, зреет мятеж, и Ундин считает – и я разделяю его мнение, – что тебе лучше оставаться за стенами его замка, пока мы не покинем этот город.

Эрагону очень хотелось еще полюбоваться чудесами храма Кельбедиль, но он понимал: если им грозит беда, его место рядом с Сапфирой. Он поклонился Ганнелу и попросил извинить его.

– Тебе вовсе не обязательно извиняться, Губитель Шейдов, – сказал тот, гневно сверкнув глазами в сторону Арьи. – Делай, что должен, и да пребудет с тобой благословение Гунтеры.

Эрагон вышел из храма вместе с Арьей, и они в сопровождении дюжины воинов двинулись через город, слушая гневные крики толпы. Совсем рядом с ними по крыше прогремел брошенный кем-то камень. Над окраиной Тарнага поднималось темное перо дыма.

Вернувшись в замок Ундина, Эрагон поспешил в свою комнату и быстро натянул стальную кольчугу, надел латы, натянул кожаную шапочку, поверх которой надевают шлем, и опоясался мечом. Собрав остальные вещи в заплечный мешок и седельные сумки, он бегом спустился во двор и лишь тогда позволил себе немного передохнуть, устроившись возле правой передней лапы Сапфиры.

«Тарнаг похож на разворошенный муравейник», – заметила дракониха.

«Будем надеяться, что нас все-таки не побьют», – откликнулся Эрагон.

Вскоре к ним присоединилась Арья, а посреди двора выстроился целый отряд из полусотни отлично вооруженных гномов. Гномы ждали совершенно спокойно, даже равнодушно, лишь изредка перебрасываясь отрывистыми ворчливыми фразами и поглядывая на крепко запертые ворота и на гору, что возвышалась у них за спиной.

– Они очень опасаются, – сказала Арья, садясь рядом с Эрагоном, – что эта толпа может помешать нам добраться до плотов.

– Сапфира может перенести нас.

– Да? И Сноуфайра тоже? И воинов, которых дал нам Ундин? Нет уж, если нас остановят, придется просто подождать, пока гнев взбудораженных гномов не уляжется сам собой. – Она внимательно посмотрела на темнеющее небо. – К сожалению, ты умудрился оскорбить слишком многих. Впрочем, это, наверное, было неизбежно: их кланы никогда не могли прийти к согласию; то, что нравится одним, бесит других.

Эрагон пальцем провел по краю своей кольчуги.

– Теперь я уже жалею, что принял предложение Хротгара.

– Это да. А вот в отношении Насуады ты, по-моему, поступил правильно. И вся вина – если тут вообще есть чья-то вина, – лежит целиком на Хротгаре: он не должен был делать тебе такого предложения. Уж он-то лучше других понимал, каковы будут его последствия.

Некоторое время оба молчали. Гномы, которым надоело стоять, принялись маршировать по двору, разминая ноги. Наконец Эрагон спросил:

– У тебя в Дю Вельденвардене есть семья?

Арья ответила не сразу.

– Нет. Во всяком случае, никого из тех, с кем я была бы близка.

– А почему... почему так?

Она опять помолчала.

– Видишь ли, им не понравилось, что я согласилась стать посланницей королевы; им это занятие казалось недостойным. Я же не посчиталась с их возражениями и по-прежнему ношу на плече татуировку иавё, что значит «узы доверия», ибо я посвятила себя служению во благо всего нашего народа. Этот знак обязывает каждого эльфа помогать мне, как и кольцо, которое дал тебе Бром. Вот только родня моя меня видеть не желает.

– Но ты стала посланницей семьдесят лет назад! – возмутился Эрагон.

Арья не ответила и отвернулась, пряча лицо за прядью длинных волос. Эрагон попытался представить себе, каково ей пришлось, когда от нее отвернулась вся семья, а общаться приходилось только с представителями двух совершенно иных народов. Ничего удивительного, что она такая замкнутая! Чтобы нарушить затянувшееся молчание, Эрагон спросил:

– А за пределами Дю Вельденвардена есть еще эльфы?

По-прежнему пряча лицо под волосами, Арья сказала:

– Из Эллесмеры мы тогда выехали втроем... Фаолин и Гленвиг всегда сопровождали меня, когда мы переправляли яйцо Сапфиры в Тронжхайм. Но Дурза устроил нам засаду, и в живых осталась я одна.

– А какими были те двое?

– Гордыми. Настоящими воинами. Гленвиг любил мысленно разговаривать с птицами. Он частенько стоял в лесу, окруженный целой стаей певчих птиц, и часами слушал их музыку. А потом без конца напевал всякие прелестные мелодии.

– А Фаолин? – спросил Эрагон.

На этот раз Арья не ответила, лишь сильнее стиснула свой лук. Эрагон смутился и, стараясь сменить тему, спросил:

– Почему ты так сильно не любишь Ганнела?

Она вдруг повернулась к нему, и он, почувствовав на щеке нежное прикосновение ее пальцев, даже вздрогнул от неожиданности.

– А об этом, – сказала Арья, – мы поговорим в другой раз. – Она встала и медленно пошла прочь.

Эрагон растерянно смотрел ей вслед. «Я не понимаю...» – сказал он Сапфире, прижимаясь к ее теплому боку. Но та в ответ лишь ласково фыркнула и свернулась клубком, заботливо укрыв Эрагона крылом.

Долина темнела. Эрагон с трудом боролся со сном. Несколько раз он доставал ожерелье, подаренное ему Ганнелом, и пытался обнаружить, какие еще магические чары мог наложить на

него жрец, но не обнаружил ничего, кроме охраняющего заклятия. Наконец ему это надоело. Сунув ожерелье под рубашку, он прикрылся щитом и устроился поудобнее.

При первых же проблесках рассвета – сумерки здесь затягивались чуть ли не до полудня – Эрагон разбудил Сапфиру. Гномы поспешно смазывали оружие, чтобы как можно тише прокрасться по темным еще улицам Тарнага. Ундин велел Эрагону обмотать тряпками когти Сапфиры и копыта Сноуфайра.

Когда все было готово, Ундин собрал своих воинов в довольно плотное каре, в центре которого находились Эрагон, Сапфира и Арья. Ворота осторожно отворили – хорошо смазанные петли даже не скрипнули, – и отряд стал спускаться к озеру.

Тарнаг казался безлюдным; жители его еще спали, а те немногочисленные гномы, что встречались им на пути, молча смотрели на них и тут же растворялись в полумраке, точно привидения.

У спуска на каждую следующую террасу стража, стоявшая в воротах, без лишних слов почтительно отступала в сторону. Вскоре дома остались позади, потянулись пустынные поля, опоясывавшие подножие Тарнага. Миновав поля, они вышли на гранитную набережную, за которой расстилалась спокойная серая гладь озера.

Их уже поджидали два широких плота. На первом сидели на корточках два гнома, на втором – четыре. При виде Ундина они встали и почтительно поклонились.

Эрагон помог гномам стреножить Сноуфайра, завязал ему глаза и втащил упиравшегося жеребца на второй плот, где коня заставили опуститься на колени и крепко привязали. Сапфира аккуратно соскользнула с набережной в воду и, ловко гребя лапами, отплыла от берега; на поверхности виднелась лишь ее голова.

Ундин крепко пожал Эрагону руку.

– Здесь мы с тобой расстанемся. Я даю тебе своих лучших людей. Они будут охранять тебя до самых границ Дю Вельденвардена. – Эрагон попытался поблагодарить его, но Ундин покачал головой: – Нет, благодарности тут ни к чему. Это моя святая обязанность. И мне очень стыдно, что твое пребывание здесь было омрачено недалёковидной ненавистью Аз Свелдн рак Ангуин.

Эрагон низко поклонился ему и взошел на первый плот вместе с Ориком и Арьей. Плот сразу же отчалил; гномы ловко отталкивались длинными шестами, и, когда совсем рассвело, оба плота уже подходили к устью реки Аз Рагни; Сапфира плыла между ними.

Бриллианты в ночи

«Империя осквернила мой дом» – так думал Роран, слушая печальные стоны людей, раненных прошлой ночью во время сражения с раззаками и их солдатами. Гнев и ужас терзали его душу, ему казалось, что все тело охвачено каким-то болезненным ознобом; щеки горели, он задыхался. И чувствовал, что за одну лишь ночь повзрослел сразу лет на десять.

Пока знахарка Гертруда возилась с ранеными, Роран сходил к дому Хорста и увидел, что созданные ими баррикады разрушены теми взрывами, которые устроили раззаки. Все эти груды досок, пустых бочонков и камней оказались для них, к сожалению, недостаточным препятствием.

По Карвахоллу теперь осмеливались ходить немногие, да и у тех глаза, казалось, остекленели от пережитого ужаса и усталости. Роран тоже очень устал, он даже вспомнить не мог, когда еще так сильно уставал. Он уже вторую ночь не спал, а руки, плечи и спина ныли после тяжелой битвы.

Едва войдя в дом, Роран сразу увидел Илейн; она стояла у открытой двери в столовую, откуда доносился ровный гул голосов. Илейн кивнула ему и продолжала слушать.

У Хорста собрались все наиболее уважаемые жители Карвахолла. Следовало решить, как быть дальше и стоит ли наказывать Хорста и его сторонников за проявленную инициативу. Спор продолжался с раннего утра.

Роран потихоньку пробрался в комнату. Вокруг длинного обеденного стола сидели Биргит, Лоринг, Слоан, Гедрик, Дельвин, Фиск, Морн и еще несколько человек. Хорст занял место во главе стола.

– ...И я говорю, что это глупо и безответственно! – говорил Кизельт, опершись костлявыми локтями о столешницу. – С какой стати вы подвергли такой опасности...

Морн прервал его, махнув рукой:

– Это мы уже обсуждали, Кизельт. Чего уж теперь кулаками махать – зряшное это дело. Впрочем, и я поступил бы так же: Квимби был моим другом, и у меня просто мороз по коже, когда я думаю, что эти твари могли сделать с Рораном. И все же хотелось бы знать, как нам теперь выбраться из этого положения.

– Очень даже просто: перебить всех солдат, и точка! – заявил Слоан.

– А потом что? Ведь тут же других пришлют! Да эти, в алых рубахах, нас просто своей численностью задавят. Но даже если мы сдадим Рорана, это ничего хорошего нам не принесет: вы ведь слышали, что раззаки пообещали попросту перебить всех, если мы будем продолжать его укрывать, или продать всех в рабство, если мы его выдадим. У тебя, Кизельт, возможно, иные соображения, но я лично скорее умру, чем свою жизнь в рабстве закончить! – Морн покачал головой. – Нет, ребята, не выжить нам!

Фиск склонился над столом и негромко, но решительно предложил:

– Но ведь можно отсюда и уйти.

– А куда идти-то? – возразил ему Кизельт. – Позади Спайн, впереди солдаты, а за их спинами – вся Империя!

– А все твоя вина! – вскричал вдруг Тэйн, тыча пальцем в Хорста. – Теперь они сожгут наши дома, убьют наших детей, и все из-за тебя!

Хорст вскочил так стремительно, что с грохотом уронил стул.

– Где же твоя честь, парень? Неужели ты позволишь им пожрать нас и даже сдачи не дашь?

– Не дам. Это ведь сущее самоубийство! – Тэйн обвел гневным взглядом присутствующих, встал и бросился вон.

Гедрик, заметив Рорана, махнул ему рукой и сказал:

– Иди, иди сюда, мы тебя давно ждем.

Роран заложил стиснутые руки за спину, чувствуя, что на него разом уставились несколько пар гневных глаз.

– Скажите, что я могу сделать для деревни? – спросил он.

– Мы тут подумали и решили, – сказал Гедрик, – что нас не спасет уже ничто, даже если мы прямо сейчас выдадим тебя. А уж что могло бы быть, если б все сложилось иначе, теперь и говорить нечего. Придется, видно, готовиться к следующей атаке раззаков – иного выхода нет. Хорст обещал выковать еще наконечников для копий – а может, и другое оружие, если времени хватит.

Фиск готов сделать деревянные щиты. К счастью, его мастерская уцелела во время пожара. Ну, и кому-то надо заняться обороной – заграждения какие-то построить, сторожевые посты выставить. Мы бы хотели, чтобы этим занялся ты. Помощников мы тебе выделим достаточно.

Роран кивнул:

– Конечно. Сделаю все, что смогу.

Тара, сидевшая рядом с Морном, вдруг встала, горой возвышаясь над мужем. Тара была женщиной очень крупной, хоть и не молодой: в ее черных волосах уже мелькала седина. Но своими могучими руками она еще вполне могла и цыпленку шею свернуть, и уличных драчунов разнять.

– Ты уж постарайся, Роран, – сказала она. – Нам и так уже слишком многих хоронить придется. – Она повернулась к Хорсту: – В первую очередь людей похоронить нужно и детей в безопасное место отправить, а уж потом всем остальным заниматься. И тебе, Илейн, тоже лучше бы уйти. Мне кажется, на ферме Каули было бы спокойно.

– Я не оставлю Хорста, – спокойно ответила Илейн.

Тара тут же рассердилась:

– Это на шестом-то месяце беременности? Ты же ребенка потеряешь! Ничего с твоим Хорстом не сделается!

– Нет уж. Мне куда хуже будет, если я стану дрожать от страха за мужа и сыновей. Лучше я здесь останусь. Ничего, как-нибудь справлюсь. Я все-таки двоих уже родила. Да ведь и ты наверняка останешься. И многие другие женщины.

Хорст обошел вокруг стола, нежно сжал руку Илейн и сказал:

– Да и я бы хотел, чтобы ты рядом со мной осталась. А вот дети должны уйти. Не сомневаюсь, Каули о них хорошо позаботится. Но сперва нужно убедиться, что дорога к его ферме свободна.

– И не только убедиться! – прокрипел Лоринг. – Никто из нас в ту сторону долины и ходить не должен! Тамошные фермеры все равно помочь нам не смогут, зато эти... осквернители запросто до них доберутся.

Все с ним согласились, понимая, что пора расходиться по домам. Впрочем, вскоре большая часть жителей Карвахолла собралась на деревенском кладбище за домом Гертруды. Девять закутанных в белые саваны покойников уже ждали у вырытых могил; у каждого на груди лежала веточка болиголова, и каждому на шею заботливая Гертруда надела серебряный амулет.

Громко перечислив имена погибших – Парр, Виглиф, Гед, Бардрик, Хейл, Гарнер, Килби, Мелколф и Олбим, – она каждому закрыла глаза черными плоскими камешками, воздела руки к небесам и принялась читать поминальную молитву. Слезы так и текли из уголков ее закрытых глаз, а голос ее то возвышался, то стихал в такт горьким и торжественным словам, повествующим о земле, о ночи и о том извечном горе, которое всегда приходит не ко времени и от которого никому из нас не уйти...

Когда смолкло последнее слово молитвы, воцарилась полная тишина. Помолчав, родственники и друзья погибших стали вспоминать вслух, какими хорошими были при жизни эти люди. Потом тела опустили в землю.

А Роран не мог отвести глаз от холмика земли над безымянной могилой, где похоронили убитых в схватке солдат. «Один убит Нолфаврелем, а два – мною», – подумал он и сразу вновь почувствовал, как сопротивлялась ударам его молота плоть врага, как хрустели, превращаясь в месиво, кости... Тошнота вдруг подступила к горлу: «Это же я их убил! Но ведь не хотел никого убивать!» Ему казалось, что отныне на лбу у него стоит кровавое клеймо.

Он ушел с кладбища при первой же возможности – даже не остановился, чтобы поговорить с Катриной. Взобравшись на холм, откуда хорошо был виден весь Карвахолл, он пытался представить себе, как лучше расставить сторожевые посты и что предпринять для обороны деревни. К сожалению, дома стояли друг от друга слишком далеко, чтобы соединить их заграждением. Вряд ли было бы разумно допускать схватку с солдатами прямо под стенами домов – ведь окажутся вытоптаннами все сады и огороды. С востока деревню защищала река Анора, но с трех сторон Карвахолл оказывался совершенно незащищенным. И Роран совсем не был уверен, что за несколько часов можно построить сколько-нибудь мощную преграду для раззаков и их отряда.

Вдруг в голову ему пришла одна идея. Выбежав на центральную площадь, он громко крикнул:

– Эй! Кто может помочь мне рубить деревья?

Уже через несколько минут к нему стали подходить мужчины. Но Роран не умолкал:

– Еще, еще! Мне нужны еще люди!

Один из сыновей Лоринга, Дарммен, пробился к Рорану и спросил:

– Ты что делать-то собрался?

Роран ответил ему громко, чтобы слышали все:

– Надо построить вокруг Карвахолла стену – чем толще, тем лучше. Я прикинул: если срубить побольше деревьев, уложить их друг на друга и заострить оставшиеся сучья, то раззакам трудновато будет через такую преграду перебраться.

– И сколько же деревьев потребуется? – спросил Орвал.

Роран прикинул что-то в уме и сказал:

– По крайней мере полсотни. А может, и все шестьдесят. – Орвал чертыхнулся, начались споры, но Роран крикнул: – Погодите! – Он пересчитал собравшихся: их оказалось сорок восемь. – Если каждый из вас в течение этого часа сумеет свалить хотя бы одно дерево, то и спорить будет не о чем. Сможете?

– Ты за кого нас принимаешь? – обиженно спросил Орвал. – Когда это мне нужен был целый час, чтобы дерево срубить? Лет в десять?

– А что вы скажете насчет ежевики? – спросил Дарммен. – По-моему, очень неплохо еще и ее побегами ветки обмотать. Сквозь такие колючки мало кто пролезет.

Роран усмехнулся:

– Отличная мысль! А ваши сыновья пусть запрягут лошадей и помогут нам деревья подтаскивать. – Все тут же бросились по домам за топорами и пилами. Роран едва успел остановить Дарммена и сказал ему: – Вы постарайтесь выбирать такие деревья, у которых ветки растут с самого низа и до верхушки.

– А ты разве не с нами? – спросил Дарммен.

– Нет, я попытаюсь еще одну линию обороны создать. – И Роран поспешил к дому Квимби.

Биргит забивала окна досками.

– Ну? – спросила она, вопросительно на него глянув.

Роран быстро рассказал ей про стену из поваленных деревьев и объяснил, что хорошо бы еще вырыть ров с внутренней стороны этой стены, а в дно рва вбить острые колья и еще... Но Биргит прервала его:

– Ты чего добиваешься, Роран?

– Мне нужно, чтобы ты собрала всех женщин и детей постарше – в общем, всех, кто может копать. Мне одному с такой задачей не справиться, а мужчины отправились валить деревья... – Роран просительно посмотрел ей в глаза.

Биргит нахмурилась:

– Почему ты обратился именно ко мне?

– Потому что ты, как и я, больше других имеешь причины ненавидеть раззаков. И уверен, ты сделаешь все возможное, чтобы остановить их.

– Это верно, – прошептала Биргит. Она помолчала, потом вдруг хлопнула в ладоши и сказала: – Ладно, будь по-твоему! Но учти, Роран, сын Гэрроу, я никогда не забуду, что это ты и твоя семья навлекли на моего мужа погибель!

Ответить Роран не успел: Биргит сразу же повернулась к нему спиной и пошла прочь. Впрочем, он и не собирался спорить, прекрасно понимая, как она ожесточилась после утраты мужа. Хорошо еще, что ей в голову не пришло мстить ему. «Только кровной мести нам и не хватало!» – думал Роран, спеша туда, где через Карвахолл проходит главная дорога. Это было самое слабое место, и его следовало укрепить в первую очередь, и как следует, чтобы раззаки не смогли снова запросто ворваться в деревню.

Вместе с Балдором они принялись копать через дорогу глубокую канаву.

– Мне скоро уйти придется, – предупредил Балдор, ритмично работая киркой. – Надо отцу помочь.

Роран что-то пробурчал в ответ, не поднимая глаз. У него из головы не шли убитые им солдаты и то ужасное, ужасное ощущение, когда он разбивал молотом живое человеческое тело, точно какой-то гнилой пень. Ему снова стало не по себе, к горлу подступила тошнота. Пришлось прерваться и посмотреть по сторонам. В Карвахолле кипела работа; все готовились к новому нападению и явно не собирались сдаваться.

Когда Балдор ушел, Роран продолжал копать, и в одиночку ему удалось вырыть поперек дороги довольно глубокую, почти по пояс глубиной, канаву. Потом он сходил к плотнику Фиску и с его разрешения выбрал у него в мастерской пять прочных толстых кольев. Привязав колья к лошади, Роран оттащил их к вырытому рву и стал вбивать в дно, желая создать непреодолимое препятствие на пути любого, кто захочет непрошеным проникнуть в Карвахолл.

Он утрамбовывал землю вокруг очередного вбитого кола, когда к нему подбежал Дарммен:

– Мы нарубили деревьев и уже подтащили часть к северной околице. Там их сейчас как раз укладывают.

Роран вместе с ним бросился туда. На околице Карвахолла дюжина мужчин сражалась с четырьмя ветвистыми соснами, а лошади, погоняемые мальчишками, уже приволокли с холмов еще деревья.

– Остальных людей просто из леса не вытащить, – сказал Дарммен. – Рубят и рубят. Похоже, решили весь лес вырубить.

– Это хорошо. Чем больше деревьев, тем лучше!

Дарммен указал ему на груды колючих плетей ежевики, висевшую на краю поля, принадлежащего Кизельту.

– Это я на берегу Аноры нарезал, – сказал он. – Можешь пока использовать, как сочтешь нужным, а я пойду еще ежевику поищу.

Роран благодарно хлопнул его по плечу и побежал к восточной окраине Карвахолла, где женщины, дети и пожилые мужчины, выстроившись цепью, дружно копали землю. Бир-

гит командовала здесь, точно генерал на поле битвы; она же распределяла среди копальщиков воду. Ров был уже футов пять в ширину и два в глубину. Когда Биргит наконец заметила подошедшего Рорана и остановилась, с трудом переводя дух, он восхищенно заметил:

– Ну и здорово вы поработали! Я и не ожидал, что вы столько успеете!

Она, откинув с разгоряченного лица прядь волос и не глядя на него, сказала:

– Для начала-то мы землю вспахали. Сразу легче стало.

– А для меня-то заступ найдется? – спросил Роран.

Биргит молча указала ему на целую грудку лопат и кирок, и он направился туда, по дороге заметив знакомую медную шевелюру Катрины и рядом с ней Слоана, который с таким остервенением рубил киркой мягкую податливую землю, словно хотел прорубить земную кору насквозь, содрать с земли ее глинистую шкуру и выставить напоказ обнаженные мускулы. Взгляд мясника был совершенно безумным, зубы оскалены, лицо страшно напряжено, и он, похоже, даже не замечал, что в полуоткрытый рот ему летят комочки грязи.

Роран почувствовал, как по спине у него пробежал неприятный холодок. Стараясь не встречаться с налитыми кровью глазами мясника, он прошел мимо, схватил заступ и тут же принялся за работу, стараясь выбросить из головы все прочие мысли.

Они копали весь день без перерывов на еду или отдых. Ров становился все длиннее и глубже; теперь он уже опоясал две трети деревни, достигнув берега Аноры. Всю вынутую землю складывали на внутренней стороне рва, создавая дополнительный барьер на пути неприятеля; взобраться на эту насыпь со дна рва было бы довольно затруднительно.

Стену из поваленных деревьев закончили еще до обеда. Роран помогал острить концы ветвей, к тому же старательно опутанных длинными колючими плетями ежевики. Иногда, правда, приходилось на время отодвигать то или иное дерево: Айвор и другие фермеры с близлежащих земель вместе со своими домочадцами и скотиной тоже стремились укрыться в более безопасном Карвахолле.

К вечеру построенные укрепления выглядели настолько неприступными, что это превосходило все тайные ожидания Рорана. Впрочем, требовалось еще хотя бы несколько часов работы, чтобы все закончить как следует.

Роран сидел на земле, передыхая и грызя краюшку хлеба; над головой сияли звезды; глаза туманила усталость. Вдруг его плеча коснулась чья-то рука; он поднял голову и увидел Олбриха.

– Держи. – И Олбрих протянул ему довольно тяжелый щит, сделанный из грубо пригнанных друг к другу досок, и шестифутовое копье. Роран с благодарностью принял оружие, а Олбрих двинулся дальше, раздавая копья и щиты.

Роран заставил себя встать и, прихватив свой молот, полностью вооруженный пошел к дороге, где стояли на часах Балдор и еще двое селян.

– Разбудите меня, когда отдохнуть захотите, – сказал им Роран и прилег на траву под свесом крыши ближайшего дома, положив рядом свое оружие, чтобы и в темноте можно было сразу его найти. Он закрыл глаза, мечтая забыться сном, но тут кто-то прошептал ему прямо в правое ухо:

– Роран...

– Катрина? – Он попытался сесть, но свет слепил его. Наконец Катрина поставила свой фонарь на землю, и он перестал мучительно шуриться и моргать. – Что ты здесь делаешь?

– С тобой повидаться хотела. – Ее глаза, полные, казалось, ночных теней, выглядели на бледном лице какими-то загадочными. Взяв Рорана за руку, она отвела его подальше от Балдора и остальных сторожей и усадила на скамейку, стоявшую под темной стеной дома. Нежно поцеловав его и погладив по щеке, она вопросительно посмотрела на него, но он слишком устал, чтобы ответить на ее ласку. Катрина чуть отодвинулась и спросила:

– В чем дело, Роран?

У него вырвался горький смех:

– В чем дело? Да в том, что весь мир перекосялся, точно разбитая рама от старинной картины! – Он стукнул кулаком себе по груди и воскликнул: – И я тоже... перекосялся! Стоит мне чуть-чуть расслабиться, и я снова вижу, как те солдаты истекают кровью под ударами моего молота... Я ведь УБИЛ ИХ, Катрина! И я не могу забыть их глаза! Они понимали, что сейчас умрут, что им не спастись... – Она чувствовала, как его бьет дрожь. – Они понимали это... И я понимал... И знал, что все равно сделаю это... – Он запнулся; горячие слезы покатались у него по щекам.

Катрина обнимала его, баюкала, а он пытался выплакать у нее на груди весь ужас этих последних дней. Он оплакивал Гэрроу и Эрагона, Парра, Квимби и других погибших; он оплакивал свою судьбу и судьбу всего Карвахолла. Он плакал до тех пор, пока в душе его не осталось никаких чувств, и она не стала похожа на сухую ячменную шелуху, что остается в риге после молотыбы.

Несколько раз глубоко вздохнув, Роран постарался взять себя в руки и наконец посмотрел на Катрину. Она тоже плакала, только беззвучно. Роран смахнул с ее ресниц слезинки, сверкавшие как бриллианты, как звездочки в ночи, и прошептал:

– Катрина... любимая... – Он несколько раз повторил это слово, точно пробуя его на вкус: – Любимая... Что я могу дать тебе, кроме своей любви? И все-таки скажи: ты выйдешь за меня замуж?

Ее лицо вспыхнуло искренней радостью и удивлением. Потом она вдруг смутилась, в глазах мелькнули тревога и сомнение. Да, конечно, зря он спросил об этом. Разве она может дать согласие без разрешения Слоана? Но Рорану было уже все равно; он хотел немедленно знать правду, знать, захочет ли сама Катрина разделить с ним жизнь.

И услышал ее тихий ответ:

– Да, Роран, конечно. Я выйду за тебя.

Под темнеющими небесами

В ту ночь пошел дождь.

Тяжелые тучи плотным одеялом окутали небо над долиной Паланкар. Тучи осторожно тянулись туманными руками к горам, наполняя воздух своим тяжелым влажным дыханием. Капли непрекращающегося дождя барабанили по густой листве деревьев, по тростниковым крышам и навесам; выкопанный вокруг Карвахолла ров превратился в реку жидкой грязи, а дождь все лил и лил, скрывая горы, дома и людей под своей полосатой завесой, колышимой порывами ветра.

Ливень несколько стих лишь к полудню, однако мелкий дождь все еще сеялся сквозь тяжело нависший туман, так что Роран моментально промок насквозь, едва успев принять вахту у заграждения на главной дороге. Присев на корточки под сложенной из бревен стеной, он стряхнул воду с плаща, поглубже надвинул капюшон и постарался не обращать внимания на холод и сырость, ибо, несмотря на ужасную погоду, душа его ликовала, ведь на его предложение Катрина ответила согласием! Теперь они оба считали себя помолвленными.

Рорану казалось, что какой-то недостающий кусок его души наконец-то снова встал на свое место, даровав ему уверенность в собственной теперешней неуязвимости. Он был безмерно счастлив. Перед его великой любовью меркла всякая опасность. Ему казалось, что все эти воины, раззак и даже сам Гальбаторикс – ничто, прах, который вспыхнет в костре его любви и тут же исчезнет.

Теперь его мучили совсем иные проблемы: как обеспечить безопасность Катрины, как спасти ее от гибели или рабства, если на Карвахолл все же обрушится гнев Гальбаторикса? Пока что Роран ничего нового придумать не смог. Лучше всего, думал он, глядя на скрывавшуюся в тумане дорогу, Катрине отправиться на ферму Каули, вот только вряд ли она согласится туда пойти. Конечно, если ей не прикажет Слоан... Надо попытаться убедить его, что Катрине нужно уходить из Карвахолла, решил Роран. Ведь и он наверняка хочет уберечь ее от страшной опасности.

Пока он обдумывал, как бы ему подобраться к мяснику, снова сгустились тучи, и струи дождя опять принялись хлестать деревню, выгибаясь дугой под сильными порывами ветра. Луи вокруг точно ожили – крупные дождевые капли прыгали в них, точно кузнечики.

Роран проголодался. Попросив Ларне, младшего сына Лоринга, сменить его, он пошел перекусить, осторожно перебегая от одного дома к другому и прячась за углами и навесами. Вдруг он с удивлением заметил на крыльце дома Олбриха, который яростно спорил с группой односельчан.

– ...Если ты не слепой! – кричал Ридли. – Прятался бы за тополями, вот они тебя и не заметили бы! А то сам пошел черт знает где, вот так и получилось!

– А ты бы взял да сам попробовал! – огрызнулся Олбрих.

– И попробую!

– Вот тогда и скажешь, как тебе стрелы на вкус понравились.

– Ничего, – поддержал Ридли Тэйн, – может, мы окажемся не такими косолапыми, как ты. Олбрих повернулся к нему, оскалив зубы:

– Сам ты косолапый! И слова у тебя такие же неуклюжие, как мозги! Я не дурак, чтоб своей семьей понапрасну рисковать и прятаться за какими-то жалкими тополями.

Тэйн побагровел от гнева и выпучил глаза.

– Ну что? – поддразнил его Олбрих. – Никак язык проглотил?

Тэйн взревел и попытался ударить Олбриха кулаком в лицо, но тот перехватил его руку и рассмеялся:

– У тебя и рука-то слабая, как у женщины. – И сильно толкнул Тэйна в плечо.

Тэйн пошатнулся, упал да так и остался лежать в грязи с недоуменным выражением на лице.

Опираясь о копьё, Роран одним прыжком взлетел на крыльцо и встал рядом с Олбрихом, не давая Ридли и его сторонникам наброситься на него.

– Все, хватит! – свирепо прорычал Роран. – Вы что, спятили? У нас и так врагов хватает. Если хотите, можно собрать людей – пусть решат, кто прав, Олбрих или Тэйн. Но друг с другом драться мы просто не можем себе позволить!

– Тебе хорошо говорить, – сплюнул Ридли. – У тебя ни жены, ни детей. – Он помог Тэйну подняться, и вся честная компания неторопливо пошла прочь.

Роран в упор посмотрел на Олбриха, физиономию которого уже украшал здоровенный лиловатый синяк, расплывшийся под правым глазом.

– С чего все началось?

– Да я... – Олбрих поморщился и пощупал скулу. – Мы с Дармменом на разведку пошли. Дело в том, что раззаки на холмах посты расставили. Оттуда хорошо видны и берега Аноры, и долина в оба конца. В общем, один-два человека смогли бы, наверное – да и то я не уверен! – как-то проползти мимо них, но детей там провести невозможно. Или пришлось бы убить несколько солдат, а это все равно что прямо сообщить раззакам: мы, мол, на ферму Каули путь держим.

Роран похолодел; страх, точно яд, проникал все глубже в душу и в кровь. Как же поступить? В голове у него мутилось от неотвратимости судьбы. Он обнял Олбриха за плечи:

– Идем, пусть Гертруда твой «фонарь» посмотрит.

– Нет уж. – Олбрих резко стряхнул его руку – У Гертруды и без меня забот хватает. – Он глубоко вздохнул, точно собираясь нырнуть в озеро, и решительно зашагал сквозь дождь к кузнице.

Роран посмотрел ему вслед, покачал головой и вошел в дом. Илейн сидела на полу в окружении группы детей; они острили наконечники для копий с помощью напильников и точильных камней. Роран поманил Илейн и, вместе с ней выйдя в другую комнату, рассказал ей о случившемся и о постах, расставленных раззаками вокруг деревни.

Илейн грубо выругалась – Роран никогда не слышал, чтобы она употребляла такие слова, – и спросила:

– И что, Тэйн действительно теперь объявит нам вражду?

– Возможно, – признался Роран. – Они оба, конечно, хороши, хотя Олбрих, пожалуй, действовал грубее. С другой стороны, Тэйн первым его ударил, так что вы и сами можете объявить ему вражду.

– Глупости, – оборвала его Илейн, накидывая на плечи шаль. – Пусть с ними обоими деревенский совет разбирается. Если решат, что мы должны заплатить штраф, так уж лучше заплатим, чем с соседями воевать. – И она снова присоединилась к детям.

Роран отыскал на кухне хлеб и мясо, поел, немного помог детям острить наконечники и, как только пришла Фельда, мать одного из ребят, оставил Илейн с детьми на ее попечение, а сам опять поспешил по совершенно раскисшей тропе к главной дороге.

Идти пришлось через весь Карвахолл. Один раз он так поскользнулся в грязи, что чуть не упал. Сидя на корточках и опираясь руками о землю, он мрачно смотрел вокруг, и вдруг из-за туч прорвался луч солнца; каждая капля, казалось, вспыхнула и зажглась, точно маленький хрустальный светильник, а Роран замер в немом восхищении этим маленьким чудом, совершенно позабыв о струях дождя, хлеставших его по лицу. Прогалина в тучах все расширялась, и вскоре на фоне голубого неба стали видны края мощных грозовых облаков, нависших над западной частью долины Паланкар и серой стеной скрывавших горизонт. В пронизанных косыми солнечными лучами струях дождя все вокруг – поля, кусты, лес, река, горы – вспых-

нуло неожиданно яркими красками и обрело необычайно четкие очертания. Казалось, живой мир вдруг превратился в мастерски выполненную чеканку.

И тут Роран заметил на дороге какое-то движение; с трудом оторвавшись от той красоты, что сияла вокруг, он пригляделся и увидел одного из воинов, мокрые доспехи которого сверкали на солнце, как молодой ледок. Некоторое время воин с изумлением взирал на оборонительные сооружения, появившиеся вокруг Карвахолла, потом резко повернулся и скрылся в золотистом тумане, стелившемся над дорогой.

– Солдаты! – заорал Роран, вскакивая на ноги. «Жаль, – подумал он, – у меня лука с собой нет!» Лук он нарочно оставил дома, не желая мочить его под дождем. Впрочем, его слегка утешало то, что солдатам будет очень и очень непросто просушить свое оружие.

Услышав его крик, жители деревни уже выбегали из домов и собирались у рва, поглядывая за стену из наваленных сосновых стволов с заостренными сучьями, на которых прозрачными кабошонами еще висели крупные капли дождя, в которых отражались десятки встревоженных глаз.

Роран вдруг обнаружил, что рядом с ним стоит Слоан, держа в левой руке один из грубоватых щитов, сделанных Фиском, а в правой – острый топорик-клевец с изогнутым лезвием. На поясе у мясника висела по крайней мере дюжина ножей, острых как бритва. Они с Рораном молча кивнули друг другу и вновь стали смотреть в ту сторону, где только что исчез солдат.

Не прошло и нескольких минут, как из тумана донесся громкий, но какой-то бесплотный голос одного из раззаков:

– Продолжая обороняться, вы сами подписываете себе смертный приговор! И с-с-скоро всех вас-с-с нас-с-стигнет с-с-смерть!

Ему ответил Лоринг:

– Только попробуйте сюда сунуться, паразиты! Гусеницы поганые! Трусливые кривоногие выродки со змеиными глазами! Мы вам черепушки-то мигом расколем и свиной вашим кровавым мясом накормим!

Что-то мелькнуло в воздухе, и копьё с негромким свистом вонзилось в деревянную дверь, возле которой стоял Гедрик.

– Немедленно укрыться щитами! – грозно приказал Хорст.

Роран едва успел спрятаться за щитом, глядя в щелку между торопливо пригнанными досками – и тут же еще с полдюжины копий просвистело над дорогой и вонзилось в землю.

Откуда-то из тумана донесся жуткий вопль боли.

Сердце у Рорана болезненно екнуло и быстро-быстро забилося. Сразу стало трудно дышать, хоть он и сидел не шелохнувшись; ладони и лоб взмокли. Послышался слабый звук бьющегося стекла, потом грохот взрыва, затрещали сучья...

Роран вскочил и вместе со Слоаном метнулся к северному концу деревни. Оказалось, что шестеро солдат уже растаскивают в стороны остатки расщепленных взрывом стволов. Чуть поодаль грозные, как сама смерть, высились в блестящих струях дождя фигуры раззаков на черных жеребцах. Не замедляя бега, Роран замахнулся копьем, но его первые удары воин сумел отразить закованной в латы рукой. Роран не сдавался; вскоре ему удалось проткнуть противнику бедро, а затем и нанести ему смертельный удар в горло.

Слоан, воя, точно бешеный зверь, орудовал своим клевцом. Когда он раскроил одному из воинов шлем вместе с черепом, двое других бросились на него с обнаженными мечами, но Слоану удалось ловко заблокировать удары щитом. Один из ударов оказался так силен, что меч нападающего застрял в кромке щита. Слоан резким рывком подтащил солдата к себе и вонзил ему прямо в глаз один из своих кривых ножей. Теперь мясник, вновь размахивая клевцом, кружил возле второго своего противника; на губах его играла жуткая, какая-то безумная усмешка.

– Ну что, хочешь, я тебя выпотрошу и на крюк подвешу, как свиную тушу? – спрашивал он, прямо-таки светясь какой-то кровавой отвagой.

В схватке Роран потерял копьё и едва успел выхватить молот и парировать удар меча, чуть не перерубившего ему ногу. Тот солдат, что вырвал у него копьё, теперь целился им прямо ему в грудь. Роран на лету перехватил копьё за древко – что удивило не только солдат, но и его самого, – извернулся и послал копьё в того, кто только что его метнул. Острый наконец-ник пронзил латы и застрял в ребрах. Впрочем, и сам Роран теперь остался без оружия и был вынужден отступить, отражая удары последнего воина. Вдруг он споткнулся об один из трупов и упал, сильно поранив лодыжку и едва успев перекатиться по земле и уйти от смертельного удара двуручного меча. Он судорожно шарил в жидкой грязи в поисках чего-нибудь – чего угодно! – что можно было бы использовать как оружие. Наконец пальцы нащупали рукоять утонувшего в грязи кинжала. Роран взмахнул им и что было силы ударил по правой руке нападавшего, отрубив ему большой палец.

Тот сперва тупо смотрел на окровавленный обрубок, потом вдруг сказал:

– Вот ведь что бывает, когда щитом не пользуешься!

– Ты прав, – откликнулся Роран и отрубил ему голову.

Самый последний солдат, вырвавшись из лап Слоана, бросился бежать к раззакам, равнодушно наблюдавшим за схваткой. Мясник слал ему вдогонку страшные ругательства и проклятья. И вдруг Роран с ужасом увидел, что как только солдат подбежал к раззакам, надеясь спрятаться за ними, две черные фигуры склонились с седел по обе стороны от несчастного и так стиснули ему шею своими скрюченными пальцами, что он лишь беспомощно вскрикнул, дернулся и обвис мешком. Бросив безжизненное тело на круп одного из своих коней, раззаки развернулись и поскакали прочь.

Рорана била дрожь. Он посмотрел на Слоана: тот чистил свои ножи.

– А ты здорово дрался! – сказал ему Роран, думая о том, сколько же в этом человеке оказалось звериной ярости и жестокости.

Слоан ответил сквозь зубы:

– Катрины моей им не видать! Никогда! Даже если мне придется перерезать и освежевать целый отряд! Или сразиться с тысячей ургалов! Да хоть с самим королем! Я любого в ключья разорву, я заставлю их в собственной крови захлебнуться, пусть только посмеют хоть царапинку ей нанести! – Он вдруг умолк, поджал губы и сунул тщательно вытертые ножи себе за пояс. А потом принялся оттащить расколотые взрывом куски стволов на прежнее место, пытаясь закрыть брешь в стене.

А Роран между тем оттащил мертвых солдат подальше от стены, все время думая: «Теперь я убил пятерых». Уложив трупы в ряд на мокрой земле, он выпрямился и огляделся, потому что, к своему удивлению, не слышал ничего, кроме шелеста дождя. «Но почему же никто не пришел нам на помощь? – подумал он вдруг. – Что там еще могло случиться?»

Вместе со Слоаном они направились к месту первого прорыва. Тела еще двух солдат висели на острых сучьях, но отнюдь не это сразу бросилось им в глаза. Хорст и другие жители деревни собрались вокруг какого-то маленького тела, лежавшего на земле. У Рорана перехватило дыхание. Это был Эльмунд, сынишка Дельвина. Копьё угодило ему прямо в бок. Родители сидели рядом с ним в грязи; их безучастные лица застыли как каменные.

«Ну, что-то же нужно сделать!» – мучительно пытался сообразить Роран, тоже опускаясь возле убитого на колени. В Карвахолле дети часто не доживали и до пяти лет, но Эльмунд был уже подростком, и все свидетельствовало о том, что он вырастет высоким и сильным, как отец. К тому же он – первенец в семье, а это пережить всегда труднее. Да нет, пережить это просто невозможно... Роран был в отчаянии. Катрина... дети... их всех необходимо защитить!

Но где им укрыться?.. Где?.. Где?.. Где?..

«Вниз по стремительной Мер-Уош»

Весь первый день пути Эрагон пытался запомнить имена тех воинов, которых Ундин послал с ними: Ама, Трига, Хедин, Экксвар, Шрргниен (это имя означало «сердце волка» и казалось Эрагону совершенно непроизносимым), Датхмер и Торв.

В центре каждого плота имелась небольшая каюта, но Эрагон почти все время проводил вне ее стен, предпочитая сидеть, свесив ноги в воду, и смотреть, как мимо проплывают Беорские горы. Зимородки и галки то и дело взлетали над берегом реки, голубые цапли стояли, застыв как изваяния, близ болотистых берегов, где на воде играли солнечные зайчики, а лучи солнца пробивались сквозь густую листву орешника, березы и ив. Время от времени из папоротников доносилось громкое кваканье лягушки-быка.

– Как красиво! – воскликнул Эрагон, обращаясь к сидевшему рядом Орику.

– Да, очень. – Гном спокойно раскурил трубку и устроился поудобнее.

В тишине поскрипывали бревна и канаты – это Трига умело правил плотом с помощью длинного рулевого весла.

– Орик, а тебе известно, почему Бром присоединился к варденам? Я так мало о нем знаю... Большую часть жизни я вообще думал, что он самый обыкновенный сказитель.

– А он никогда к варденам и не присоединялся. Он помог основать этот орден. – Орик помолчал, выбил трубку о край плота и пояснил: – Ведь после того, как Гальбаторикс стал королем, то единственным оставшимся в живых Всадником оказался Бром – не считая Проклятых, конечно.

– Но ведь он тогда уже не был Всадником: его дракон погиб во время битвы при Дору-Ариба.

– Ну и что? Нет, Бром был самым настоящим Всадником – по своим знаниям, умениям и принципам. Именно он первым сумел объединить всех друзей Всадников, а также сочувствующих, в том числе и тех, кому пришлось скрываться в изгнании. Именно он убедил Хротгара в необходимости предоставить варденам убежище в Фартхен Дуре; именно он сумел заручиться поддержкой эльфов.

Некоторое время оба молчали, потом Эрагон спросил:

– Но почему же в таком случае Бром отказался возглавить варденов?

Орик сухо усмехнулся:

– А он, возможно, никогда этого и не хотел. Впрочем, сам я с Бромом знаком мало. Да и те события имели место еще до того, как Хротгар усыновил меня. Бром редко бывал в Тронжхайме. Он то сражался с Проклятыми, то участвовал в том или ином заговоре против Империи.

– Значит, ты рос сиротой? Твои родители умерли?

– Да. Я лишился их еще в детстве – оспа унесла их жизни. И Хротгар проявил ко мне достаточно доброты: принял в свой Дом и, поскольку родных детей у него нет, сделал своим наследником.

«Да, – подумал Эрагон, – Хротгар и ко мне был очень добр».

Сумерки, как и всегда в этих местах, наступили очень рано. Когда темнота стала сгущаться, гномы зажгли на каждом из четырех углов плота по фонарю. Фонари были красными. Эрагон слышал, что они вроде бы помогают видеть в темноте. Стоя рядом с Арьей, он долго любовался их чистым свечением, потом спросил:

– А ты знаешь, как делаются такие фонари?

– Да. Это магическое умение мы передали гномам давным-давно. И они отлично научились им пользоваться.

Эрагон задумчиво поскреб подбородок, где вовсю начинала прорастать шелковистая борода, и с надеждой посмотрел на Арья:

– А ты не могла бы и меня научить кое-каким магическим умениям? Мы ведь еще долго плыть будем.

Арья внимательно посмотрела на него, помолчала – на шатающихся бревнах плота она стояла как вкопанная – и сухо ответила:

– Это не мое дело. Тебя уже ждет настоящий учитель.

– Тогда, по крайней мере, скажи, что означает имя моего меча?

И Арья ответила еле слышно:

– «Приносящий страдания». И он полностью своему имени соответствовал, пока его хозяином не стал ты.

Эрагон посмотрел на Заррок с отвращением. Чем больше он узнавал о своем клинке, тем более злым и опасным он ему казался, словно по собственной воле мог приносить страдания и беды. Если бы этот меч ему подарил не Бром, если бы преимущества Заррока по сравнению с мечами Проклятых не были столь очевидны, Эрагон давно бы уже бросил его в реку. Ему хотелось сделать это даже сейчас.

Но вместо этого Эрагон сам бросился в воду, подплыл к Сапфире, и, пользуясь тем, что еще не совсем темно, они впервые после ухода из Тронжхайма решили немного полетать. На большой высоте воздух был прозрачен и легкий, а река внизу казалась всего лишь пурпурным ручейком.

Не имея седла, Эрагон крепко сжимал коленями колючие бока Сапфиры, болезненно ощущая старые шрамы, полученные им во время самого первого их полета.

Сапфира заложила вираж, паря на восходящем потоке воздуха, и Эрагон заметил, как слева от них со склона горы в воздух поднялись три коричневых комочка или пятнышка и стали стремительно набирать высоту. Сперва Эрагон решил, что это ястребы, но загадочные животные вскоре подлетели поближе, и он увидел, что в них не менее двадцати футов, у них длинные тощие хвосты, кожистые крылья, и вообще они были очень похожи на драконов! Но драконов куда более мелких, чем Сапфира, и куда больше похожих на змей. Да и зеленовато-коричневая невзрачная чешуя у них совсем не блестела.

Эрагон возбужденно спросил:

«Неужели это тоже драконы?»

«Не знаю», – растерянно ответила Сапфира, кружа на месте и рассматривая незнакомых ящеров. Те, впрочем, тоже явно никуда улетать не собирались. Их, казалось, смущал грозный вид Сапфиры и ее внушительные размеры; они то подлетали к ней совсем близко, то вдруг в самый последний момент резко разворачивались и с шипением удалялись на безопасное расстояние.

Эрагон усмехнулся. Пожалуй, решил он, надо попытаться установить с ними мысленный контакт. Три неведомых ящера тут же свились в клубок, став еще больше похожими на змей, и пронзительно закричали, широко раскрывая пасти. Их крик был не только слышен на много миль вокруг, но и проникал Эрагону в самую душу, прямо-таки раздирая ее в клочья. Такой крик мог кого угодно свести с ума. Сапфира тоже это почувствовала. А крылатые существа, продолжая пронзительно орать, вдруг бросились в атаку, выставив перед собой острые как бритва когти.

«Держись крепче», – мысленно предупредила Эрагона Сапфира и, сложив левое крыло, заложила крутой вираж, ловко обойдя двоих нападающих, потом сильно взмахнула крыльями и в один миг поднялась значительно выше коричневых ящеров. А Эрагон тем временем пытался закрыть доступ к своим мыслям и как-то заглушить тот пронзительный жалобный вой, что неумолчно звучал у него в ушах. Как только ему это удалось, он хотел было воспользоваться

магией и уничтожить противных тварей, но Сапфира остановила его: «Не убивай их. Я хочу поставить опыт».

Хотя эти крылатые ящеры оказались значительно более юркими, чем Сапфира, она сильно превосходила их по величине и силе. Перекувырнувшись в воздухе, она вдруг повисла вверх ногами, и у Эрагона от страха засосало под ложечкой. Один из ящеров тут же попытался спикировать на дракониху, но она ловко ударила его задней ногой прямо в грудь и отшвырнула в сторону.

Вопли атакующих стали понемногу стихать, а Сапфира, расправив крылья, медленно описала в воздухе мертвую петлю и повернулась к ним, грозно выгнув шею и чуть откинув назад голову. Эрагон слышал, как где-то глубоко внутри у нее рокочет пламя. Затем из пасти драконихи вырвался язык огня, и точно синий светящийся нимб окутал ее голову, а чешуя засверкала, словно целая россыпь драгоценных камней.

Неведомые твари, так похожие на драконов, испуганно заквакали и разлетелись в разные стороны. Мысленная связь с ними тоже оборвалась; они всю улепетывали к себе в горы.

«Ты же меня чуть не сбросила!» – сердито сказал Эрагон, наконец-то позволив себе немного отпустить руки, которыми судорожно вцепился в шипы на драконьей шее.

Сапфира самодовольно посмотрела на него и заявила:

«Почти, да не совсем!»

«Это точно!» – засмеялся Эрагон.

Страшно довольные одержанной победой, они вернулись к плотам. Когда Сапфира шлепнулась на воду, подняв весьма приличные волны, Орик крикнул:

– Вы не ранены?

– Нет, – ответил Эрагон, слезая со спины Сапфиры на плот. – Это что же, еще одна разновидность живых существ, которые водятся только в Беорских горах?

Орик оттащил его подальше от края и сказал:

– Мы называем их фангурами. Они не такие умные, как драконы, и выдыхать огонь не умеют, но связываться с ними все равно не стоит.

– Мы это заметили. – Эрагон потер виски: от воплей фангуров у него разболелась голова. – Хотя они, конечно, Сапфире не соперники.

«Естественно!» – важно подтвердила дракониха.

– А охотятся они, – продолжал объяснять Орик, – пользуясь своим умением мысленно сбить свою жертву с толку, обездвигать ее, а потом убить.

Сапфира ударила хвостом по воде, сильно обрызгав Эрагона, и заметила: «А что, это совсем не плохой прием! Пожалуй, в следующий раз во время охоты я тоже попробую им воспользоваться».

Он кивнул:

«Он и в бою, кстати, тоже может пригодиться».

– Хорошо, что вы этих фангуров не убили, – сказала подошедшая к ним Арья. – Их осталось уже совсем немного; во всяком случае, в здешних местах этой троицы очень не хватало бы.

– Много их или мало, только они постоянно на наших овец охотятся! – проворчал Торв, вылезая из каюты и сердито тряся клочковатой бородой. – Ты бы лучше не летал больше в этих горах, Губитель Шейдов, – сказал он Эрагону. – Как прикажешь тебя охранять, когда ты на своем драконе с этими воздушными гадюками сражаешься?

– Хорошо, мы больше летать не будем, подождем до равнин, – пообещал Эрагон.

– Вот и хорошо!

Вскоре они остановились на ночлег. Гномы привязали плоты к осинам, росшим в устье небольшого ручья, затем Ама развел костер, а Эрагон помог Экксвару доставить Сноуфайра на берег и отвести его на узкую полоску зеленой травы – попасись.

Торв командовал установкой шести больших палаток, Хедин собирал топливо для костра, чтобы хватило до утра, а Датхмер принялся готовить ужин. Арья взяла на себя охрану лагеря; вскоре к ней присоединились Экксвар, Ама и Трига, покончившие со своими делами.

Обнаружив, что делать ему нечего, Эрагон присел на корточки у костра рядом с Ориком и Шрргниеном. Когда Шрргниен, сняв перчатки, вытянул над огнем свои покрытые шрамами руки, Эрагон заметил, что из каждого пальца, за исключением большого, у него торчат блестящие стальные шипы, вбитые, похоже, прямо в сустав.

– Что это? – в ужасе спросил он.

Шрргниен, переглянувшись с Ориком, засмеялся:

– А это мои Аскудгамлн – Стальные Кулаки. – Он, не вставая, ударил кулаком по обломку осины, приготовленному для костра, и в древесине остались четыре симметричные дыры. Шрргниен снова засмеялся. – Очень удобная вещь, когда нужно ударить как следует, правда?

Эрагон, сгорая от любопытства, спросил:

– Но как это сделано? Как эти штуки тебе в пальцы... вбили?

Шрргниен ответил не сразу.

– Сперва тебя погружают в глубокий сон, и никакой боли ты не чувствуешь, а потом... потом просверливается дырка прямо в суставе... – Он умолк и что-то быстро сказал Орику на своем языке.

– И в эту дырку вставляется металлическое гнездо, – пояснил Орик. – А потом еще все закрепляется с помощью магии. Когда воин полностью приходит в себя и руки у него заживают, в такие металлические гнезда можно вставлять штыри различных размеров.

– Понимаешь теперь? – спросил, улыбаясь, Шрргниен. Он взялся за штырь, торчавший из сустава указательного пальца на левой руке, легко повернул его, вынул и протянул Эрагону.

Эрагон, качая головой, покатал острый штырь на ладони и сказал с завистью:

– Вот бы и мне такие «Стальные Кулаки»! – Он вернул штырь Шрргниену.

– Это очень опасная операция, – возразил Орик. – На нее решаются очень немногие кнурлане. Можно запросто лишиться способности руками управлять, если тебе неудачно отверстия просверлят. – Он показал Эрагону свой мощный кулак. – У нас-то кости потолще, чем у людей, и то мы их трогать опасаемся. А у вас Аскудгамлн может вообще не прижиться.

– Ладно, я твои слова запомню, – сказал Эрагон, но ему по-прежнему весьма заманчивой казалась возможность драться с помощью таких «стальных кулаков», которые, наверное, способны даже латы ургалов пробить. Да, это было бы замечательно!

После ужина Эрагон сразу ушел в свою палатку. При свете костра он видел сквозь ткань палатки силуэт Сапфиры, казавшийся вырезанным из черной бумаги. Дракониха устроилась прямо под стеной его временного убежища.

Эрагон сидел, закутавшись в одеяла и поджав под себя ноги, и тупо смотрел перед собой – спать ему еще не хотелось. Мысли сами собой тут же повернули к родным местам. «Как там Роран, – думал он, – и Хорст? И все остальные жители Карвахолла? Интересно, в долине уже начали сев?» Печаль и тоска по дому терзали душу Эрагона.

Он вытащил из заплечного мешка деревянную плошку, до краев наполнил ее водой из бурдюка и, сосредоточившись на образе Рорана, прошептал: «Драумр копа!»

Как всегда, вода сперва почернела, потом засверкала, как стекло, и на поверхности ее появилось изображение – Роран, сидящий в полном одиночестве в какой-то комнате, освещенной одинокой свечой. Эрагон сразу узнал эту комнату в доме Хорста и догадался, что Роран, оставив работу на мельнице в Теринсфорде, вернулся в Карвахолл. Сейчас его брат сидел, чуть согнувшись, опершись локтями о колени и опустив подбородок на сцепленные перед собой пальцы. Он неотрывно смотрел куда-то в стену с таким выражением лица, которое Эрагон очень хорошо знал: Роран явно пытался решить какую-то сложную задачу. Впрочем, выглядел

он неплохо, хоть и казался несколько усталым, и Эрагон, успокоившись, позволил магическим чарам развеяться. Изображение исчезло, и вода в плошке опять стала прозрачной.

Эрагон вылил воду, лег, натянув одеяла до самого подбородка, и закрыл глаза. Вскоре он почувствовал, как его окутывает та теплая пелена, что отделяет бодрствование от сна и делает реальную действительность зыбкой и неопределенной, а мысль, напротив, высвобождает, выпускает на волю из сковывавших ее пределов сознания и условностей, и тогда все на свете начинает казаться возможным.

Сон все же сморил Эрагона. Спал он крепко, хотя и недолго, ибо ему приснился странно яркий и тревожный сон, после которого он, вздрогнув, проснулся.

Над ним расстились страшные небеса, черные от дыма пожарищ. И в этой черно-красной мгле высоко-высоко над землей, куда не долетали стрелы, мелькавшие в воздухе, парили вороны и орлы. А внизу шла великая битва, и какой-то воин лежал на истоптанной множеством ног земле в помятом шлеме, в окровавленной кольчуге. Но лица его видно не было: оно скрывалось под вскинутой в каком-то странном жесте и навеки застывшей рукой.

Затем перед Эрагоном мелькнула еще чья-то рука в латной перчатке. Эта рука заслонила от него все остальное, и он увидел, как сжались в кулак стальные пальцы, и невидимый воин в латах ткнул указательным пальцем в лежащего на земле человека – видимо, своего поверженного врага, – и в этом жесте была неумолимость и жестокость самой Судьбы.

Видение это все еще стояло перед глазами Эрагона, когда он выполз из палатки и пошел искать Сапфиру. Он обнаружил ее недалеко от лагеря, дракониха завтракала, доедая чью-то покрытую шерстью тушу. Эрагон рассказал ей о своем сне, и она сразу перестала рвать свою добычу, словно вдруг забыв о ней. Потом проглотила тот кусок, который уже держала в зубах, и сказала:

«Когда тебе в последний раз снилось что-то подобное, твой сон оказался пророческим. Но неужели в Алагейзии могла начаться война?»

Эрагон в отчаянии отшвырнул ногой валявшуюся на земле ветку и воскликнул:

«Откуда же мне знать! Бром говорил, что можно вызывать лишь образы тех людей, мест и вещей, что ты уже видел когда-то. Но я совершенно точно никогда не бывал в том месте, которое мне приснилось! Да и Арию, когда она мне впервые приснилась в Тирме, я до того ни разу не видел...»

«Может быть, Тогира Иконока сможет объяснить это?» – предположила Сапфира.

Эрагон кивнул.

Вскоре встали и все остальные и стали готовиться к дальнейшему пути. Гномы, похоже, повеселели и успокоились, оказавшись на приличном расстоянии от Тарнага. Когда они, отталкиваясь шестами, вновь двинулись по течению Аз Рагни, Экксвар, правивший тем плотом, где был Сноуфайр, запел хрипловатым басом:

Вниз по стремительной Мер-Уош,
Что кровью рождена великой Килф,
Мы на плотах своих плывем
Навстречу Дому, очагу и славе.

Под небом, где орланы белохвостые парят,
И сквозь леса, где великаны-волки правят,
Плывем мы на плотах кроваво-красных
Навстречу золоту, железу и алмазам.

Крепка моя рука – в ней молот мой тяжелый;
И оберег заветный хранит меня с тех пор,
Когда, покинув Дом родных мне кнурлан,
Отправился я в дальнюю пустыню...

Вскоре песню подхватили и другие гномы, добавляя к ней все новые и новые куплеты. Пели они на своем языке, и под негромкое гудение их голосов Эрагон осторожно пробрался на нос плота, где, скрестив ноги и глядя вдаль, сидела Арья.

– Мне приснился странный сон... – неуверенно начал Эрагон, и Арья с интересом взглянула на него. Он рассказал ей о том, что сперва с помощью магии вызвал образ Рорана, а потом и о своем загадочном и страшноватом видении. – Если это связано с тем, что я пытался увидеть родные края...

– Нет, – прервала его Арья и заговорила очень медленно, старательно подбирая слова, словно для того, чтобы избежать недопонимания. – С Карвахоллом твой сон не связан. Я и раньше много думала над тем, каким образом тебе удалось увидеть меня в застенках Гиллида, и пришла к выводу: пока я лежала без сознания, душа моя искала помощи от кого угодно.

– Но почему она выбрала именно меня?

Арья кивнула в сторону Сапфиры, спокойно рассекавшей воды реки.

– Видимо, я привыкла к присутствию в моей жизни Сапфиры, ведь я пятнадцать лет стерегла ее яйцо, вот моя душа и устремилась к чему-то знакомому, связанному с нею. И я невольно проникла в твои сновидения.

– Неужели ты настолько сильна, что можешь установить мысленную связь с кем-то в Тирме, сама находясь в Гиллиде? Ведь тебя тогда еще и зельем каким-то опоили.

Призрачная улыбка мелькнула на лице Арьи.

– Я могла бы стоять у ворот Врэнгарда и мысленно разговаривать с тобой, и ты слышал бы меня столь же ясно, как сейчас. – Она помолчала. – Но вернемся к твоему сну. В Тирме ты не пользовался магическим кристаллом, чтобы вызвать мой образ, но все же увидел меня. И сегодня ночью ты просто спал, а не занимался магией, значит, твой сон порожден предчувствиями, и скорее всего вещий. Известно, что вещие сны изредка случаются у представителей всех народов, способных глубоко чувствовать, но все же наиболее часто они бывают у тех, кто пользуется магией.

Плот качнуло, и Эрагон ухватился за узел с припасами, принайтовленный к бревнам.

– Если то, что я видел, действительно должно произойти, разве мы в силах изменить неотвратимое? Разве наши желания имеют хоть какой-то смысл? А что, если я вот сейчас брошусь в воду и утону?

– Но ты же не бросишься и не утонешь. – Арья обмакнула в воду указательный палец и долго смотрела на каплю, повисшую на его конце. – Когда-то очень давно эльфу по имени Маерзади приснился вещий сон о том, что во время сражения он случайно убьет своего сына. Решив, что лучше ему не жить, чем стать исполнителем воли Судьбы, он совершил самоубийство, спасая сына и доказав, что будущее все-таки в его собственных руках. Но тебе недостаточно просто убить себя – ведь так ты вряд ли сможешь повлиять на свою судьбу, ибо не знаешь еще, что приведет тебя к тому моменту, который ты видел во сне, и какой выбор тебе придется до этого сделать. – Арья тряхнула рукой, и капля воды упала с ее пальца на бревно между ними. – Мы, эльфы, знаем, что вполне возможно добыть какие-то сведения о будущем. Этим довольно часто занимаются предсказатели, способные понять или почувствовать, каков будет жизненный путь того или иного человека. Но мы не можем узнать, в какой точке этого пути человеку придется сделать самый важный в его жизни выбор. И никто из нас не может заглянуть в какой-то конкретный момент своего будущего, увидеть, что, где и когда именно с ним случится.

Эрагона глубоко встревожил этот разговор о возможности черпать сведения в глубинах прошлого и особенно будущего. Тема вещих снов поднимала слишком много вопросов о природе реальной действительности. «Существуют ли на самом деле Рок и Судьба? Или единственное, что мне позволено, – это наслаждаться настоящим и жить по возможности достойно?» Он не удержался и один вопрос все же задал:

– Но что может помешать моему желанию оживить с помощью магии одно из своих воспоминаний? Ведь все это я уже видел собственными глазами.

Арья внимательно посмотрела на него и сказала:

– Если тебе дорога твоя жизнь, никогда не пытайся играть со Временем и разгадывать будущее с помощью образов прошлого. Много лет назад некоторые из наших великих заклинателей решили посвятить себя решению этой задачи. Но когда они попытались вызвать для этого образы прошлого, им удалось создать в магическом кристалле лишь некое расплывчатое изображение, однако же и за эти несколько мгновений заклятие успело высосать из них все силы и убило их. После случившегося мы прекратили любые подобные опыты, хотя кое-кто и выдвигал аргументы в пользу одновременных усилий нескольких чародеев, что якобы должно было заставить заклятие подействовать. Но никто не захотел подвергать себя столь страшному риску, и данная теория осталась недоказанной. Ведь даже когда ты можешь вызывать образы прошлого, это имеет весьма ограниченные пределы и смысл. Ну, а чтобы вызвать образы будущего, нужно совершенно точно заранее знать, что именно, где и когда будет происходить, а это невозможно. Да и попросту противоречит поставленной цели.

А потому до сих пор не ясно, отчего люди порой способны что-то предчувствовать, отчего им снятся вещие сны. Ведь благодаря этим снам они, пусть бессознательно, но все же способны совершить то, над чем столько лет тщетно бьются величайшие мудрецы. Предчувствия, возможно, связаны с самой природой магии или, точнее, родственны тому, что у драконов является древней памятью предков. Мы не знаем точно. Ведь еще столь многое в магии осталось неведомым даже нам, эльфам... – Арья легко вскочила на ноги и сказала, завершая разговор: – Вот и постарайся не заблудиться в сплетении этих неведомых троп.

На плотях

Ущелье, пробитое рекой, быстро расширялась; плоты приближались к широкому проходу между горами, и к середине дня перед ними открылся вид на просторную, залитую солнцем долину, дальний, северный край которой тонул в голубоватой дымке.

Стоявшие стеной горы и острые скалы остались позади; над ними раскинулось бескрайнее небо, где-то вдаль сливавшееся с горизонтом. Сразу заметно потеплело. Здесь Аз Рагни, делая излучину, сворачивала к востоку. На одном ее берегу по-прежнему громоздились горы, а на другом расстилалась бесконечная равнина.

Похоже, на открытом пространстве гномы чувствовали себя весьма неудобно. Они что-то недовольно бурчали, с тоской оглядываясь на зубчатую стену гор.

Зато Эрагону солнечный свет, казалось, прибавил сил. До сих пор он даже в течение дня не чувствовал себя окончательно проснувшимся – ведь в узком ущелье три четверти суток проходили во тьме или в сумерках. Следовавшая за их плотами Сапфира вынырнула из воды и взлетела, описывая над простором долины круги. Она поднималась все выше и выше, пока не превратилась в маленькое мерцающее пятнышко на фоне лазурного небосвода.

«И что ты оттуда видишь?» – спросил ее Эрагон.

«Я вижу огромные стада антилоп к северу и к востоку. А на западе – только пустыню Хадарак».

«И никого больше? Ни ургалов, ни работорговцев, ни кочевников?»

«Мы тут одни».

Тем вечером Торв выбрал для стоянки маленькую бухточку, укрывшуюся среди камней. Пока Датхмер готовил ужин, Эрагон расчистил место возле своей палатки, вытащил Заррок и приготовился к медитации, как учил его Бром; он всегда говорил, что перед боем необходимо сосредоточиться. Эрагон понимал, что до эльфов, безупречных фехтовальщиков, ему еще далеко, но являться в Эллесмеру совсем неподготовленным не хотелось.

С нарочитой медлительностью он взмахнул Зарроком над головой и, перехватив его обеими руками, что было сил обрушил на шлем невидимого врага. В такой позиции он задержался еще секунду-другую и, полностью контролируя каждое свое движение, сделал выпад вправо, резко взмахнув Зарроком и парируя воображаемый удар, а потом вдруг застыл с согнутыми для обороны руками.

Краем глаза Эрагон заметил, что Орик, Арья и Торв наблюдают за ним, но постарался не обращать на них внимания, сосредоточившись лишь на своем рубиновом клинке; он держал его так, словно Заррок был змеей, способной в любое мгновение извернуться и укусить его за руку.

Он совершил еще несколько выпадов, атакуя и защищаясь, и каждое движение плавно перетекало в другое, подчиняясь воле его тела. В мыслях своих Эрагон был далеко – не на окутанной вечерней дымкой молчаливой реке, а на поле брани, в окружении свирепых ургалов и куллов. Он приседал, рубил, парировал, наносил ответные удары и протыкал противника насквозь в невообразимом прыжке. Он сражался, испытывая тот же самый бездумный прилив сил, как и во время боя при Фартхен Дуре, не думая о собственной безопасности, тесня и рубя воображаемых врагов.

Вращая Заррок над головой, Эрагон попытался переложить меч из одной руки в другую и вдруг выронил его: страшная боль молнией пронзила спину. Он зашатался и упал, слыша встревоженные голоса Арьи и гномов, но перед глазами плыл какой-то странный, густой и искрящийся красноватый туман, окутавший все вокруг кровавой вуалью. Боль лишила его спо-

собности чувствовать и думать, оставив ему лишь одну возможность: кричать, подобно раненому зверю. А потом она и вовсе погасила его разум.

Когда Эрагон немного пришел в себя и понял, где находится, то оказалось, что его перенесли в палатку, удобно уложили и закутали в одеяла. Рядом с ним сидела Арья, а из-за полога палатки торчала голова Сапфиры.

«Я долго был без сознания?» – мысленно спросил дракониху Эрагон.

«Некоторое время, – уклончиво ответила она. – Потом ты еще немного поспал. Я пыталась перетащить твою душу в свое тело, чтобы защитить тебя от боли, но не сумела, ибо сознание твое оказалось мне не подвластно».

Эрагон кивнул и закрыл глаза. Тело словно гудело от пережитого приступа боли. Он несколько раз глубоко вздохнул, посмотрел на Арию и тихо спросил:

– Как же я теперь смогу учиться? Или биться с врагом? Или использовать магию? Я ведь... точно кудельный сосуд... – Он не договорил. Язык казался ему странно тяжелым, неповоротливым, и все лицо тоже как-то отяжелело, как у глубокого старика.

Арья тоже очень тихо ответила:

– Ничего, сидеть и смотреть ты ведь сможешь, правда? И слушать. И читать. Занятиям твой недуг не помешает.

Но Эрагон все же услышал в ее голосе легкую неуверенность, даже, пожалуй, страх, и отвернулся, чтобы случайно не встретиться с ней глазами. Собственная беспомощность казалась ему постыдной.

– Что же это такое сотворил со мной проклятый шейд?

– Мне нечего тебе ответить, Эрагон. Я не уверена, что и самые мудрые из эльфов знают ответ на этот вопрос.

А я далеко не лучшая представительница своего народа. Все мы стараемся как следует выполнить посильную работу, и не вини себя за то, что твой враг в чем-то оказался сильнее. Возможно, время залечит твою рану. – Арья ласково коснулась пальцами его лба, прошептала: – Се морранр оно финна, – и вышла из палатки.

Эрагон с трудом сел и поморщился: спина снова отозвалась болью, когда затекшие мышцы стали понемногу расправляться. Перед глазами вновь поплыл туман; Эрагон толком не видел даже собственных рук.

«Мне страшно», – сказал он Сапфире.

«Почему?»

«Потому что... – Он колебался. – Потому что я не знаю, как защитить себя от нового приступа, и не знаю, когда он снова на меня обрушится. Но только это непременно случится и наверняка в самый неподходящий момент! Мое собственное тело стало мне врагом, Сапфира!»

Дракониха что-то промурлыкала себе под нос и сказала:

«Я тоже ничего не могу тебе посоветовать. Жизнь, насколько я могу судить, – это всегда и боль, и удовольствие. И если болью придется заплатить за часы наслаждения, то разве эта цена чрезмерно велика?»

«Да, чрезмерно!» – сердито рявкнул Эрагон. Он отшвырнул одеяла, встал и, пройдя мимо драконихи, направился к центру лагеря, где у костра сидели Арья и гномы.

– Поесть ничего не осталось? – спросил он.

Датхмер молча наполнил миску едой и подал ему, а Торв почтительно спросил:

– Ну что, тебе уже лучше, Губитель Шейдов? – Похоже, и он, и другие гномы искренне сочувствовали Эрагону.

– Все хорошо. Я отлично себя чувствую, – быстро сказал он.

– Ты взял на себя тяжкую ношу, Губитель Шейдов.

Эрагон нахмурился, резко поднялся и отошел подальше от костра, в темноту, чувствуя, что Сапфира где-то неподалеку. Впрочем, дракониха к нему не подходила, понимая, видно, что пока лучше оставить его в покое. Эрагон, стараясь подавить дурное настроение, принялся за приготовленное Датхмером рагу, но стоило ему проглотить первый кусок, как за спиной у него послышался голос Орика:

– Тебе не следовало так с ними поступать!

Эрагон гневно взглянул на него:

– Ну, что еще?

– Торв и все остальные получили приказ охранять тебя и Сапфиру и готовы в случае чего даже умереть за вас. Именно тебе они доверят в таком случае свое священное погребение. Не забывай об этом!

И Эрагон, заставив себя проглотить вертевшиеся на языке сердитые возражения, молча уставился на черную воду – река все бежала куда-то, не зная покоя, но вид этих текучих вод все же помог ему привести мысли в порядок.

– Ты прав, – сказал он Орику. – Я нечаянно сорвался.

В темноте блеснули зубы Орика – он широко улыбался:

– Ничего, такой урок должен усвоить каждый, кто командует людьми. В меня, например, это навсегда вбил Хротгар: я тогда швырнул сапогом в гнома, бросившего свою алебарду там, где на нее любой мог наступить.

– И ты этого гнома ударил?

– Мало того! Я сломал ему нос, – засмеялся Орик.

Эрагон тоже невольно засмеялся:

– Ладно, я постараюсь никому нос не ломать. – Он сжал в ладонях еще теплую миску с едой, вдруг почувствовав сильный озноб.

Орик достал из висевшего на поясе мешочка несколько переплетенных между собой золотых колец и уронил безделушку Эрагону на ладонь.

– Это головоломка, – сказал он. – С ее помощью мы неплохо определяем, кто на что способен. Здесь восемь тонких золотых ленточек, свернутых в кольца; если их правильно соединить, они образуют единое кольцо. Я и сам очень люблю складывать эту головоломку, особенно когда чем-то встревожен.

– Спасибо, – прошептал Эрагон, не сводя глаз с золотых проволочек.

– Можешь оставить это себе, когда сумеешь сложить кольцо.

Вернувшись в палатку, Эрагон лег на живот и принялся внимательно изучать головоломку. Ее составляющие были как бы продеты одна в другую, гладкие с одного конца и заостренные – с другого. Казалось, соединить их ничего не стоит.

Эрагон попробовал это сделать и вскоре пришел в отчаяние от того, что ни одна из частей головоломки, казалось, к другой попросту не подходит.

Решение этой задачи настолько поглотило его, что вскоре он совершенно забыл о той ужасной боли, которую испытал всего несколько часов назад.

Спал Эрагон довольно спокойно и проснулся перед рассветом. Протирая заспанные глаза, он выбрался из палатки и с наслаждением потянулся. Воздух был еще холодный, изо рта вырывались облачка пара. Эрагон кивнул Шрргниену, дежурившему у костра, и пошел умываться к реке.

Вернувшись, он определил местонахождение Сапфиры, опоясался мечом и направился туда, где находилась дракониха, – за березовую рощу, вытянувшуюся вдоль берега Аз Рагни. Пробираться пришлось сквозь густой подлесок, и вскоре он вымок до нитки. За рощей он увидел округлый холм, на вершине которого точно две старинные статуи стояли Сапфира и Арья, глядя, как по небу разливается сияющее зарево зари, окрашивая в золотисто-розовые тона серые просторы равнины.

Эрагон вспомнил вдруг, как Сапфира наблюдала за восходом солнца с изголовья его кровати: она тогда всего несколько дней, как проклюнулась из яйца. Сейчас же она была просто великолепна – со своими ясными жестокими глазами ястреба, прячущимися под шипастыми надбровными выступами, с гордо и хищно изогнутой шеей, с той явственной силой, что сквозила в каждой линии ее тела, настоящая охотница, в полной мере наделенная той дикой и свирепой красотой, которая этому понятию соответствует. Резковатые черты Арьи и ее грациозность пантеры идеально соответствовали облику стоявшей рядом с ней драконихи. Они удивительно подходили друг другу сейчас, залитые первыми лучами восходящего солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.